

Педофильский радикализм

Том Виктор О'Кэрролл

1980 (англ.¹), 2018 (рус.²)

¹Печатня Петра Оуэна, Лондон

²Кирилл Галабурда, Днепр, Украина.

Авторское предисловие к русскому переводу

Лестно предварять книгу “Paedophilia: The Radical Case” на русском. Неужели доньше вызывает интерес? Найти читателя настолько далеко был удивлён.

Что Кирилл взялся за хлопоты перевода (бессмысленные при табуированности предмета), что мою книгу, переведённую на главные языки, прочитает ещё большее число людей, радостно — за то Кириллу спасибо.

Но того мало. Книг ещё лучших, ещё более современных о возможной благотворности ребёнку педофильных отношений, должно быть уже сотни.

За 3½ десятилетия после публикации “Paedophilia: The Radical Case” (1980) само слово «педофилия» стало взрывоопасным. Начиная борьбу с чистого листа — борьбу за благоразумие по вопросу полового чувства детей, полового влечения к ним — я бы по примеру гомосексуалов именовался благозвучнее. Как

они выбрали называться «геями» — по-английски «беззаботные», «весёлые».

Поскольку термины «гомосексуальность» и «педофилия» пришли с XIX столетия. Это слова медицинского контекста, патологической коннотации. В 1978 – 1979 годы, когда сочинял эту книгу, казалось, и слово можно выволить из ассоциативного тупика. «Педофилия» же “φιλία” — разновидность любви. В 6-м издании Concise Oxford Dictionary (1976) педофилия — «половая любовь, направленная на ребёнка». Я надеялся, педофилы сплотятся вокруг этого хорошего смысла: не насильники мы, но любовники; не для диагностики наше чувство, но для воспевания.

Надежды, к сожалению, не сбылись. Плюрализма сексуального самовыражения всё больше, но не сексуального самовыражения детей и педофилов. Не только (внероссийская) го-молиберализация — в Канаде мероприятие разрекламировало себя как «ежегодное празднество культуры LGTBTTQQ2SA и прав человека» [31]. Не без участия «множества лесбиянок, ге-ев, бисексуалов, транссексуалов, травести, андрогинов, квир-сексуалов, сомневающихся, двоедушников, сочувствующих — и не только». На фестивале приветили бы даже сомнительного БДСМ-щика [подчиняющего(ся), садо-мазохиста], но точно не педофила и не ребёнка.

Почему голубая, радужная, подобные субкультуры пользуются настолько дружною солидарностью цивилизованного ми-

ра, но половая жизнь у детей всё равно табуирована — себя спрашиваю постоянно. Почему, хочется знать журналисту, сексуальная революция середины 1960-х — конца 1970-х остановилась? Почему такое мощное противление, небывалая «защита» ребёнку? Дж. Генли с “Guardian” мною насчитано 19 взаимосвязанных причин, и много можно добавить [193]. (Правда, темами диссертаций и книг они станут ещё нескоро.)

Едва ли кто сомневается, насколько повышение женского статуса сыграло свою роль. Явление, по большому счёту, полезное: в защиту полового неравенства довода не осталось. Я признаю феминизм, однако только такой. Феминизму же воинствующе-виктимологическому с равенством отнюдь не по пути. Лютая, заразная борьба со злоупотреблениями сама дошла до злоупотреблений. Организации, созданные, чтобы «жертвы» мужчин имели возможность высказаться, всё менее представительны. Возглавлены корыстными ведьмоловами. Обожающими зрелищно преувеличивать. Высокомерно-равнодушными к установленным фактам, умным аргументам.

Целые десятилетия такие лицемеры печатались и лоббировали. При поддержке, даже стимулировании со стороны популистов истеблишмента, сочинителей сенсаций. И нынче Запад (особенно США с Великобританией) культивирует общество параноиков. Держа ребёнка взаперти. Прочь от «угрозы со стороны незнакомца», вульгарно преувеличенной. Здорового тренирования соцнавыков ему не видать. Всё больше ребёнок

ограничен экраном и неизбежно переедает. Верное средство добиться депрессивности, нынешней эпидемии детского саморазрушения. К тому же наша мания «защитить» ребёнка фальшива. По-настоящему жестоко (пренебрегая, применяя силу) с ребёнком обращается семья. Для воспитания народ издавна пользовался необходимой ребёнку деревне. Возможность отдохнуть от отца с матерью, оправиться, погулять и воспользоваться преимуществами страстного, полезного любопытства, даруемого чужими взрослыми — ресурса, бездумно растраченного.

Всё меньше ребёнку возможности для полового самовыражения. Бредни, словно «детскую невинность» надо беречь, означает, якобы в половой близости с детьми может оказаться лишь испорченный и плохой ребёнок. Сколько бы ему ни было лет, его признают уже «маньяком» и даже «педофилом». Около $\frac{1}{3}$ в Перечне половых преступников Англии — подростки. За нарушение мужеложского закона судили пару кентуккских мальчиков шести лет. Панически закрыли калифорнийский садик, ибо в нём обнаружили четырёхлетнего «домогателя». Маразм и сумасшествие, но так обстоят дела.

Страшно подумать, насколько мы затронуты этим явлением. У меня на родине за считанные годы педоистерия достигла масштаба культурной революции. Первого с пьедестала низвергли Джима Сэвайла — покойную телезвезду. Далее пошли многие поп-певцы, диск-жокеи, разнообразные другие знаменитости, приговорённые надолго. Модно копаться в белье выда-

ющихся политиков и прочей элиты.

Слышу временами, будто “Paedophilia: The Radical Case” нужно дополнить этими событиями. Трудиться на переиздание к юбилею книги действительно начал. Но на полпути вдруг увлёкся сочинением иного. Труда, посвящённого Майклу Джексону: судебное разбирательство по близости с мальчиком уже завершалось. Вышло, что книга “Michael Jackson’s Dangerous Liaisons” отняла намеченную пятилетку. За которую «новая» версия “Paedophilia: The Radical Case” безнадёжно состарилась.

Когда Кирилл обратился с просьбой написать введение (так и написал: “introduction” вместо “preface”) в русский перевод, я подумал, от меня требуется подробная глава об оригинале книги, разъяснение читателю культурного контекста, в котором она сочинялась-издавалась. К этому действительно нужно стремиться, но мне такая задача не по зубам. Я плохо представляю себе, что русскоязычные читатели знают, а что в британской жизни, ещё минувшей эпохи, покажется непонятным.

Притом отдаю себе отчёт, что Кирилл осознанно сторонился подстрочности перевода, поскольку вольное переложение позволяет объяснить вещи до понятности на другом языке. Я только приветствую. Кое-что, само собой, останется загадочным, однако никуда от этого не уйти: прошлое — чужая страна, столь же чужая, как и Британия для моего нового читателя. Путаница неминуема.

Всё же верю, что меня больше поймут, нежели не поймут.

Судьбы героев, этические дебаты на страницах “Paedophilia: The Radical Case” поучительны независимо от языка либо культуры. Где бы ни находился читатель, он обязательно примет изложенное к сведению, воспользуется сообразуясь с его представлениями о пользе своей родине. Так и должно быть.

Том О’Кэрролл
Камбрия, Англия,
март 2015.

Авторское предисловие к АНГЛИЙСКОМУ ВЫПУСКУ

Сколько страстей около педофилии, но книг о ней мало. Видимо, криминологи-психиатры выглядят излишне любознательными бояться. Всё, что специалисты пишут, упрятано в узкоспециальных изданиях, учебниках и крупными.

Кроме мутных историй со стихами мало сообщают и педофилы. Поэтому тема неназывается. Ворошима только малоинформированными.

Сам я педофил. И почему табу нарушил, объясняю ниже. Во главе, повествующей о моём участии в судьбе РІЕ. Группы, борющейся за гласность. За легализацию добровольных эротических отношений ребёнка со взрослым.

РІЕ борются непримиримо. Угрозы, насилие в отношении нас — обычное дело. Стараниями журналистов остаёмся безработными. Из-за «сговора против общественной морали» готовимся показаться Центральному уголовному суду Великобри-

тании. Эта книга подвергалась опасности в её зародыше. Благодаря полицейскому рейду (1978 – 1979 гг.), архива лишился. По счастливой случайности пропало лишь использованное.

Это проклятье, сторожащее тайну. Тайну, что педорадикализм отнюдь не радикален. Тайну, знакомую не только маргиналам и либертенам, а группам уважаемым. Разве возрасту согласия не противится Совет одинокого материнства? [281]¹ Разве не дружественны к педофилии церковные, государственные власти Нидерландов?²

Моя радикальность отнюдь не «подрубание корней общества», т. е. семьи. Я признаю, что ничего сердечнее, безопаснее ребёнку кроме любящей, крепкой семьи нет. Лучшее, что даётся семьёю, разрушать нельзя. Но нет оправдания также семье, личной жизни ребёнка не допускающей. Если семья даже совершенна в остальном.

Что наказаниями за половое поведение вызываются неврозы, знать и необязательно. Куда виднее, что настраивание ребёнка противу секса помешает его личному счастью.

Не будучи компетентным, я претензии новаторства не держусь. Приведенные данные широкоизвестны. Любопытны разве точкою зрения. Которая необъективна. Но всё равно с источниками держался честно, с оппозицией — хладнокровно. Издатель однажды сказал, якобы книга педорадикальная должна

¹Согласно соображениям, уместным и в пользу полового воспитания.

²По причине, что «защищать» от половой жизни вредно.

быть «или пламенный памфлет, или сухое резонёрство». Поразительно, книга вышла тем и другим одновременно.

Ограниченность автора сказалаась. Любовнику мальчиков естественно писать о мальчиколюбии. Которое реже секса девичьего. Понадобились усилия, чтобы педофильная книга не стала книгой о мальчиколюбии. И так отнюдь не редкой. Читая про педофильство, кажется, что девочки не существуют. Особенности мальчиков обобщаются на детей вообще. Педоборческая феминистская литература — то же самое, только наоборот.

Также не хватило места. Важную главу, почему (детей учат, якобы) секс — это нельзя, пришлось опустить. Традиции воспитания — следствие, не причина. Откуда традиции повелись, уже неясно. В т. ч. науке.

Кроме того, мало внимания кровосмешению. Тема больше семейная, нежели педофильная. Замешанная не на сексуальности, но на власти. Рассмотренной отдельно.

Стилистические замечания. Латинизмы вроде «пениса», «клизатора», «коитуса» мне противны. Народная лексика, когда не выражает агрессии, здоровее. Говорить «облапка» либо «дроченье» вместо «петтинга» либо «мастурбации» теплее, понятнее. Недавняя психиатрическая книга [226] так и написана. Но прислушаюсь к издателю, что сочувственного читателя такое лишь отпугнёт.

Примеры, конечно, с именами переименованными.

Благодарю помогавших. Особенно д. Кеннета Пламмера, чи-

тающего социологию в Эссексе; Нетти Поллард из Нацсовета борьбы за гражданские права; проф. клинической криминологии Дональда Дж. Уэста с Кембриджа. Все прочитали мою рукопись полностью. Рекомендации дали ценные, своевременные. Пару раз я настоял. Если неправ, они не виноваты.

Другие прочитали не полностью. Дд. Г. Ньясу с Д. Уилсоном, оба с института психиатрии Лондона, выпало мне поддерживать эго. (Простите за переключивание терминологии фрейдизма.) Без их участия две главы (5, 10) не появились бы. Также спасибо Д.-Б. Уотсону, что читает этику в Университете Глазго. Поразительно, 7-ю главу почти не правил. Что касается PJE-законопроекта, то проверен учёными сразу. Правоведы поддерживали. Медицинские, г. о., онкологические материи разобраны при поддержке Р. Сталкера с управы здравоохранения Донкастера.

Описание США проверила В. Давила, Д. Форстэд и Т. Ривз. Голландии — Ф. Берnard, Э. Бронгерсма. Также спасибо Ф. Тори за перевод изданий с языка голландского на мой.

Первоисточниками, советами помогли В. Бэнис, В. «Эглингтон», Дж. Джонс, У. Миддлтон, Д. Найхолз и Ф. Вайнсон.

Особое спасибо Р. Томасу, Дж. Муру, М. Кэмерон. Поддержали меня во времена, чрезвычайно трудные.

Нельзя промолчать о приятце библиотекарей. Спасибо книгохранилищу Британского музея, Кембриджского криминститута. Но Пэгнеллова библиотека Ньюпорта помогла больше всех.

Стоуновы работники толковы, расторопны. Межбиблиотечный абонемент их усилиями творил чудеса. Посрамлены библиотеки, более крупные.

Спасибо также редактору П. Оуэну за воображение, мужество. Которые для печатания данной книги необходимы. Спасибо также деловитому Д. Фрэнклину. Благодаря которому меня редактор-авторские трения миновали.

Благодарю каждого РЕ'шника. Они сделали мою книгу возможной. К. Хоузу признательность особая.

Моя признательность отнюдь не значит единомыслия.

Каждого повлиявшего ребёнка тоже благодарю, но не помённо. И не только за книгу.

Том О'Кэрролл,
Лондон, ноябрь 1979 года.

Глава 1

Семена радикализма

Кто восхищался тетралогией «Король былого и грядущего», не знает, насколько смело и достойно пишет автор о влечении к мальчику:

«Влюбился в Седекию, но не представляю, чтобы сделал ему плохо. Неудобная любовь ударит по чувству собственного достоинства, оптимизму, искренности — всему, что мне мило. Сама по себе неплохая, сделает общество бременем. Хотя половые взаимоотношения не навредят ему — скажет: отлично!, ведь унижения вне применения силы, вне содомии, прочего нет, и сам я не какой-то там, — однако жизненные законы, что людские, что божии, возраст его, родители, самооценка, нетерпимая среда, воспоминания, долг старшего, сообычность, необходимые, чтоб общался, радовался, не хитрил — это всё

не по нравственным, а земным соображениям удерживает» [395, р. 277 – 282].

Во свои двадцать это прочувствовал и я. Отчаялся, мучился мальчиками, но смиряться по-Уайтовски не хотел. Для того ли нежность, чтобы с ней бороться? Если всеблагой бог меня сотворил педофилом, это для чего-то нужно? Для того, чтобы, как в романе «Колокол», сберечь дружбу с мальчиками, взять перед ними обязательства, помогать им, любовь обращая во благо. Влечение разве мешает?

Оно у меня с детства. Шестилетним я на девичьи предложения не вёлся, но в отрочестве перед мальчиками не устоял. И счастливее, чем в 11 – 14 лет, уже никогда не был. Охочи со мной рукоблудить, и знакомиться просто — большего не хотели.

Но старшие классы, у всех девушки — мои предпочтения те же. К 11-летним уже не только влечение, но заботливость и рыцарское служение. Страшно быть бабой, должен это перерасти.

Первая любовь — Оззи с моего дома. Познакомиться стеснялся: говорить о чём? О самолётиках? Единственное что — подсмотрел его. Дворовой театр, Оззи вместо дикаря — кто загримирует? Стесняюсь, и вместо меня вызывается мой ровесник. Они воркуют и смеются, ребёнка замазывает старший, лезет ему в трусы — а тому нравится!

Никогда не верил, что со старшими ребёнку нравится. Хочу любить во благо, но знакомиться как? По себе помню, что секса до 10 не хотел, а со взрослыми — даже после 10-ти потрясение. Так воспитали. Телячьи нежности нельзя — даже родители не может быть, чтобы трахались. Целующимися не видел никогда. Хотя семья счастливая, любящая, ласков и папа — мама же своей заботой надоедала, поскольку болезненный. С другими взрослыми нежности не хотел вообще.

У других детей так же? Отнюдь, я встречаю детей разных: у кого-то родители секс-интересы поощряют. А я по-прежнему сужу по своему детству, не замечаю домогательства. На турбазе как учитель, а кругом одни 13-летние. Протестую, но меня втянули в карты под раздевание. Дошли до трусов, они поднабивают:

- Спорю, что Ваш большущий!
- Хотите вудровский глянуть? У него больше, чем кажется!

Под обвинения в занудстве прекращаю.

В другой раз девятилетние хвастают эрекцией, приглашают обсудить онанизм, пофотографировать их мочащимися — всегда при доброжелательном отказе. Подобное — с любым, кому дети доверяют.

Оказывается, ребёнку потрясение не всегда! Обниматься-гладиться, конечно, не по-мужски, но мужеподобием озабочены

не все. Даже сытым родительской лаской тискаться охота¹.

Изучаю столетия, народы, где у ребёнка сексуальная свобода — невинности нет, а педофилия бывает уместна. Женюсь и нарожаю, буду лучшим отцом. Обниматься, гладить, купать я буду с радостью. Так и не узнают о моей ненормальности, но поймут, насколько их люблю. Семейный доктор за: так я с бабами забуду про детей.

Никогда врачебные рекомендации не выполняли с таким фанатизмом! Успех у женщин, и хороших — однако не мальчуганистых. Я старательно заставляю себя возбудиться грудями, нейлоновыми чулками, пуховками, прочей гадостью. (Попробовали бы читатели возбудиться детскими писюнами, чтобы меня понять!) Лишь бы не притворяться, не симулировать чувства к неодушевлённой утробе моих детей.

Вот и невеста, любит и дарит надеждой. Я должен её хотеть, я должен привыкнуть, как арахнофобный привыкает к подношению паука... Помолвка расторгнута спестя месяцы постельного притворства, но не сдаюсь.

Шлю заявки в журналы для желающих скорейшего замужества, но без отвратительного романтизма. Добытчик, отец — не нужен? Домохозяин? Приписав: «обожаю детей», напросился на матерей-одинок с уже готовыми детками.

¹Помню, мальчик Ионафан меня на два года старше, повстречался за городом и влюбился. Родители заботливые, чуткие — но постоянно со мной, за руку держал и просился на ночь.

Почему-то все медсёстры — вроде навязчивой минетчицы в первую же встречу. Так она меня спасала, когда признался, что плохой любовник. Была марокканская танцовщица, старшекласница, замужняя нимфоманка, сестра с Армии спасения, «невероятная толстушка», лесбиянки. А каких имён у людей нет! Госпожа Передничек, Мисс Центральный Финчли, Эльвин Город-Сад.

Ко всем отнёсся с уважением, однако прознавали про мою педофильность — прощай!

Надо беречь их и моё время, пишу про себя как есть. В «Тайм-Ауте» слово «педофил» удалили, лишь оставили: «с ума схожу по хористам, скаутам и Кэрроловским Алискам». Откликались и на такое, но тоже ненадолго.

В остальном — рутина. Ланкастерский выпускник (1967), историк, иду в школу, с головой в работу. Письмо друга студенческих лет: как дела? Не замечаю, как описаниями мотивации, методологии, порядка, затруднений в обучении 11-летних английскому расписался более чем на восемь листов. Я нашёл своё призвание. Захватывающий, благородный труд — учить. После Кембридж, корочка,.. вакансия в этой же школе. Директор моему возвращению не нарадуется — рекомендации с этой школы так и не пригодились.

Они, конечно, скорее броски, чем достоверны, тем не менее гордиться можно. Всем, кто во мне видит одно лишь уродство, процитирую — прошу прощения за нескромность.

«Господин О'Кэрролл вошёл в коллектив учителей английского языка в сентябре 1967 года, там и работал до лета. Хотя специальность — историческая, хоть опыта не было, всё равно справился.

С первой же недели проявил усердие, разнообразие подходов и популяризаторский талант. Обращаться за советами не боялся, дисциплина в классе не мешала внимательности к ученикам. Готовился добросовестно, выдвигал продуктивные при всей оригинальности предложения, не боялся иметь своё мнение, чем и поспособствовал улучшению качества британского образования.

Как его коллега, могу судить о способности заинтересовать, о доброжелательности, самоотверженности. Неиссякаемый источник энтузиазма, достойный восхищения. Без колебаний поддерживаю его трудоустройство».

Письмо завпансиона:

«Охотно поддерживаю трудоустройство господина Т.-В. О'Кэрролла. Тяга к профессионализму видна по готовности преподавать ещё до дипломирования. Что подтверждается годом усердия, проявленной волей, целеустремлённостью.

Руководителю потока, в котором отстающие наряду с вундеркиндами, Тому пришлось ознакомиться с каждым,

вовлекая в общее бурное, но согласованное дело. Задача непростая, требует индивидуального подхода, настойчивости в сочетании с доброжелательностью, сил и времени сверх учебного — без утраты энтузиазма. Господин О'Кэрролл осилил эту задачу со всей скрупулёзностью, решительностью, вызвал уважение, симпатию со стороны ребят и привил общежитскую-школьную сознательность.

Непосредственно за него не отвечая, видел я достаточно, чтоб оценить и тщательность подготовок, и внятность, остроумие на уроке, и способность удерживать внимание, заинтересовать. Он полностью влился в коллектив, участвуя в общежитской-школьной жизни, проводя внеклассные занятия, спортивные соревнования. Наибольшие высоты — шахматный кружок, воспитанники которого бросали вызов старшим ребятам и всех побеждали, как и другие школы.

Доброжелателен и с коллегами, со всеми подружился, всеми уважаем. Это сильная личность, которую безо всякого сомнения рекомендую в любую школу. Готов ответить на любые вопросы».

На шахматы ко мне ходил изумительный вороной Крис — мой любимчик, хотя на любовь я не скупился. За всё недолгое время влюблялся человек в тридцать.

Но Крис особенный. Не просто самый обольстительный. Он становился тем обольстительнее, чем яснее понимал мою заботу. Сперва 11-летнего красавца не отличало ничего. Расставание на Кембридж оба перенесли спокойно.

Но Крис написал. Принимал у себя дома на каникулах. В комнате засыпал изображениями футболистов, и мы сыграли в шахматы. Крисова мама принесла чай, печенье. Наша связь доросла до, как он именовал, «особой дружбы». То было по возвращении меня в школу. Что люблю Криса, мальчик осознавал. Неприметные тоны разговора, мелкие жесты сомнений не оставляли. Ему моё чувство нравилось.

Но сказать вслух — это другое. Возможно, не следовало, но так и сделал. Скрытности не хотел. Надеялся, что Крис обсудит это с родителями. Наивно чаял понимания. Разве после признания стал другим? Я по-прежнему друг. Влияю по-прежнему хорошо. . .

Меня вызвали к директору.

— Что всё значит, якобы ты признаёшься мальчику в любви? Ты же такого не говорил? Это была какая-то шутка?

Я решительно заявил, это не шутка. Сказано, что Криса люблю. Подразумевалось, что Криса люблю. И до сих пор Криса люблю.

Разойтись директору помешало смятение. Просьба вести себя тихо показалась ему достаточной. К его и моему сожалению, директор не посчитался с моею глупостью. Ведь мне хватило ума разубеждать родителей Криса в их опасениях. А вышло хуже: повторная жалоба, директор от меня потребовал увольнения. Мой отказ — от исполнения служебных обязанностей отстранён.

Удивительно, департамент образования, когда с моим делом ознакомился, побеспокоился о моей занятости. Великодушно предложили остаться на должности, пользоваться заботой психиатра, получать мизерную зарплату, пока годным опять не признают. Уже тогда меня переводили на преподавание в иной район.

Увы, предложение пришлось отвергнуть. Я вновь оказался на пути, который до меня торил Уайт. Отстранённый от учительства в начальной школе «непримиримым, как Сократ» [395, р. 55]. И пусть читатель судит о мере моей непримиримости сам, официальный ответ следующий.

«Со вторника, когда проходило заседание администрации, своё положение взвешенно продумал. Следуя Вашему совету. Как я ни расстроен, что Вы согласны с моим отстранением, отдаю себе полный отчёт в оказанной учтивости. Также ценю Ваше благородство, выраженное готовностью сменить мне место работы. За что не могу

не отплатить Вам искреннею благодарностью.

Однако несмотря на всё, принять Ваш ультиматум я не могу. Мне кажется неправильным использовать медицину ради „коррекции“, по сути, ликвидации моего глубочайшего чувства, которое всеми нормальными людьми считается за наивысшее проявление людской души. Я не могу совместить человеческое достоинство и согласие на „лечение“ по названию — легчение по сути.

Прошу прощения за резкость, которая не противна моему к Вам уважению. Я высоко ценю Ваше благородство, проявленное в доброте, любезности, которыми пользуюсь вопреки моим ожиданиям, моему статусу, моей язвительности.

Конечно, сожалею, что мой отказ означает уход и с должности, и с профессии. Но с учётом обстоятельств, это счастливый конец».

Целое лето меня держали ни занятым, ни безработным. Давая время на рассуждения. Солнце до моего логова не доходило.

На дело можно было глянуть веселее. Все страсти претерпел я при поддержке родителей, друзей. На праздники коллеги ждут и поныне. Бесконечное лето дало время сочинить педофильский роман.

Но вообще, жизненная полоса была тревожная, небезопасная. Привычки таить обиду никогда не имел. Однако скрученным обстоятельствами, растравленну неприятием, ужаленну в самое чувствительное место, поддался бешенству раненного зверя. Общество возненавидел. По-юношески хотелось менять мир. Но неправосудно, бездумно, расточительно люди не признают и даже не допускают, что любовь — не насилие, не злонамеренность, а любовь — может являться силой во благо. Разве много надо думать, чтобы предвидеть, как отвержение любви со влюблёнными плодит озлобленных, опасных «демонов Франкенштейна»? Меня не просто лишили заработка (пустяки!), мне преступно помешали себя применить — на чью бы то ни было пользу. На пользу мне, на пользу нуждающимся во мне — Крису со всеми подобными.

О Кресе думал очень много. Мальчиком я был одержим. Места мне не было, гадающему, что возлюбленный себе думает. Родителей его, разлучников, я страшно возненавидел. Конечно, в их глазах они сделали для Криса лучшее. Конечно, не знали, что бояться нечего. Но я всё равно возненавидел отречеников — это панургово стадо. Аж ощущал их анти(гомо)сексуальные внушения Крису. Надо было донести до Криса с его родителями также мой взгляд. Их дом я засыпал эпистолами: страстными, полемическими, но ни в коем случае не бранными.

Письма не были замечены. Если меня спешат осудить за покушение на «родительские права», то в ответ я получил ещё бо-

лее ощутимое покушение. Признаться, похрабрившись чаркой, навестил отказчиков отвадить их изводить меня молчанием. И меня хорошенько побили. Только не кто-нибудь из этой семьи, но сосед и полицей. Долго по моему виду казалось, словно попал в аварию.

(Конечно, докучился сам. Но спустя девять лет “News of the World” изобразит это по-другому. Со ссылкой на пожелавшего неизвестности педагога сказано, будто Крисова мама пожаловалась: я «донимал» её сына. Это новость и для меня. Неудобства Крису всегда тщательно избегал.)

Безрассудная выходка демонстрирует опасность моего душевного состояния. Состояния, за которое винить надо всех отвергших и отстранивших меня. Состояния, мне не свойственного, но при моей обстановке предсказуемого.

Стыдно признаться, что взрывоопасное психическое состояние подвело меня к охоте на детей. Терять нечего — пойду на поиски ребят ради чего-нибудь обоюдно приятного, взаимно нежного. Бесплодные сантименты долой! Только секс! Всего-то пойти на дамбы канала, в плавбассейны, парки. С детьми заговаривать. Потребуется смелость, придётся говорить о запретном и проявлять нездоровый интерес, поощряя шаловливые реплики. И в качестве вознаграждения добровольцы, которые не дрогнут перед плотью. Их я посвящу в близость. Сойтись с ребятами можно случайно — я много знаю людей, которые в этом преуспели.

Но таким я не был. В 1970 году ничто не могло дать успех. Меня накрыла тьма безнадежности, руки опустились. На мёртвой почве моего прошлого не могли взойти цветы спокойного, радостного, непринуждённого разговора с детьми. А только тернии нервозности, застенчивости. Виноватого вида выпрыгнул я чёртом из табакерки перед отроком с газетами. Не обронивши никакой сальности, даже завуалированной, ему пришлось заразиться моим замешательством. При бедняжке вёл я себя, подобно хрестоматийному маньяку, — мальчик удавленным остаться не хотел. Конечно, напугал его. Мёртворожденные любезничанье, поддержка лишь довершали образ безумца.

Осознавая, что делаю да как выгляжу, встретил я также агонию моей веры в себя. Я никогда не любил, ожидая момента в похотливом угаре вселять испуг и помешательство. На кого, на кого теперь я переложу бремя своей вины? Ведь это совсем не Крис. Ни родители мальчика с антисексуальной диффамацией, ни администрация школы с её гонениями маленького Кевина не пугали. Правда больше не была на стороне моей. На стороне ничтожества, мрази, домогателя.

Стало дурно.

— Прости меня, Кевин, извини. Честное слово, мне так жаль. Я больше тебя не побеспокою. Можешь идти. Я сожалею.

Пошли бесконечные часы. Впереди вечные мучения. Мои чувства больше не благи. Надежда рассеялась. Жить можно только ради предупреждения моей низости. Выход был один, и лишь он вернёт мне честь.

«Ты обдумал это дело
и избрал дорогу в гроб.
Мудрым рано стал — и смело
пистолет себе же в лоб», —

Хаусмановы строки неплохи, но где достать оружие, силу духа? И хотя жалко надрезал себя при помощи тупого кухонного ножа, своевременное вторжение папы встретил не протестуя. Смехотворный, трусливый неудачник, обречённый существовать без надежды.

День за днём я был в оцепенении. Когда минуло несколько недель, мне в посёлке попался Кевин. Он шёл по другую сторону дороги. Удивительно, но весело помахал мне, крикнувши: «Привет!»

Я чуть не разрыдался: такого груза не стало на душе. Значит, у него всё хорошо. Значит, это не конец и можно жить дальше!..

Спрашивается, зачем эксгибиционизм? Зачем я вытряхиваю скелеты со шкафа? Возможно, чтобы меня не винули в перевираании проблем и замалчивании неудобного. Проблемы в педофилии знаю не только по письмам Уайта, но также с опыта.

Знаю, что простого выбора нет. Выбора нету совсем. Напрасно педофилию считают убежищем от ответственности взрослых отношений. Наоборот, отношения с детьми требуют ответственности не меньшей — большей, чем отношения со взрослыми.

Но всё равно чувствую столь же пламенно, что преданность ребёнку, моя с моими братьями по педофилии, есть и должна быть силой во благо. Это догмат моего символа веры. Я дал увидеть, что без этого догмата жить не смогу. Которому полностью посвящаю себя, в который, не взирая на возможную неправильность, я врастаю всем оставшимся во мне живым. Разработке догмата с идеями-доводами противников его посвящены дальнейшие главы. Верится, что глубокое участие к истине читатель за мною признает.

Глава 2

Хотят ли дети секса

Детской сексуальностью Фрейд устрашает уже более полувека. Чтоб обжиться с фактами, время достаточное. Но сторонники детской невинности, для которых «ребёнок представляет собою существо среднего рода», не перевелись. От этого Фрейда прикрываются даже Фрейдом. На страже британской «нравственности» Мария Уайтхаус детское целомудрие только переименовала в «латентную фазу». Но что дети на той латентной (доподростковой) фазе предаются (по бесчисленным свидетельствам) богатейшим эротическим и занятиям, и переживаниям, умолчали.

«Раннее сексуальное развитие является редко отсутствующим коррелятом интеллектуального развития, и поэтому оно встречается чаще у одарённых детей» [138, р. 91].

Формулировке дивиться нечего. Фрейду приходится работать в эпоху, когда всякое проявление пола ребёнка, даже мастурбация, считалось «ранним». С той поры поменялось немного. Хотя медики признали безвредность онанизма, родители с учителями мастурбировать отваживаются. Половое чувство ребёнка стараются не замечать.

Надо пояснить, что «детской сексуальностью» называется здесь. Термин этот истолковывается всеми по-своему. У Фрейда детская сексуальность бывает и «негенитальная». Что помогает объяснить особенности развития, но заслоняет общепринятое понимание сексуальности. Простые люди «сексуальность» понимают уже — как откровенно генитальную, мотивированную оргазмом. В этой главе детская сексуальность — это генитальная, направленная на оргазм¹.

Генитальноцентризм этой главы — не потому, что я против личностной составляющей сексуальности (про которую прочие главы), но потому, что хочу заострить внимание на существовании детской сексуальности.

¹Логическая проблема — возможность генитального возбуждения несознательного, наслаждениями не мотивированного. Ведь эрекция мальчику бывает и при рождении, транспортной качке. Неглупо говорить о «детской сексуальности» при оргастической сознательности, которая социальна. Даже мастурбанту воображается другой человек, и подразумевает интериоризацию представлений в обществе по вопросу, что возможно и что приятно. Фрейдский малыш о сексе с желанной мамой не знает. Однако сознательность и социальность оргазма бывает и в очень раннем возрасте. Что помимо наслаждения несёт и смысл общения, выражения любви.

Опытных исследований горы. Факты по теме неопровержимы. Известнее всех исследования группы биолога Альфреда Кинси [220,221]². Оказавшего послевоенное влияние, сравнимое с Фрейдом.

Пожалуй, поразительнее всего результаты Кинси, по которым и до подросткового возраста бывает оргазм:

«Оргазм отмечен у мальчика любого возраста, начиная с пятимесячного, кончая подростковым. Нами зарегистрирован оргазм у девочки четырёхмесячной».

Разумеется, такому заявлению должна предшествовать дефиниция. Кинси перечисляет определяющие признаки:

«Оргазм у младенца, (пред)дошкольника, младшего школьника мужского пола — замечательный аналог оргазма взрослого мужчины за вычетом эякуляции... В поведение включены: серия постепенных изменений физиологии; развитие ритмичного телодвижения при явной пульсации полового члена, тазовых выпадах; очевидная перемена чувствительности; конечное напряжение мышц, особенно в области живота, бёдер и спины; внезапное расслабление с конвульсиями, включая ритмические схват-

²Копий вокруг Отчётов Кинси переломали немало. Много придирались к валидности данных. Им я доверяю не полностью. Меньше, нежели Рамсеевым. Правда, Кинси всё равно считается не решающим, однако важным источником.

ки заднего прохода; после чего полное прекращение признаков» [220, р. 177].

Также:

«В пяти случаях детей до подросткового возраста наблюдали годами. До поры, когда взрослые настолько, чтобы подтвердить истинность оргазма. Они же демонстрировали реакции, настолько подобные поведению раннему, что сомнения в оргастической природе первого секс-опыта быть не может» [220, pp. 177–178].

В томе по женской сексуальности Кинси сообщает о «реакциях оргазма, типичных у маленькой девочки, наблюдаемых образованной матерью на мастурбирующей трёхлетней дочери». Вот что засвидетельствовала:

«Личико на кроватку, коленки выпрямляет, и ритмично тыкается тазом ежесекундно. Только тазом, а ноги в неподвижном напряжении. Телодвижения всё плавнее, ритмы нарушены только на мгновения, чтобы гениталии приладить ко продавливаемой кукле. Возвратное движение всегда резкое, судорожное. 44 толчка выдержанного ритма, краткий перерыв, а после 87 толчков, опять небольшой перерыв, и после 10 толчков и конец. Приближение оргазма выдаёт усиление с учащением дыхания

при рывках. Последние стадии понятны. Глаза стекленеют, а взгляд пустеет. Минует оргазм — облегчение, расслабление. Ещё пару минут, и вторая серия реакций — 48, 18 и 57 толчков, отделённых очень краткими паузами. Усиление напряжённости сопровождается тяжёлым дыханием, однако по завершении полное расслабление с бесцельными движениями» [221, pp. 104–105].

У Кинси мальчики с девочками любого возраста получают оргазм онанируя. Но не только: секс-игры (почти всегда) с другими детьми некоторого или всякого пола — не менее чем у 10% мальчиков пяти лет. Процент этот увеличивается до 39% у двенадцатилетних. Это мальчики, так играющие с девочками (23%), с мальчиками (29%), знакомые с коитусом (не менее 13%). Десятилетних испробовало коитус уже 11%. Большинство мужчин (57%) и мальчиков (70%), если верить признаниям, оргаистическими забавами баловались до пубертата. Обычно в 9 – 13 лет. Однако сексигры — в любом возрасте.

В эротическираскрепощённом обществе Кинси предвидел, якобы «не менее половины мальчиков акме достигнут уже к 3–4-летию, прочие — за 3 – 5 лет до пубертата» [220, p. 178].

В доподростковой сексигре признаются 48% женщин. Данные по мужскому полу дают основания предполагать, что девочки вспомнили бы больше. Не в пример эротической игре мальчиков, девичья стремительно сокращается до пубертата.

Будто бы вследствие воспитания:

«Предвидя половое созревание ребёнка, родители могут ограничивать общение с мальчиками. Чтобы не целовались, не трогали, не смотрели, не додумались. Многие народы девочку такого возраста сильнее мальчика изолируют. Среди латиноамериканцев, европейцев и нас (англоамериканцев — Т. О'К.) у девочки возможность уединиться с детьми реже, чем у мальчика. Приостановка сексигры в последние доподростковые годы подхвачена фрейдистами как латентность. А на самом деле „затишье и спад в сексуальном развитии“ навязаны ребёнку воспитанием.

Частота девичьей мастурбации в подростковом и в юном возрасте сохраняется. Возможно, потому, что выявить, ограничить её сложнее. Следовательно, физиологическая латентность ни при чём. Виновато воспитание» [221, р. 116].

Те, кто не признаёт «взрослые» развлечения доступными для детей, пускай задумаются над этим превосходством:

«В доподростковом оргазме замечательнее всего способность его быстро повторять. Эта способность значительно выше возможностей мальчиков-подростков, а последние, в свою очередь, превосходят мужчин» [220, р. 179].

Влияние культуры больше, нежели кажется. Отчего внушительнее результаты (правда, только по белым американцам), показывающие массовость доподросткового блуда в обществе, с этим не согласном. Работай Кинси среди дружественных к эротизму народов, его данные бы зашкаливали.

Ведь несмотря на выборочный объём, они непредставительны. К счастью, выводы Кинси можно подтвердить и дополнить обилием этнографического материала. Который, несмотря даже на классическую книгу “Patterns of Sexual Behaviour” Келллана Форда — Фрэнка Бича, широкой публике неизвестен.

Христианствующие педагоги всегда затушёвывали древнегреческую педерастию — незападную культуру секса тоже замалчивают. Кто видел одну хотя бы документальную телепередачу о детском сексе? Взору камеры, мужеству кинодокументалиста покоряются самые непроходимые места в Амазонии, но никому не под силу показать испробованное каждым школьником.

Радиостанция распинается, чтоб удивить публику привычкой меланезийцев откусывать при сексе ресницы. Но замалчивает ещё более потрясающие, более важные, более причудливые нравы меланезийских детей. Пространную цитатой из указанного Форд-Бичева сочинения восстанавливаю справедливость.

«Взрослое население многочисленных обществ относится к эротическому самовыражению в детстве терпимо.

Потому сексигра малышей — воткрытую... Чаще всего перебирание гениталий (своего либо чужого пола), дополняют орально-генитальными контактами, вестибулярным коитусом.

Взрослые даже помогают. Родители хопи, сирионо часто мальчика мастурбируют. Самоудовлетворения не видно. До пубертата всё можно. Казахи в игре с малышами, тем более мальчиками, трут и перебирают, а самостимуляция — норма. Алорезские мамы гениталии малышей поглаживают. Мальчик алорезе мастурбирует открыто, может имитировать проникновение в девочку. Хотя по мере взросления секс и порицают, а старшим и запрещают. Однако дети продолжают втайне.

Родители пукапука на половое поведение малышей закрывают глаза. Мальчики с девочками свободно, прилюдно мастурбируют. Нама-готтентотские дети самостимуляции не скрывают. Малыши Тробриана вовлечены в огромное множество сексуальных практик. Вне взрослого контроля мальчики с девочками предаются мануальным, оральным стимуляциям, имитации коитуса» [130, pp. 201–202].

Всего лишь «имитации»? Учёные споткнулись об ошибку Бронислава Малиновского. Когда последнего заверяли в под-

линности детского коитуса, поверить ушам ему помешало воспитание.

«Я, — говорит, — часто слышал благодушную болтовню примерно такого рода: „Такая-то (девочка) уже имела половые отношения с таким-то (мальчиком)“... Но очевидно, что здесь речь может идти лишь о неполных опытах, а не о настоящем акте. Некоторые из моих информаторов настаивали, что такие маленькие дети женского пола действительно имеют половые сношения с проникновением. Однако если помнить об очень сильной склонности тробрианцев к преувеличению, вплоть до гротеска, о склонности, не вовсе лишенной некоторого злого раблезианского юмора, я бы не стал принимать во внимание подобные утверждения упомянутых мной авторитетных источников. Если же мы отнесём начало реальной сексуальной жизни к возрасту от 6 до 8 лет — в случае с девочками, и от 10 до 12 лет — в случае с мальчиками, то мы, возможно, не очень сильно ошибёмся в отношении как тех, так и других» [254].

Раблезианский у дикарей юмор или нет, а извинимость критицизма Малиновского при всей объяснимости не бесспорна. Соитие бывает и при возрасте наинейшем. Форд и Бич продолжают.

«Чева считают, якобы плодовитыми становятся только с половым опытом. Старшие дети собирают у деревни шалаши. Там они при полном одобрении родителей играют в супружество. Пробные пары могут удержаться до подросткового возраста, могут изменяться до настоящего супружества. На сексигру старших детей смотрят ифугау так же. Для холостых особые гетто, где мальчику принято с девочкой. Не готовой к замужеству длительных отношений не хочется, мальчика же с ней понуждает отец. Ему стыдно, когда сын его способности не доказывает. Однако даже подростки беременеют нечасто, но тогда приходится жениться.

Лепча верят, якобы девственницы не созревают. Сексигра малышей — многообразие взаимной мастурбации, что заканчивается попыткой копуляции. До 11 – 12 лет у большинства девочек интромиссия регулярно. Иногда с мужчинами в девять лет. Что считается не преступной обидой, а забавным происшествием» [130, pp. 202–204].

У Форда с Бичем и примеры сообычных эротических отношений ребёнка со взрослым.

«На Сивайской долине все мужчины с мальчиками задействованы в анальном сексе. Уклоняющиеся мужчины

считаются странными. Выдающиеся сивеяне друг другу предоставляют их собственных сыновей.

Средь аранда педерастический обычай. Часто холостяк, прошедший инициацию, вместо жены берёт на несколько лет отрока 10 – 12 лет. Связь расторгается при заключении мужчиной брака.

На Киваи педерастия призвана сделать детей сильными.

Взрослые холостяки кераки практикуют анальный секс. Этого требует инициация мужества. Сначала мальчик исполняет роль пассивную. Достигая статуса взрослого холостяка, мальчик иницирует уже сам. Для подростков это необходимо. Но мальчики при сексе беременеют. Поэтому нужны ритуалы поедания противозачаточной извести» [130, pp. 139–140].

Конечно, мальчики не понесут и кераки просчитались. Ну чему такой отсталый, глупый народ может научить цивилизованные «высшие расы»? Многому действительно подражать не стоит. Чудаком обзывать гетеросексуала не надо, принуждение (и запрещение) ребёнку заниматься сексом излишне. Зато видно: любая возможность вести половую жизнь ребёнком используется максимально. В «латентную фазу» не впадая.

Наверно, всегда найдутся маловеры, для которых обычаи всякого непривычного народа — «преувеличения». Поэтому вер-

нёмся на Запад. Но не раньше формулировки главного заключения Форда — Бича. Оказывается, воспитание на психосексуальное развитие влияет. В антисексуальном обществе, где сексуальные техники замалчиваются, на брачном одре мужчина «естественно» себя вести не будет. Инстинкт обучению не замена. Не щедрое снабжение ребёнка знанием от старших (детей и взрослых) мешает ему сориентироваться³.

К тому же, в антисексуальном обществе дети кажутся менее похотливыми, поскольку способов удовлетвориться не знают. Не всегда малолетние додумаются, многие (особенно женщины) мастурбации научились уже в подростковый возраст и то по книгам. Тем их возмущение, обида на скрывавших извинительнее. (Есть теория, будто свои гениталии девочке достать ещё труднее.)

Приобретённость и приобретаемость половой способности детей удостоверяется в недавнем исследовании Джонстона и Дешера [212]. Наблюдая детские коммуны, рассматривать половой вопрос учёные не ожидали.

«2 из 4 групп, имея детей старших, и сексуальность проявили рано. При терпимых к обсуждению-практике секса родителях (видать, они наблюдали за детской общиной — перев.) эти две группы занимались сексуальноис-

³Не без юмора и подробностей про трудный путь к утрате девственности читайте в [273, pp. 210–213]. Превратности героев объяснимы сексологической безграмотностью.

следовательской деятельностью, практиковали половой акт уже до возраста 5–6-летнего. Секс они воспринимали приятным, интересным, однако не главным. Периоды секс-экспериментирования с ослаблением интереса к сексу чередовались. Похоже, дети склонны к импульсивной сексуальной деятельности с участием и детей, и взрослых. Наблюдается слабое клеймение детей, от секса уклоняющихся.

По поводу возможной вредности ранней генитальной сексуальности некоторые взрослые побоялись раннего развития, „лишающего детства“. Но показать противоречие сексуальности „детству“ (традиционной детской деятельности) нечем. Ущерб успеваемости признан, хоть опытно не подтверждён. Взрослые нашли проблему совмещения детского полового поведения с общественными нормами. Но эти нормы для разных обществ различны. Большинство родителей удивилось, насколько быстро дети поняли, что вне коммуны (не) дозволено. Понимание неоченочно.

Раннему половому самовыражению родители приписали два положительные момента. Во-первых, освобождение детей от норм общества (мешающих актуализации половой жизни) оставляет ещё больше возможности в личной жизни стать счастливым. Во-вторых, отроческие кон-

фликты между физической готовностью и социальной табуированностью дети предупреждают. Для выяснения последствий раннего секс-экспериментирования необходимо лонгитюдное исследование» [212, pp. 324–325].

Сколько идей! Вопросы поставлены, первые слова ответа высказаны. Исследование психосексуального развития лучше предварить выводами касательно развития вообще:

«Большинство детей продемонстрировало высокую степень зрелости с уверенностью в себе. Лишь у четырёх детей (в т. ч. трое с игнорирующих или конфликтных семей), наблюдалась установка приставать, плакать, хныкать, привлекать внимание. Раннее психологическое созревание кажется нормой. Двое старших играли взрослые роли в их группах, являясь 13–14-летними. Почти всегда дети выражали свой высокий статус. Незнакомцев не боятся. Личные отношения доверительны. Способны сотрудничать и разрешать конфликты сызмала. Установка на самовыражение, даже мнению взрослых вопреки, почти у каждого прямоходящего» [212, p. 326].

Только гадай, насколько подобному раю Джонстон и Дэшер обязаны терпимостью к половой жизни детей. Можно заключить, что как минимум она не навредила.

Цепляться же за слова, что секс «не главное», глупо. Эту фразу можно слышать от сексуальноудовлетворённого женатика. Для привычно сытого пища тоже не главное.

Прочие думают, якобы секса постоянно хочется только подросткам и юношам (даже сильнее парням) из-за гуморальных перестроек. В действительности, наука не раз и не два продемонстрировала: прекращение секреции (у кастрированных и климактеричных) половую деятельность (почти) не меняет [23, сһһ. 5, 8]. Половое чувство и половые привычки держатся не только на гормонах!

Первый оргазм я получил именно в десять лет. Не позже. Открывши мастурбацию, не мог я без неё ни дня — порой и полдня. Но сколько крови испортило чувство вины. Прижигая пальцы, пытался глушить половое чувство. Не в том дело, был я зависим или нездоров. Главное, что страсть меня поработила за целые годы до пубертата, до способности к семяизвержению, до вторичных половых признаков. По ширине пропасти между половым созреванием и половым удовлетворением очень многие дети меня могут и превзойти. Бывает, что регулярного секса хочется задолго до полового созревания.

Согласно Кинси, ничто не индивидуальнее сексуальности. Индивидуальности больше, нежели в телосложении. Пусть один оказывается вдвое тучнее либо выше второго — то не сильно много. В половой жизни люди могут отличаться в сотни, в тысячи раз. При этом отличия скажутся не всегда. Хотя среднему

13–30-летке приписывается три в среднем оргазма в неделю, всё равно:

«Кое-кто годами без эякуляции: один её дождался в 30 лет! Были такие, для которых эякуляций в среднем осуществлялось 10, 12 и больше в неделю: один (учёный, опытный адвокат) отметил около 30 раз в неделю на протяжении 30 лет. Разница в несколько тысяч!» [220, р. 195]

Не будь даже пресловутой амнезии детства, всё равно такие различия не позволяют обобщения (отсутствия) своего детского полового опыта на всех. Зато факты сексуализированности малышей неопровержимы. Врачи доказали существование детей, влекомых ко взрослым. С исследования [272, р. 134] страсти семилетнего к солдатам открылась история научной литературы о «малолетних совратителях» — «активных жертвах» т. н. «сексуального насилия».

Наиболее, пожалуй, прославилась не превзойдённая по сей день публикация Лоретты Бэнда с Авраамом Бло [19], которые заключили:

«Исследование выявило, что провозглашённого моралистами, волонтерами, депутатами стереотипа невинности такие дети не заслуживают. На примерах отношений видно, что дети — часто соучастники. Иногда роль ребёнка в установлении половой связи руководящая».

Любопытна фанатичная приверженность Бэнда с Бло традиционализму. Научная деятельность служит их сексоборчеству. Они во всеоружии «терапии» детей отучали выражать пол. Обязывая к интересам «нормальным».

Семилетняя, к примеру, Вирджиния «случайно разоблачена при сексуальной игре с мальчиком. Призналась, что приучилась ещё в детдоме. За полгода перед этим уже замечена за частыми визитами к вахтёру. Отношения включали куннилингус, взаимную мастурбацию, минет. На протяжении чего тётя заметила девочку за сексигрой с собакой» [19, р. 503].

Девочку «лечили» от этой «расторможенности», «доминанты»:

«Поначалу свободно, без стыда делилась опытом, однако» после того, как её научили (!) стыдиться, «позднее стала более скрытной».

Бэнда с Бло занимались детьми возраста доподросткового. $\frac{11}{16}$ из них девочки. Среди прочих 11-летний Эдуард.

«Приблизительно в четыре года со сверстною двоюродной сестрой практиковал обоюдную мастурбацию. . . 6–9-летним оказался с кузеном его младше. Вместе спали, купались, каждую ночь играли гениталиями друг у друга. На пляже десятилетним Эдуард остался раздеваться

в общей с его двоюродной сестрой кабинке. При его посещении часто занимались сексуальной игрой. . .

Мальчик 13 лет Эдуарда научил педерастии⁴, которую после практиковал уже с остальными. Половой жизни взрослых завидовал. Следил за раздевающимся мужчинами-пляжниками. . .

Последний опыт Эдуарда — с продавцом 40 лет. Имеющим обыкновение наблюдать за мальчиками. Однажды мужчина поранился, спустил брюки. Эдуард заинтересовался. Мужчина пригласил его на секс-игру. . . Взаимная мастурбация, минет и стимуляция бёдрами наиболее практиковались».

После встретились, и то же самое.

«Интеллект Эдуарда средний, взгляды на секс откровенно гедонистические. Гомо-, гетеорсексуальные контакты — с раннего детства. Ранние влияния выявить невозможно. Безо всякого сомнения, мальчик является совратителем взрослых» [19, pp. 509–510].

Что половое чувство детей нездорово, последыши Бэнда с Бло научены социальными стереотипами. Будто бы влечение

⁴Видимо, подразумевается не приучение к ориентации, но только лишь коитус. В следующей главе показано, что такой опыт ориентацию не определяет.

ко взрослым является «симптомом» и поводом использования карательной психиатрии.

Соцработников и медиков убеждают (обычно сексу предшествующие) психические нарушения «жертв» и происхождение с неблагополучной семьи. Нашей, к примеру, Вирджинии вспомнили детдомовскую жизнь, пуритански настроенную мамашу, пьянчугу-опекуна.

Вот Уайсс [401] исследовал «активную жертву», будто бы «расшатанную» противоречивым половым воспитанием. Один из родителей ужимался, другой — попустительствовал, и причина секса «жертвы» со взрослыми — в этом:

«До половой жизни довели родители. С раннего возраста материнские предостережения, внушившие девочке, что секс возможен. Запреты ребёнка простимулировали. (Некоторые матери стимулируют и намеренно вроде приглашения ко стриптизу за компанию.) Отец иногда стимулировал её поцелуями, ласками, борьбой. Многие активные жертвы стимулируемы доступностью родительского секса для наблюдения».

У народов Азии, Африки, Австралии родительские забавы смотри — не хочу. «Стимулирование» доходит и до мастурбирования родителями. Но детям от этого беспокойств, эмоциональных нарушений никаких. Ибо там семью сексу не противоп-

ставляют. У нас — иначе: детская сексуальность или семейное благополучие, третьего не дано.

Семейные неурядицы презумпцию ненормальности не оправдывают. Если даже ребёнку половой партнёр и кажется ласковее родителей, судим об этом исключительно по разоблачённым. А благополучна ли семья, которая ребёнка разоблачает?

Для ребёнка половая жизнь является достижимой только в определённых обстоятельствах. Иногда неприятных. Это не значит, якобы половой жизни ребёнку не хочется. Но всё равно пишут, якобы половая жизнь у детей мотивирована семьёй:

«Девочка знала, что папашино попустительство не распространяется на половую жизнь. Но её (сексуальное — Т. О'К.) поведение сослужило „забастовкой усердия“. К тому же, знала, что своими действиями докажет она правоту матери. В родительской размолвке сделает ей приятное. Девочка поняла, что в её половой жизни папа станет обвинять себя, мать — его. Так что половое поведение ребёнка — вызов родителям. Обеспечивший расположение обоих» [401, р. 7].

И кто поручится за достоверность этой спекуляции? Выдумывание (семейной) мотивации вместо детей говорит о многом. Что сексом они занимаются ради секса, даже не предположили. О характере девичьих отношений со взрослым и слова нет. Хотя про что научная работа, как не про это? Поразительно, что

разбирая случай с чужих слов, участнице событий высказаться не дали. Все вопросы девочке касались её родителей. Выиграла Фрейдова цензура, перцептивная защита. Какие же семейные (вместо сексуальных) мотивы подведёт Уайсс под эротические забавы Вирджинии с собакой?

По Фрейду, все дети «полиморфно извращены»⁵. Особенно до либо — когда «жертва» активная — вне семейно-социального навязывания нравственности («кастрационного комплекса»). Тут объяснение, почему герои Кинси с животными до пубертата. Ещё меньше следует удивляться влечению детей ко зрелым особям их вида, их пола.

Уж куда дурнее пахнет изнасилование статистики. Якобы герои Малиновского, Джонстона — Дешера движимы голой любознательностью либо имитацией. А что мне пришлось возбуждаться до полового созревания, так и должен иметься среди детей какой-то процентик уродства. В который я пришёлся. Вместе с героями Бэнда — Бло, детьми Уайсса — так, что ли?

Для Линди Бёртон за половое чувство детей ответственны мозговые дефекты:

«Действительно, некоторые дети наделены обострённой потребностью при самоконтроле заниженном... Исследования показали беспокойность, гиперактивность, нер-

⁵Штекелю норму детской сексуальности называть «извращённой» не хочется. Детей он именует «панэротичными» [364].

возную манерность растлѐнных. Это заставляет обдумать степень их нервной неполноценности. Мои результаты перечисленному не противоречат. Выборка таких испытуемых обладает именно низшими нервными характеристиками. Чрезмерная потребность в близости, видимо, прекрасно демонстрирует излишнюю потребность в стимуляции, вызванную какой-то формой небольшого повреждения головного мозга» [55].

А почему не допустить, что подвижность, возбуждѐнность детей вызвана насильным половым воздержанием? Лишить бы психиатров половой жизни — посмотреть на их «гиперактивность» и «самоконтроль»!

Социологи взяли моду не противопоставлять необузданную звериную суть воспитательной дрессировке (по Фрейду) либо психическое здоровье — цивилизованности (по Райху), но, наоборот, объяснять либидо культурно-исторически.

Что-то в этом есть. На Западе влечение женщины для половой деятельности недостаточно. Пока первого не получит оргазма при сношении. Сколь бы поздно таковое ни произошло. Детской сексуальности научают аналогично. Задатки врождѐнны, но запускаются, регулируются стимулом общественнозначимым, а не биологическим.

Теорию недолго преувеличить. Договориться до мнимой возможности контролировать плоть. Но в случае мальчика-под-

ростка поллюции социумом отнюдь не предписаны. Удовлетворение научению предшествует. Половое чувство вмешательства социума не дожидается. Хотя противники фрейдизма силу полового чувства поясняют интериоризацией сильного пристыжения. Дескать, не запретное не возбуждает. В действительности меня, школьника, совестливость по половому поводу не возбуждала, но гнела.

Показано: дети любого возраста на половую деятельность годятся. 5% пятилетних, 20% девятилетних, 60% одиннадцатилетних, 80% тринадцатилетних онанируют [317]. Разве такие показатели⁶ вызываются стимулами социальнозначимыми? Данные молчат о степени привычности-случайности, навязчивости-второстепенности рукоблудия, но принимая во внимание воспитание ребят обществом, к онанизму враждебном, уже можно сделать вывод, что либидо инстинктивно. Детская сексуальность держится не благодаря, но вопреки воспитанию.

Исследование педофилии Гебхардом установило, что мальчики 12 – 15 лет очень похотливы. Выборка включала много несовершеннолетних. У ребят «интенсивность реакции сопоставима со взрослой. Часто даже превышает. Многие взрослые гомосексуалы в этом осведомлены. Искушению подвергаются большему, нежели гетеросексуалы⁷. Имей девочки 12 – 15 лет аналогично развитое либидо, наши тюрьмы лопнули бы по швам» [154].

⁶Цифры Кинси ниже, поскольку получены с интервьюирования взрослых.

⁷Исследование — только по одному полу.

Девичья сексуальность к общественным нормам уязвимее. Женщины могут жизнь прожить, а способности к удовлетворению не заподозрить. Но вкусив оргазма, больше без него не смогут.

А что часть женщин узнаёт в отношениях, открывается девочкам до пубертата — при наших обычаях, естественно, немногим. Но всё равно виктимологи решительно подтверждают, якобы малолетние любовницы взрослых людей нередко принимают активную роль. Хотя учёными вопрос изучается по судебным делам. Это данные с байесом. Туда включены не только лишь отношения по желанию ребёнка, но также примеры домогательств.

Однако всё равно:

«Исследования девочек обнаружили примеры „сотрудничества“ с преступником в 7,8% от 330 случаев [147], „попустительства“ в отношении сексуального насилия в 40% от 1994 случая [313], „поощрения“ преступника в 66% – 95% случаев [154], полноценного „соучастия“ в 60% от 73 случаев [401] и „соблазнения“ преступника в 21% от 185 случаев [160]»! [348]

Достойно сожаления, что дети младшие и старшие не различаются. Зато Гебхард отличает «мало-» (0 – 12 лет) и «несовершеннолетних» (12 – 15 лет). Также дифференцированно рас-

смаатривает мальчиков и девочек, применение силы, кровосмешение. Преступники все мужского пола.

«Суммируя данные протоколов», оказывается, что девочки до пубертата поощряли преступника в 16,4% случаев, а были пассивны в 8,2%. «Согласно насильникам», оказывается, что доля подстрекательства 48,4%, доля пассивности 36,9%. Среди мальчиков до подросткового возраста протоколы говорят о 52,3% поощрения секса, 6,8% пассивности. Правонарушительские заявления говорят, эти доли соответственно 60,5% и 26,3%.

Я сознаю, что девочки на $83,6\% = 100,0\% - 16,4\%$ этого не поощряли, т. е. пережили домогательства. Ни в коей мере не спору, что домогательства существуют. И не считаю это пустяком. Чего добиваюсь, — это признания факта, что половые сношения взрослого с малолетними сводятся к домогательствам не все. Даже когда речь об очень-малолетних. Даже когда статистический отбор антипедофильско-невалиден.

Доля поощрения «сексуального насилия» над собой значительно повышается среди подростков 12 – 15 лет. Отмечено протоколами, что девочки-подростки, побывавшие со взрослыми, подстрекали «злоумышленника» в 86,0% случаев, оставались пассивны в 0,9%. Мальчики-подростки — 70,3% и 11,0% соответственно. Согласно преступникам, аналогичные доли соответственно 89,5% и 3,5% девочек, 82,8% и 9,3% мальчиков.

Когда исследователи делают различие по степеням участия детей, даже протоколы (столь же предвзятые, как и слова пре-

ступников) склонны демонстрировать, насколько часто дети даже наинейшего возраста похотливы.

Судья свидетельствует:

«Сексуальные забавы до либо во время полового созревания, особенно когда коитуса нет, привлекают, удовлетворяют многих. Поэтому незрелые жертвы сексуального насилия нередко продолжают участвовать. Побуждая друзей к этому же» [55].

Дорогого стоит исследование МВД Великобритании, по которому дети старше десяти лет (младше не поверяли) на половую связь со взрослыми соглашаться могут. В отчёте говорят скорей о партнёрстве, но не «сексуальном насилии» [392, ch. 2].

Я не зря помимо секс-отзывчивости детей показал и статистику. Для читателя вопрос решающий. Дескать, похотливость большинства детей недостоверна, как и сексуальная фрустрированность, поэтому пусть личной жизни детям и дальше не будет. Нет секса — нет изнасилования. А что педофилы мучатся, то их проблемы.

Смею надеяться, что свидетельства способности к оргазму в любом возрасте; примеры расцвета детской половой жизни везде, где малолетним не мешают, убедительны. Отдельные малыши, пусть меньшинство разоблачённых, устанавливать половую связь действительно подстрекали. И как я ни против

изнасилования неохочих, но всё равно половую свободу детей запрещать не вижу причин.

Сексуальная свобода детей многогранна. Это доступность собственного тела, доступность тела сверстника, доступность тела взрослому. Взаимосвязь между тремя проявлениями свободы тесна. Где взрослых и детей не пускают в единую постель, там и на детскую сексуальность шипят. Противосексуальное воспитание на мироощущение детей влияет очень плохо. И на всех, а не только на взрослофильных. Но до того, как эту идею развить, нужно взвесить стереотипы. Особенно деление любовников на «насильника» и «жертву».

Глава 3

«Насильник» и его «жертва»

Что для взрослого сексуально, для ребёнка несексуально. Секс-игры ещё не секс. Даже когда задействован оргазм, его смысл и значение невзрослые [149, 150]. Педоборцами так оспаривается теория «малолетнего совратителя». Якобы детское поведение сексуальное только по форме.

Улыбается девочка «дядьке», беззаботно садится на колена — ножки врозь. Тому кажется, что девочка пытается соблазнить. Но девочке такое предположение невдомёк. Если даже похотлива и к удовольствию привычна, девичьи поступки невинны.

Таковыми недоразумениями педоборцы пугают. Но разве недоразумение всегда плохо? Обычное дело, что при налаживании

(не)педофильских отношений, как обращаться друг с другом, обе стороны знают не сразу. На что согласен, участник отношений намекает постепенно.

Если воротиться к примеру, то мужчине можно похвалить нижнее бельё. С переводом общения на новый уровень, если малышка польщена. Иль общение прервать, если покраснела, сомкнула ноги. И хотя мужчина понял ошибочно, но всё же правильно выяснил. Узнав, охоча ли девочка до щекотания под бельём.

И не надо забывать, что даже не добиваясь секса, девочка задней мысли не лишена. Чтобы снискать внимание, расположение, своим обаянием пользуется. Виктимологи говорят, якобы подобные дети нуждаются в привязанности. А поглаживание, плотская близость как раз являются той формой привязанности, которая пользуется спросом у детей.

И всё равно возможность взаимного непонимания выставляют опасной. Признавая сексуальность ребёнка, поощряем ошибки. Которыми воспользуются бесцеремонные. Разве не каждая женщина свистана, щипана, лапана, силована? В действительности мужское нахальство подпитывается безразличием или враждебностью к женским пожеланиям. Но не ошибками.

Конечно, мужчины воспитаны «завоёвывать», «покорять», относиться к женщине потребительски. Поэтому домогательство ребёнка бывает.

Но бывают ещё половые преступления добровольные, по-

женски нежные. О чём известно немногим. Секс по желанию ребёнка ставят в один ряд с изнасилованием. Название «сексуальное насилие над детьми» пристало также к действиям не насильственным. А совершаемым с одобрения, (нередко) с инициативы детей.

Чаще всего половые преступления ребёнку не навязываются совсем:

«В их обращении с детьми вместо маньячества проявляется мягкость и тактичность. Секс, обычно взаимное раздевание с ласками, сильно напоминает игры между детьми» [404].

В самом известном учебнике по нашей теме [270] данные, теории насильственности секса противные:

«Насильственные развратные действия статистически второстепенны. Исследовательская группа Ривича, докладывая Нью-джерсийскому диагностическому центру по деторастлению [324, pp. 73–78], заметила, что „такие преступления сравнительно нечасты. Хотя в литературе популярны“. Из 836 детей центра насильно не растлѐнный ни один. Мариам Дарвин, обследовавши в Калифорнии 72 детей-жертв, обнаружить применение силы не смогла».

Авторы также развенчивали педоистирию:

«Эпизоды деторастления предельно резонансны. Полувековая мода на фрейдизм и реабилитация половых извращений общество с педофилией не помирили. Семья, школа, пр. социнституты детей учат избегать незнакомцев. К сожалению, маньяческий имидж обычно педофилу не подходит. Поэтому детей не защищает. Зато воспитание паранойяльной боязни незнакомцев ещё хуже сказывается на детской психике, нежели развратные действия.

В запугивании незнакомцами логика есть. Но фактически в развратные действия вовлечены знакомые. Родственники, соседи ребёнка» [270, pp. 362–365].

Детогубство сексманьяков излишне гласно. Что понятно. Но вредно для правды.

Очень уже часты «сюжеты про беззаботного ребёнка на ночной улочке, найденного ссилованным и мёртвым. Сколько наука ни доказала [313], что рассматриваемые половые преступники добры, что на большее (чем обласкание — перев.) не склонны, массы того не знают. Где население 50000000, исключения бывают ежемесячно. Зато получают известность. Формируя родительские стереотипы» [157].

Какое принуждение ребёнка возможно без маньячества, ни-

же. Пока рассмотрю, какие возможны половые преступления «против» детей вообще. Наиболее глубоко половая преступность изучена Гебхардом [154]. Техники «сексуального насилия» приводятся различные. (Нельзя забывать, что такие данные получены по судебным делам. Потому выводы сильно смещены в сторону примеров, ребёнку не приятных.)

Половые преступления с девочками младше 12 лет обходятся без коитуса в 94% случаев. Как минимум. Вместо коитуса манипуляции гениталиями. С мальчиками моложе 12 коитуса нету в 97% преступлений. Чаще всего мастурбация (45%) либо фелляция (38%). Принуждение девочек угрозами либо силой Гебхард изучил отдельно. Мало того, что по принуждению выборка малая. Даже в ней покушений на коитус 23%, успеха в коитусе тоже 23%. Замечательно, что примеры принуждения мальчиков отнести к особой рубрике Гебхард не стал из-за малочисленности.

Дети же преступникам особенно нравятся постарше. Опросы мужчин из РІЕ показали наибольшее пристрастие к мальчикам 11 – 15 лет и девочкам 8 – 11 лет. Данные совпадают с указанными в вышецитированном учебнике. Дошкольники нужны мало кому. Хотя поклонники 5 – 6-летних и заслуживают интерес, наибольший спрос — на вдвое старших [26].

Казалось бы, возраст согласия необоснуем. Но Кейт Хоуз, опрашивавший РІЕ'шников, обратил внимание, что любимый возраст и распределение (гистограммы Кинси) частоты дето-

детского секса по возрасту коррелируют. Следовательно, влекомы к мальчикам именно того возраста, когда мальчики наиболее похотливы. «Можно заключить, что половой интерес именно мальчиков и побуждает их искать взрослых».

У девочек ожидается то же. Только младше: по Кинси, сексуальность девочек обостряется раньше мальчишеской [221, р. 110].

Пока что речь велась о деторащении вообще. Но можно сделать важное различие между «ситуативными насильниками» и «предпочитающими (детей)» педофилами. Есть основания приписать принуждение девочек именно нормальным женолюбам. «Ситуативные насильники» склонны к преступлениям и неполовым. Насилуют они часто нетрезвыми. Ребёнок используется в качестве негодного заместителя более желанной взрослой женщины. Но взаимнодобровольный секс ещё «педофильной ориентации» не означает. Мужчина тяжело переживает уход жены, тоже по-пьяни, после чего муки похмелья, совести [154].

Я не намекаю, будто предпочитать детей — это быть святым. Никакая сексориентация не мерило нравственности. Но легко допустить, что предпочтение в пользу детей побуждает обращаться с ними хорошо. Лучше, по крайней мере, нежели терпеть их по безбашью. Предпочитать детей — это проводить с ними время, хорошо знать их, сочувствовать.

Приличный мужчина старается произвести хорошее впечат-

ление на понравившихся — но кто сказал, якобы педофилы себя ведут по-другому? Педофильная сексориентация побуждает любить. Эмоциональный отклик обуславливается плотским:

«Неподдельная нежность к объекту влечения может и довести до поразительного акта благотворительности. Ради содействия счастью, будущему детей» [404, р. 204].

«Кажется, дети любы педофилу в смысле не полностью телесном. Это согласуется с возможностью запретной любви. Для кого-нибудь само собой разумеется, что половые преступления всегда против того, кто нравится. Однако показано, что применяющий силу возбуждается ненавистью, страданиями — здесь же попытка заслужить от жертвы вознаграждение» [205].

Теперь можно дать определение педофилии. Как якобы нету ничего сексуального в детской сексуальности, так и в педофилии никакой “φιλιή” нет. «Педофилия» — только ругательство. Которое развилось из “paedophilia erotica”¹ Ричарда Крафт-Эбинга. Которого хлебом не корми, дай нацепить ярлык. Не

¹Эта “paedophilia erotica” сокращена до “paedophilia”. Осталась только “φιλια” — любовь неполная, дружеская. Такое значение слова применяется редко. Розмари Гордон описывается «положительная педофилия» — несексуальное проявление (возможно, сексуальной) нежности взрослой особи ко младшей [226]. Слово «педерастия» старше, но не древнее (с XVII века). Оно недвусмысленно плотское. “Εραστής” — «половой партнёр», а педерастия — «содомия с мальчиком» [63], иначе говоря, деяние, но не склонность. Ещё в прошлое столетие «содомия» с «педерастией» были синонимы. Поскольку мальчиком именовали не только ребёнка. Слово “παῖς” означает «мальчик»,

спроста сексуальные революционеры медицинской терминологии сторонятся. У того же Крафт-Эбинга признаётся патологической гомо-, детская сексуальность, женская мастурбация. Служа ликвидации предмета своей науки, медики отыскали призвание в насилии над сексменьшинствами. Не говоря про насилие над многомерностью реальности. В целом, я медицинскому жаргону враг.

По словарю [63], педофилия — это «половая любовь, направленная на ребёнка». Всего словаря не хватит описать мой восторг от «любви» с «педофилией» в одной строчке! Моя душа пульсирует во словарной статье, в которой не безвкусное «половое влечение к ребёнку», но «любовь». Ни с каким агрессивным контекстом не уживчивая. Контекстом, облыжно роднящим с убийцею, садистом или насильником.

Новая психиатрическая литература льёт ещё больше балласта. Оказывается, педофил есть лицо, «нуждающееся в сотрудничестве с ребёнком иного либо такого же пола ради сексуального вознаграждения» [243]! Ведь это же свэнсоновский «классический педофил», у которого дети — половой объект устойчивый и зачастую единственный [371]².

однако расширено на детей обоего пола. Но педофильной может являться и женщина. Педерасткой — не может. Считается, что педерастом и педофилом одновременно быть нельзя. Дети, вопреки Лоретте Бэнда, педерастами, педофилами быть не могут. Но малолетнему взрослолюбам названия не придумали. Гиперсексуальность и неразборчивость у детей делают это бессмысленным. Зато педо- и гебе-, эфебофилию различают.

²Голландская школа пошла далече. Педофилом именовала субъекта, которого лю-

Здесь «сотрудничество» — возбуждение при половой активности ребёнка. До того додумался Молль:

«Манипуляции детскими гениталиями главная роль, поскольку преступник удовлетворяется только возбуждая, наблюдая поведение возбуждённого» [272].

Очень важно. Дети могут возбуждаться только когда в обществе педофила расслаблены и веселы. При силовании либо застраивании возбуждения не будет. Педофил обречён искать доверие, чтобы заслужить желанное сотрудничество. Кому нравятся дети, мечтает нравится сам. Ставши для детей «значимым другом». Это подразумевал Карл Мак-Кэги:

«Согласно символическому интеракционизму, некоторые взрослые ребёнка видят значимым другом. Детские суждения с оценками формируют их Я-концепции. Рисковать расположением ребёнка такие взрослые боятся. Поэтому в случае, когда правонарушитель ребёнка делает значимым другом, его преступлению вредить, отвращать ребёнка не свойственно» [246].

Мак-Кэги разворачивает идею: возводящий детей в статус значимых других обращается с ними лучше, нежели кто бы то

бовные позывы наделены повышенным личностным смыслом: «Педофилия — состояние, когда влечение к детям, и сексуальные в том числе, настолько важны субъекту, что направляют его жизнь» [338].

ни было. Учёный проверил, адаптируется ли такой человек ещё лучше любого другого правонарушителя в группе детей:

«Как и предвиделось, высокая степень интеракций преступнику принуждения не позволяет. Хотя свыше трети субъектов интеракции неразвитой к принуждению прибегают».

Так и хочется дополнить педофильский имидж катехизисом из очень частых учёных и мещанских вопросов. Вопросы бывают интересные³, но чаще всего с антисексуальными предпо-

³Часто спрашивают о педофильности населения, предпочтении детского пола. Ответы начинаются с устранения затруднений терминологии. Если женщина «балдеет» от материнства, то педофилия? Некоторые матери признаются, что сексуально возбуждаются при кормлении грудью. Папаша разобнимался с дитём, и у него встал — он педофил? А если взрослые тоже возбуждают? Это несознательный диссимулянт? А хотеть подростка — педофилия? Не бессмысленно ли делить людей на педофилов и непедофилов, если роднит их больше, чем отличает?

Статистику посчитать тоже трудно. Раздавать опросники достаточно? Следует изучать судебные дела? Спрашивать у психологов и врачей, сколько к ним обращаются с жалобами на влечение к детям? Никакие методы не подходят.

Судебные выборки непредставительны, туда попадают педофилы неклассические — предпочитающие взрослых. Практикующие педофилы под аресты попадали только в 1% случаев [336, р. 13]. «Во французском исследовании на 129 мужчинах (в среднем, 34-летних) признались в сексе с 11007 мальчиками (по 85 на каждого в среднем). Отсюда видно, что законы неэффективны, сводятся к произволу, вылову неудачников. Известно становится только $\frac{1}{3000}$ всех преступлений» [47].

Кое-что видно со статистики знакомства детей с педофилами, хотя про количество педофилов это не говорит ничего. Согласно Кинси, 24% от 4441 женщины вспоминают, якобы заигрывали с ними либо переспали в детстве. Отсюда 22% — генитальный контакт, 52% — эксгибиционизм. Студенты Калифорнийского университета сообщали про близость с педофилом в 30% случаев, а студентки — в 35% [231].

Согласно [336, р. 12], миллион американцев имело секс с мальчиками-подростками

сылками. Набила, например, оскомину, привычка спрашивать: совращённые мужчиной становятся гомосексуалистами? Ответить можно, как полагается, ссылаясь на горы работ, объявляющих, якобы нет, не становятся. Но можно вопросом на вопрос: а если да, так что с того? Если человек остался геем, что плохого? Когда так ответить достаточно, можно надеяться жить в свободной стране. А когда самого вопроса не станет, считайте, что в ней уже живём.

Но так отвечать — по живому резать. Не той ориентации своих детей пугаются даже люди совсем интеллигентные, свободомыслящие. Чувство страха — это единственное, чего следует опасаться, как многие никак не могут понять.

Припаркою на пылающее чело факты: многократно доказано, что педофильское совращение мальчика не «опидарашивает». Об этом объявлено самим Дж. Вулфенденом:

«Широко распространена, поддержана, наиболее в правоохранительных органах, идея, будто совращение в молодые годы — решающий фактор и условие выработки

после 21 года. «Есть как минимум ещё полмиллиона мужчин этого возраста, противящихся криминализации мальчиколюбия, правопорядок нарушать готовых». Правда, Россман источников не назвал.

Англо-валлийская статистика взрослого и невзрослого «потерпевшего» не различают. Зато МВД Великобритании нашло, что в 1973 году 88% мальчиков и 70% девочек познали взрослого до 16. В 1979 году 802 (8 — женщины) судимы за секс с мальчиком, 3006 (6 — женщины) — с девочкой. В 1973 году 640 мужчин — за внебрачное сношение с 13–15-летней, 121 — 0–13-летней, 135 — 0–16-летним [392, pp. 30–32, 26–29].

гомосексуальности. Стереотип этот устрашает и родителей, и педагогов. В его поддержку мы не обнаружили ни одного доказательства. Наши медицинские свидетельства единогласны: при выработке гомопривычек роль совращения незначительна. Поводов оспаривать наши выводы литература не предоставила» [413].

Считается, что сексориентация прививается рано в детстве через опыт неполовой. До шести (за долгие годы до возраста, когда дитя покажется педофилу привлекательным) половая идентичность уже сформирована [355]⁴.

Куда правомернее беспокоиться, чтобы «жертвы» после педофилизма не знали псих(олог)ического вреда. «Жертвами» принято называть любовников у взрослого, пусть даже ненавязчивого. Вершина глупости — считать «совратителя» и «активную жертву» людьми разными.

Бросается в глаза, что детораствление без виктимизации не признают именно женщины. Видимо, по феминистскому мужененавистничеству. Разделяемому не всеми учёными дамами.

Сексборка Лоретта Бэнда своё замечательное исследование сексуальноозабоченных детей [19] повторила через 16 лет [20]. Дополнив и поиском ущерба. Неожиданно для себя вреда вследствие раннего полового опыта Бэнда не нашла. Помните семилетнюю Вирджинию с вахтёром? Половой опыт её ни

⁴Кто не убедится, пускай читает [231, 378, 403, 404, 361, 316, 273].

отвратил от секса, ни привёл к нимфомании. Девочка стала медсестрой, женилась в 21 год и «счастлива в материнстве». Бэнда, к сожалению, не пишет о последствиях её «лечебного» пристыжения. Возможно, бэндавский деспотизм и мать воспитал деспотичной.

Моральные последствия «сексуального насилия над детьми» педантично разобраны Линдой Бёртон [55]. Хотя в её материале примесь настоящего насилия, всё ж учёная замечает: из-под палки занимаются сексом не все. Исследована 41 «жертва» со сверстной контрольной группой. 6 с опытной группы — мальчики. К моменту преступления большинство было младше десяти. 4 — созрели. Зачастую преступник — это сосед, «друг семьи» (15) или ребёнок (17). Нередко продавец или рабочий, (к) которому дети привыкли либо помогали. Обычно «сексуальное насилие» случалось в доме друга или «жертвы».

Детей Бёртон мерила по Бристольской шкале социального здоровья либо Тематическим апперцептивным тестом (ТАТ). Заурядный тест оценивания ребёнка по сочинённой им истории на тему предъявляемой ему картинке. Детей проверяли повторно через год. Т. е., в среднем, через три года после преступления.

Выяснилось, что растлённых отличает:

«Наверное, замечательнее всего жертвы секснасилия тенденцией искать привязанности. Дважды таковую подме-

тили педагоги, про половой опыт у детей не знавшие. Учителя чаще всего сообщали про желание детей подольститься, быть к ним поближе. Часто такие дети боялись учителя беспокоить, извинялись, скрытничали, демонстративно себя вели, одевались кричаще» [54].

Подразумевая, что дети так ищут защиты с утешением, учёная признаёт объяснение противоположное. Якобы потребность в привязанности сексу не последствие, но причина [207]. Даже более того:

«Установка на привязанности может объясняться попыткой заместить растлителя. По многим исследованиям оказывается, будто растление детям отвратительно не всегда. Многие чувствуют эмоциональную поддержку. Поскольку себя считают объектами любви, влечения. Отсюда неприятие школьной администрации⁵, что происходит от осуждения педагогом отношений».

Почему дети нуждаются в привязанности, Бёртон изучить не утруждается. Ей бы только простору для спекуляций. Важный вывод:

«По поведению детей кажется, что существенного влияния сексуального насилия на личностное развитие нет.

⁵Которое с описанным заискиванием едва ли совместимо.

Приходится признать, что половая жизнь причиняет беспокойство незначительное и непродолжительное».

Любопытно, что дольше всего после «сексуального насилия» выздоравливают «активные жертвы», а не жертвы⁶. Просто случайной жертве сочувствие родителей получить легче. К ребёнку же, разоблачённому в интрижках, отношение другое. Родители способны навязать чувство вины. (Особенно когда боятся понять, что в поиске любви вне семьи виноваты сами.) Правда, родителям «активных жертв» иногда половая нравственность до лампочки. В научной литературе примеры многочисленны. У Бёртон «эти растлённые стыдятся, тревожатся слабо». Чего не бывает, если родители «высоконравственные».

Ребёнку сильно вредит истерическая реакция родителей. Отец Михаил Ингрэм описывает ужасы разоблачения [206, pp. 4–5]:

«Пример 11-летнего мальчика. Брату сказал, якобы с мужчиной „имел секс“. Родители подслушали. Семейная сцена, мамаша в истерике, папа мечется с криками: „Убью гада!“ Вызвали полицию — снова тягостный допрос. Забрали в участок, спустили мальчику штаны. Врачу надо член, оттягивает крайнюю плоть. Нагибает, и пальцем в анус. Арестовали подозреваемого — не признаётся.

⁶Хотя тоже не всё просто. В калифорнийском исследовании хуже приходится как раз «активным жертвам», очевидно, травмированным ещё до секса, в котором ищут утешения [269].

Должностные лица перемывают косточки. Подозреваемого выпустили под залог. Мальчика — в Ирландию до суда.

Видимо, родительской ласки ребёнку не доставало. Давал обнимать подозреваемому. Порой это доводило мальчика лезть к мужчине в штаны. Если не поддаться брезгливости, принять во внимание домашнюю неприютность, кошмарный допрос, унижительную медицинскую формальность, то становится понятным: от преступника ребёнка надо защитить в последнюю очередь. Задействованный психиатр отметил: „Если подозреваемый на мальчишеский зад и не покушался, то наверняка покушался врач“⁷.

Преступника посадили, выдав его как осуждённого по краже. Однако сокамерники разоблачили, жестоко побили, сильно изувечили. Работу больше не нашёл, семью потерял и к волонтерству не допущен. Много доброго (для детей в том числе) ему не вспомнили. В свои 26 остался развалиной. И только за то, что любил.

Спустя 9 лет я встретил этого мальчика 20-летним. Холодный, подавленный, секса боится, замкнутый, друзей нет, от антидепрессантов зависим».

⁷Страшно не проникновение, но холодная, бездушная обстановка. Если проникновение любимым человеком, оно приятно.

Читатели не забыли трагедию 1977 года, когда Льюисский коронный суд обсасывал близость учительницы к 11-летнему школьнику. Несмотря на свидетельство мальчика, педагог оправдан. Если даже секса не было, страстная любовь была наверняка. Обменивались письмами, ласками — ребёнку было хорошо.

Но вмешался закон. По роковой случайности папа мальчика служил в полиции. Дитя попало. Отцу хотелось резонанса. Мальчика перемололи жернова следственной рутины. Папаша допрашивал его с пристрастием. Спустя девять месяцев — испытание позором. Журналист кишел на журналисте, когда мальчика вывели на суд. Разобрали ребёнка по косточкам. Хуже лишь адвокат защиты. Сделавший всё, чтобы ребёнка запутать и выставить клеветником.

Для мальчика это было слишком. Срывался в слезах. Но каждый раз одни суровые требования вернуться. И всё во имя защиты ребёнка! Дело проиграли, сплетники говорили про маленького лгуна. Саму женщину, без сомнения, добродушную, выставили в лучшем случае дурой.

Маразматическую «защиту неприкосновенности» достойно венчает отца реакция:

— Добьюсь, чтобы мой сын опять через всё прошёл!

Так и хочется спросить, зачем [286].

Хорошо, что не все задействованные были косными защитниками права ребёнка на отсутствие личной жизни. Полицей-

скому хирургу хватило смелости, хватило честности публично признаться [250], что большинство педосудилищ отнюдь не спасает, а вредит ребёнку. Он это знает по своему многолетнему опыту.

Такое признание — редчайший луч, освещающий гнилое болото правопорядка, засасывающего, топящего педофилов и детей. P1E знает историю педофила 15-летнего. Без избиения в тюрьме Рисли не проходило дня. Заострёнными расчёсками парню полосовали спину. Юноша пытался наложить на себя руки.

В 1960-х одна служба гомосексуального консультирования слушала «Джекову» беду. Сорокалетний оказался в связи с 16-летним. За другие сношения мальчика забрала полиция. Вымучили фамилии любовников. Юноша покончил с собой. «Джеку» полиция сказала: «Правильно сделал». Мужчина тоже пытался не раз.

На детей давили даже в Голландии: «Три года назад уморили 13-летнего. В зарешеченной комнатке допрашивали с 9:00 до 17:00. Отпирался. Следователь говорит: „Не расколешься, придётся твоего выпускать. А что твой батя брякнул, петраешь? Подождёт и завалит. И будет: ему кранты — батя три петра. И всё из-за тебя“. Мальчик испугался, всё рассказал. Остался с моральной травмой» [47].

США нас обогнали. Сотрудник NBC сообщает [240]: американские копы детского признания добиваются всеми правдами-неправдами. Однажды мальчика держали за ноги над пропастью. Тамошние растлѐнные — жертвы, но не педофилов⁸.

Диво дивное: лезут отстаивать интересы детей, а когда дети проявляют интересы не те, то в их интересах и слышать не хотят, а в чём же, собственно говоря, дети заинтересованы! Забота ребёнку сводится к родительскому надзору, допросу с пристрастием, судебной славе, разлуке с возлюбленным и карательной психиатрии.

Потому и надо было разобрать два пунктика: что педофил если не насильник, то непременно домогатель; что дети, хоть активные, но всё-таки жертвы. Оказалось, психическая виктимизация ребёнку грозит отнюдь не от педофилов. Виктимизация же физическая рассматривается через пару глав.

⁸В 1979 году Лондонский центральный уголовный суд анализировал анальное покушение Роджера Муди на десятилетнего — признали невиновным. Оказалось, полиция вытянула детское признание чуть не клещами. За время судебного перерыва, 15 минут, обвинение новое — с теми же лицами. Оба раза ворошили ночёвку мальчика на матрасе, соседним с мужским. Мальчик отнюдь не жаловался, только в отсутствие родителей с полицией согласился: ночёвка 1½-летней давности могла сопровождаться преступлением, а могла и не сопровождаться. Пожизненное грозило за то, что спросонья мальчиком осязаемое могло быть рукой. Любопытно, что Муди признался в педофильности, во влечении к мальчику, поэтому полиции неспокойно [296].

Глава 4

Как это происходит

Только что неуклюжие стереотипы «насильника»-«жертвы» заменили портретами более правдоподобными. Знакомству с педофилией теперь ничто не мешает. Вообще, мне легче развешивать сказки про мальчишколюбие. Так уже получилось: если дружу с педофилом, обычно то мальчишколюбец. И хотя девочки мне сильно нравятся, знаю про них ещё меньше непедофилов. Различие делать нужно, поскольку патриархальные гендерные роли влияют уже на восьмилетних. Девичье согласие мальчишеского сомнительнее. Если же мальчик отказывается служить мужчине, совесть его не заедает. Наоборот, угроза педиковой славы что Дамоклов меч. Вопреки которому голубиться с педофилами всё равно мотивирован.

Читатель уже познакомился с исследованиями виктимологическими. Кроме них имеются другие. Перу нидерландского

д. п. н. Фредерика Бернарда принадлежит огромная туча педофильской литературы. Метода Бернарда напрашивается сама собой, но никто не додумался. Оказывается, можно дать слово педофильным любовникам.

Результаты Бернарда представлены на злосчастной Суонсийской конференции по любви-влечению от Британского психологического сообщества в 1977 году. Журналистское вторжение заставило работы по детской сексуальности вынести на сессию закрытую. Нежная психика мещан осталась бы травмированной.

Но сейчас «открыть всё» пора. Это будет открытие, нет, откровение. Респонденты Бернарда — 22–70-летние, классово, географически разнообразные. Каждый заполнил обычный личностный тест и дал автобиографию. Обязательно было написать, насколько повлияла на жизнь респондента близость с педофилом. 10 историй Бернардом опубликованы [27] как особенно типичные. История 23-летнего гетеросексуала будто бы наиболее показательна.

«В 13 я педофилился. До того не знал и слова. Про гомосятину тоже: родители про секс не рассказывали. Того, кто меня в гомосятину втянул, я физически любил. До сих пор мне лучший друг. Слабо помню первый раз. Но помню, было классно. Что что-то плохое делаю, не напрягался. Вообще, что делаю, не знал. Он мне пытался

сказать, но врубился только через год.

Думал, ему с того грустно. Боялся, дружить перестанет. Веселил его, как мог. Что себя поганю, не чувствовал никогда. Да того и не было. Ну, в этой ситуации такое нереально.

Одна только печалька, когда рассказал невесте. Так отношения зашибись. До сих пор у меня с ней без проблем. А вообще думаю, гомосятину надо разрешать. Это не то, типа можно капризы. Главное любовь у людей, которым не только трахаться. А то совесть. Даже когда по-нормальному. С педофилухой сложнее. Пускай всем счастье. Но не одобряю. Мне-то ничего плохого, но не всем это делают с пониманием».

Наиболее поучительна тут установка признавать отдельный случай, отвергать явление в целом. Респонденту собственные педофильные сношения не страшны, но стадное чувство не даёт оправдывать чужие. О которых и не знает. Мои приятели говорят: «В тебе-то мы уверены. Ты детей не эксплуатируешь. Но кто поручится за порядочность остальных?» Странно, что свои — всегда хорошие, но незнакомцы сплошь мерзавцы!

Далее точка зрения другого 23-летнего.

«Звездюк я был девятилетний. А на стрите дяпан. Он мне: шпилешь неклепово. Го, типа, со мной на гонялку.

На велораме. Потом ещё: го ко мне. Предки: не надо. А хули? В порядке чувак и ни хрена мне не сделает. Просёк его на первом уже разе в его хоме.

Покорешались, перешли на ты. Узнавали постепухе друг друга. До меня дошло, что голубой он. Я не офигевал, просто лучше хотел раздуплиться. Он мне про всякую сексуальщину-бисексуальщину. Перетёрли. Родоки в теме не были никогда.

Стали корешами даже лучшими. Любача такого никогда не гетал. Френдиться так я вще ни с кем не могу.

Когда мне 10 – 11, голубились. Всегда в кайф. Завязали, когда 19: девушка. Как замэрриться, без напругу ей про всё. Рэдивый был, и передалось. Приняла отпадно — окольцевались в 1968 году, живём офигенно, 100% доверуха, в постели зашибись. Уже дочка девяти месяцев».

Комментарии лишние. Слово женщине средних лет:

«Возможно, Вы не поймёте, но на своё 12-летие была без ума от 50-летнего. Как он — от меня. Не знаю, кто начал, однако мы стали друг друга ласкать. Дошло до секса. Совсем раскрепостилась.

Мама с папой узнали, вызвали полицию. Допрос ужасный. Отрицала, отрицала, отрицала. Но дала слабину.

Арестовали любимого. По моему вымученному признанию состряпали дело. Больше ничто не могло спасти. Случившееся никогда не смогу забыть. Ведь это же несправедливо! Какое могло быть воспоминание. Я не замужем, но ращу четырёх детей. И пускай занимаются любовью хоть со взрослыми. Это же прекрасно».

Любопытны Бернардовы заключения.

«В целом, опыт общения с педофилом оценивается положительно („мило“, „чудесно“, „грандиозно“). Отрицательно лишь однажды: „По мне, было ненормально“. Все нуждались в привязанности, любви, безопасности, но не только в сексе. Некоторые педофилию защищали.

В травматичности не признаются. Скорее наоборот. Конфликты и проблемы вследствие не самого деяния, не ласки либо мастурбирования, но вследствие влияния общества.

Важно, что педофила никто не боялся. Видимо, педофилы действовали по ситуации, зная, как заслужить доверие. Поразительно сходство всех описаний по человечности».

Отлично сообщение Бернарда с издания Нацлиги половых реформ. Отлично не степенью человечности, но внимательно-

стью к стороне вопроса половой. Читается словно художественная литература, потому способно показаться художественным вымыслом. Но скажу, что текст очень созвучен всему, что у Бернарда достоверно. Сообщение тоже от женщины.

«Со взрослым имела половой опыт, едва достигнув 12-летия. Но возраст — это не повод ужасаться. Наоборот, ознакомление с мужской сексуальностью помнится хорошим. О событиях осьмилетней давности не пожалела. Травмы не получила, сексуальноозабоченной-фригидной не стала. Зато научилась, что мужчина и девочка могут удовлетворить взаимно. Вместо чтения, как устроены мужчины, получила мастер-класс.

Изнасилования не было, только провоцирующий шанс. Приёмами соблазнения пользовалась, но не понимала. У нашего пола кокетливость ещё с ранних лет. Особенно когда мужчины смотрят уже не как на детей.

Не посмотрел и Дядя Герман. Ему было чуть больше сорока. Дядей в действительности не был. Часто гостил, и с братиком я так его называла. С папиной работы, много суетился. И в оркестре духовом играл, и голубей разводил, и садовый участок держал. На тот участок я ходила с братиком играть и помогать.

Иногда Дяде Герману могло взыграть. Если хотелось

меня поцеловать, он за косичку дёргал и щекотал подмышкой, обнимал. Однажды заметила, что нагнулась за земляничкой, а мне смотрит под блузу. Сообразительная девочка всё поняла. Я тогда гордилась наливающимися грудями.

Помню, покраснела, не подала виду. Но очень захотелось ту блузку сорвать. Чтобы видел: я подрастающая! Сперва не посмела. Но позже, в полдень, когда рыхлили землю, сказала (правдиво), что жарко. Смело стянула блузку. Стала по-спортсменски. Бюстгальтера тогда не носила.

Как он посмотрел! Больше не стыдилась. Мотыги вон, и „пошли выпить лимонаду“. Логично, ведь комнатка летнего дома соседями не просматривается.

Такое было впервые. Помню жуткую лесть: что стала большая, что про мою грудь не догадывался (как бы не так!), что не больно ли растут, что большие не сразу... Пустословие, но слушала.

На корточках у сидящей на пне тёр соски. Я не возражала. Гадко не было, ведь это мой Дядя Герман. Объяснить нельзя, можно почувствовать. Я была настоящая возбуждённая малолетка.

Одно повлекло другое. Через десять минут уже голая.

За дверьми-занавесками никто не мешал. Всё случилось само собой. Согнула руки над головой: видела в зеркале, что груди так больше. Дядя Герман обещал очень скоро волосы подмышками. Гордо заметила, что внизу растут.

Из-за босой подмышки Дядя Герман (якобы) не поверил. Я настояла доказать. Раздеваться полностью не планировала. Но приспустивши джинсы до белых волос, осмелела до полного раздевания.

Понятно, что мелкое тельце было не бог весть чем. Но чувствовала себя кинозвездой: Дядя Герман уставился на меня, как на Софию Лорен. Стоять голой было нелепо, но не противно, как на медкомиссии.

Потому что с Дядей Германом я чувствовала себя непринуждённо. Он пожаловался, что нету такой хорошенькой дочки. (Детей не было.) Отческие сантименты прошли скоро. Села на колени — пустился целовать и гладить груди, живот и бёдра. Скоро пальцами заработал у меня между ног.

Переживания потрясающие. Приятно не только лишь ощущать, но также сознавать. Оказалось, ему нравятся девочки. Чем я воспользовалась. Сознательно дала карт-бланш. Со мной был обходительный, наговорил много приятного.

С высоты лет это кажется диким, однако прекрасным. Понравилось настолько, что по возвращении домой попросилась вернуться, чтобы снова „сыграть Еву“. Дяде Герману хотелось тоже. Договорились встретиться на участке вечером.

Раздеться не терпелось, но вместо секса страшно серьёзный разговор. Делать это больше не можем. Его посадят. Снова. Мои родители не простят. И так далее.

Я заверила, что мне понравилось. Побратались на крови, создали тайное общество.

Раздел, уложил на трёпаный диван, зацеловал всю — чувства божественные! Разогрелась. От одежды Дядя Герман избавился. Позам и хитростям удовольствия научил, открыл умения губ и языка. Но как ему ни было трудно, коитуса не допустил.

Иногда было достаточно просто видеть меня. Делала на показ ему зарядку, а в трусах его шевелился член. Однажды бежали под дождь за земляникой одетыми только в резиновые сапоги. Было весело, никто не застал. Умывшись дождём, спаслись в дом. Друг друга вытерли, занялись любовью.

Оправдывать поступки Дяди Германа не собираюсь. Оправдывать педофилию — тем более. Но то лето было пре-

красно не только для него. Кончились отношения внезапно, когда перевели по службе. Видимо, так и хорошо. Наверняка случившееся не навредило. Главное, что педофил делает и как. Если детей по-настоящему любит (что часто бывает), он им сочувствует. Прекрасно зная, что делать, а чего нет. Дядя Герман очень добрый, и мне плохо не делал».

Внимательность в отношении детской оценки придаёт валидности. Но когда дети говорят, якобы с педофилами хорошо, никто не верит. С ними спорят покаянными речами растлителей. Которые, сидя за решёткой, признаются в «болезни», желании «лечиться»¹.

Критики не способны понять: отбывающий наказание чего только не скажет, имея надежду на досрочное вызволение, ласку медперсонала, фавор администрации. Со многими мне при-

¹Среди «лечения» авersive терапия. Бихевиористы, стимулируют (в нашем случае детской порнографией), бьют электротоком или вводят апоморфин, или валериановую кислоту, либо пыскают омерзительнопахнущей жидкостью в ноздри, либо низкочастотно шумят в уши. Надеются вызвать рефлекс торможения. Кроме мучительности процедура неэффективна.

Более варварская химическая кастрация. Мужчине таблетки женского секрета либо подкожно. Половое чувство слабеет, однако формируются женские груди. Подлежат ампутации, тромбоз, опухоли груди. Целое десятилетие химкастрацию применяли на Британии, пока публичные дебаты не заставили прекратить. После чего, в апреле 1979 года, половому преступнику предложили на суде кастрацию вместо срока.

Крайняя форма — психохирургия. Вытраивается часть мозга на гипоталамусе. Многих операция лишила жизни. Недавно западногерманского мальчишколюбца вылечили. Для меня замятинская Великая операция страшнее любой побочной реакции.

шлось общаться во время и после тюрьмы. Все признались, что половую близость по желанию детей одобряют. Но тюремному психиатру ни за что не признаются.

Так что надо принимать во внимание, что говорится педофилами на свободе. Они все мне знакомы, все мальчиколюбцы, все нонконформисты.

Начну всё же со стыдящегося. Насколько справедливо, пусть читатель судит сам.

Иоанну скоро сорок. Психосексуальное развитие замедленно. Первый оргазм у него в 19. Сальные шутки ровесников он именно тогда стал понимать.

Половое чувство сразу на мальчиков. Желательно до десяти. Больше никто. Однако девственным Иван остался надолго. По себе Ваня знал, якобы мальчики возбуждаться не способны. Впал в отчаяние.

Принуждать не хотел. Ненвидел себя. Так и жил годами. Несправедливость Рока побуждала штудировать философию, богословие.

Ваня солдатствовал. В казарме не знал искушения. Служа на Дальнем Востоке, продажными мальчиками не пользовался. Нелюдимый, немногословный, шутил язвительно. Трезвеннику с его товарищами становилось плохо.

Досуществовавши до 25, осмелился пойти в педагоги. В надежде хотя бы прилично, но с детьми видеться.

Однако согрешить пришлось не в школе. На гражданке жил у рабочих. Детных: три девочки, братик Степаша.

Возиться с детьми родителям недосуг. Ребята жили при телевизоре, но когда был отец, ошивались возле дома. Ваня подумал, якобы должен уделить Степану недополученное внимание. Хотя Степан «стандартной выработки».

Того же мнения Стёпа про Ваню. Сначала так бывает. Но на 5 – 6 неделю Ваня полюбил. Поручили Степану читать на ночь, укладывая спать.

Строя виноватое лицо, Ваня как-то руки не сдержал. Обнимаясь, пустился мальчику под пижаму. Невероятно. Мало того, что Стёпа не возражал, у него стоял! Теперь укрывание сопровождалось странной традицией, без эрекции ребёнка не обходящейся. Ваня набрался смелости, предложил свой. Вошло в традицию тоже.

Пока зачинщиком Иван. Но вдруг их оставили в доме одних. Мальчик отправился к мужчине в постель. Вскоре Стёпа попросился ночевать в комнате Вани. Чуть утро — Стёпка прыгает из кроватки в кровать. «И та штука торчала всегда. Сколько ни видел его голым, а без

эрекции — ни разу».

Стёпкина похотливость Ивановой совести не успокаивала. С гомосексуально-феминистской идеологией никогда незнакомился. Традиционалисту, христианину была видна лишь угроза гендерным ролям.

Мальчика за девочку держать нельзя. Воспитать содомита — конец света. Армия приучила Ваню к уважению Старших. Однако любовнику Старший подчинён. Зависим.

Скрепя сердце, Ваня съехал. Однако совесть достала всё равно. Теперь ему стыдно, что мальчика бросил. И встретил его случайно спустя год. Пойдя в Степанову школу. Вне дитянина дома «пленение» мальчика казалось не страшным.

Зато «постель» стала некомфортная. Поездка за поездкой, провинция за провинцией, и взаимное в перерыв обсасывание. Не выходя с машины. Регулярно. Автоматически. Безмолвно. Капризы научились угадывать.

Заговорщическое молчание скрывало виноватость. Пересекая городишко, Стёпа нагибался под бардачок, опасаясь, чтобы не узнали. Благоразумие постоянно проявлял.

Стёпе надо было сменить школу. Ваня дал отношениям

угаснуть. Теперь Ване стыдно не за секс, а за только секс. Что любви, поддержки мальчику не оказал.

Стёпа же Ваней увлёкся глубоко. Не раз упрашивал вернуться. Не забывал Иванова дня рождения, что-то дарил.

Уверен: имей гидра Ваниной совести право на голову, то разве на ту, что терзает Ивана за сердечную скупость. Степаново согласие несомненно. Настолько сильно, что сумело Ванину зашоренность преодолеть. Степану знакомство дало больше, чем Ивану.

Мой следующий герой, Ральф, едва ли такого теста. Бодрячок и «без комплексов». Демократичный, особенно на фоне коллег. Настоящий галантный кавалер, юношески горячий, добродушный. Враз удостаивается восхищения детей. О себе пишет:

«Окончив университет, отправился в кентскую подготовительную школу для мальчиков. Педагоги не первой молодости (за 50), воодушевлены не были. Забавы да труды, казарменные порядки. Порка директором одна была гласной. Зато каждый год отсылали кого-то в Уинчестер. Допотопная педагогика, порка, скука.

Поэтому с детьми подружился легко. Проводили своё время в моей комнате. Слушали музыку, разговаривали. Меньше всех обо мне забывал 11-летний Ланселот.

Собой хорош и начитан, актёрская жилка, сладкоголосый, капитан школьной команды по крикету, футболу. Любимец учителей, ребят, однако ближе всех со мной.

Спустя год и физически. В комнате никого. Подсаживается ко мне на кровать смотреть книгу. Безо всякого слова берёт откидывается на постель. Ложусь возле него. Кладу на него руки. Ни поползновений, ни намёков. Всё неожиданно. Со многими так. Безотчётный позыв и мне передаётся. При педофильстве спрашивать, кто кого со-вратил, очень часто неуместно.

Следующие два года постельная жизнь всегда, когда шанс уединиться. Обычно между самоподготовкой и отбоем. Иногда с поздней ночи до раннего утра, после чего крадётся назад. Не было стыда, было счастье. Я помог ему преодолеть подростковый криз и родительский развод. А взамен очень много любви, доверия.

Кончалось полугодие, Ланселот, оказывается, полюбил ровесницу. Ревность я не показываю, за него рад. Все свои чувства теперь посвятил ей. По мягкосердию нашей дружбы не разрывал. Занимались любовью реже, но не прекращали: подростку чувственность надо куда-то девать. Я знал: отношения прекратятся хотя бы вследствие выпуска. Но надеялся, чужими не станем.

Увы, год окончился неблагополучно. Ребёнок обнаружил исчезновение Ланселота с дортуара. Проследил. С кем угодно можно договориться, но не с ним. На следующий год его сослали в спецшколу. Дежурному доложил, а дежурный — за директором. Ланселота застали со мной. Меня выгнали. Приехала полиция».

К счастью, судим условно, вернулся к преподаванию. Правда, в чужой стране.

А вот история Кейта, преподающего в элитарной американской школе. Педофильствовал и в детстве, и в зрелости.

«Ему было 26, а мне — 13. Читатели скажут: „Изуродовал“, и напрасно. Задницу ровесника разглядывал я в пять, другие части тела — в девять. Мужчина меня научил эмоции. Гомосексуализму же научился сам и долго.

Похотливый был всегда. В доктора играл. Оволосения хотел. Которое в $12\frac{1}{2}$ получил. Стали нужны люди. За ребёнка не держали. Личностью признали. Со сверстниками весело, хорошо, мальчики нравились. И чувствовал я, что даже сейчас описать не могу.

Переломной стала встреча с 26-летним S. До него трахаться было хорошо. Чувство вины щадящее. Вследствие

ханжеского воспитания. Дескать, что приятно, то постыдно. Это мне внушили вне семьи. В семье ничего подобного не обсуждали. Следовательно, стыдно не переспавшему, а попавшемуся. Мне стало понятно, что поступаю правильно. Что на мне лежит ответственность за родительское неведение.

S. мне помогал. Полез его домогаться как раз я. Со всею подростковой необузданностью. S. поддержал и даже не засмеялся. Лишь обнял. Мне стало безопасно, спокойно. Compliments дали поверить в себя. Оказалось, что гомосексуальная субкультура существует. Я не один.

S. — это настоящий мужчина, счастливо женатый. Но мальчишеские мои забавы тоже нравились. Мне показал отношения, в кровати не помещающиеся. Может, я любил его возвышеннее, чем он (судить сейчас уже сложно), однако какая разница? Важна поддержка, с начала взаимная. Не похоть, эмоции были скелетом отношений. Которыми наслаждались не меньше, чем оргазмом.

Не зря встреча названа поворотной. Два года с ним изменили меня. Помирили с собой. . .

Далее в личной жизни застой. Гетеросексуальным одноклассникам, оказалось, тоже. Отличие моё только внешнее. Зато благодаря S. я знал: любовь есть. Но где най-

ти? С кем иметься, находил, иногда надолго. Всё как у гетерастов.

Так я двигался ко второму поворотному пункту. Получивши диплом, я пошёл устраиваться в детский кружок. Тогда секса ради секса хотеться перестало. Пришла пора делиться с детьми. Делиться радостью, навыками. До пубертата глубокие чувства возможны, даже нужны.

Опидарашивать, настраивать противу закона никого не хочу. Просто заметил: 11 – 12-летние ко мне с удивлением и почтением. (Как они посмотрели на меня впервые, никогда не забуду.) Чувствую себя папой, братом и дружкой одновременно. Я воспитываю. Влияю на мир. Помогаю ребёнку в развитии.

Я всё перепробовал и себя знаю. Для детей могу дать сопоставимое вкладу семьи. Для детей, которым интересен.

Мой отклик естественен. Осуждают, якобы думаю только про задницы, потворствую болезни, пр. Конечно, по незнанию. Больше всего волнует обывателей не насилие, но натуральность, искренность. Всё равно что возмущаться родительским умилением агушиным прямохождением или первокласником, или словами: „Люблю тебя, мама“. Ведь при педофилии чувства те же. Кого что

возбуждает, неважно».

У Кейта прямо педагогическая поэма. Такой пафос у педофилов (именно мальчиколюбцев) — обычное дело. Равняются на древних греков [107, 100].

Напоследок ознакомьтесь, читатели, с Павлом — американцем английского происхождения.

«Поразительно живо, с подробностями вспоминаю мальчишество. Тётка везёт четырёхлетнего. Я пробую возможности дружка. Вдруг она: „Брось — укусит!“ Так и приучили бояться своего тела. Играть собой приходилось в убежищах. . .

Где-то в 25 я брал уроки пилотирования. Познакомился с Иаредом. Помню, была поздняя весна. Любил я пролетать над его домом и махать крылом. Иаредушка мне махал рукой. Тогда приземлялся в гости. Иаредов отец — остеопат и тоже лётчик. Поэтому мне рад.

Ходили на рыбалку, с Иаредом я летал. Когда бы ни распогодилось, ездили выпить чего-нибудь ледяного. Дом его возле воды — брали каноэ, просто купались. Учил Иареда плавать брассом. Поддерживая в центре тяжести. Оказавшемся в самой любопытной точке. Отчего возбудились оба.

За три месяца сблизились. Как-то вечером Иаред у телевизора. На животе, подбородок уткнул в ручки. Начинаю сзади поглаживать. Ему нравится. Лезу под пижаму. Скольжу мягкими гладкими полушариями. Шаги с кухни — пришлось прекратить.

Четвёртый месяц, и пора съезжать. Покидать мальчика нелегко. Прощание должно быть особое. Радостно вести мальчика в гостиничный номер. Последний вечер. Стучит башмачками.

Шумно болтаем и шутим. Ни с того, ни с сего прошу раздеться. Щебетание продолжается, как ни в чём ни бывало. Спустя пять минут: „Хочешь, чтоб я разделся?“ Раздевается. Никакой мальчик этого не делал. Но с Иаредом эмоциональная близость. Укладывается полностью голым. Моя рука на нём очень нежна. Отросточек его твёрд. Тельце передвинул и примостился сверху. Не теряя горящих очей. Улыбаюсь — скалится. Зубки мелкие злые. Внезапно дунул в лицо. „Не смей. Это нехоршо“. Дует опять. Наверно, намекает: губки слегка сморщены. „Ещё раз сделаешь — зацелую“.

Конечно, дунул опять. Уста смежились в поцелуй. Никогда не забуду».

Меньше всего слышно про педофилию женскую. Мне понят-

но, почему, но кто расскажет это лучше женщины? Вот опубликованное письмо женщины женщине:

«Мы воспитаны под венец и для материнства. Это де нормально, целомудренно. Получается, женщине, как и ребёнку, разврата не нужно. Сексуальность отождествлена с гетеросексуальностью. Лесбиянки совокупляться не могут, а, значит, и не существуют.

Воспитываемся, выдаёмся замуж и стареем, а женщин обожаем отнюдь не сознавая влечения. Любовь к детям аналогично. Может, ублажать мужчину не слишком от-
радно. Может, удовольствие в обымке, обласкании, купании детей? Такое природное наслаждение „педофилией“ не назовут.

Моя подруга, возиться с крохой своей девушки любит. Половую подкладку симпатии сознаёт. Обоим очень хорошо². Мексиканские мамы с бабушками младенческие междуножья лижут, успокаивая ко сну. Малышам явно

²Во влечении матери к ребёнку Фрейд не сомневается:

«Общение ребёнка со своими няньками составляет для него непрерывный источник сексуального возбуждения и удовлетворения через эрогенные зоны, тем более, что эта нянька — обыкновенно это бывает мать — сама питает к ребёнку чувства, исходящие из области её сексуальной жизни, она ласкает, целует и укачивает его и относится к нему совершенно явно, как к полноценному сексуальному объекту» [137].

По мнению доктора Элейны Йетс, у матерей оргазм из-за выкармливания грудью [417].

нравится. Это ли секснасилие? Нужно кого-то сажать? Не сенсация, что дети в касании нуждаются. Без этого всю жизнь страдают. Как отыскать границу между касаниями развратными и неразвратными? И нужно ли?» [344]

Есть идея различать по качеству влияния прикосновения на касающегося. Включая в состав преступления возбуждение касающегося. Но в сообщениях об «огромном удовольствии» при ласкании малолетних оценка степени генитальности/сексуальности/развратности наслаждения невозможна.

И можно ли забывать о впечатлениях объекту преступления? Насколько младенцу разница, возбуждается мама-бабушка, возбуждается в широком смысле либо просто добивается сна? И нужно ли различать вообще?

Письмо замечательно прояснило, почему женская педофилия незрима. Быть интимной с ребёнком общество позволяет. Объясняя невинными побуждениями. Разве только когда не доходит до коитуса. Поэтому за мальчика и судят редко³. Ещё реже за девочку. Воображаю, читатели не поверят, якобы женщине нужна девочка. Но лично с такой знаком.

³Даже в этом случае женскую сторону пассивной ел признают. На Карнавонском коронном суде в 1976 году 35-летняя после 12- и 15-летнего подозревается в сексуальном насилии. Судья присяжных убеждает, якобы женщине с мальчиком отнюдь не преступление. «Половой контакт ещё не свидетельствует о сексуальном насилии» [85, 298, 314, р. 60].

Впечатления ребёнку подобная женщина даёт следующие:

«Донна с онтарийского пресвитерианского городишка. Все друг друга знают, и „чтобы дифферентовой охренеть как сложно, дайкой — вще нереально“. Шэрон учила в средней школе. „Тичала с шестого класса. Ну, влекуха к ней“. У Шэрон семья — муж-учитель, двое детей. Женщина вдвое старше Донны.

Начала всё-таки не с Шэрон.

„На самер припахали по дому. Идёт эта Жанна — офигенная. Ни хрена себе задбха — матухину окласницу втёмить. Год её мандила. На лето 15- и 43-летняя в кровати! Она классная, но неспокуха. Начала я, но то ж, блин, „хранительница очага“, семеро малых — и педофилка!“

Тогда наладила переписку с Шэрон.

„Как ремэмбаю, нереально корешались. С малыми эжаки вще не френдятся. А мы лэтеры чиркали, хотя хаты в ближоне. Натуральная шпионуха. Типа, романтика, разулка и такая хрень“.

Завели планы на лето.

„Тока 16, про Жаннку ей. Признаться вще пипец было! На каноэ к айлу. Прямо мелодрама! Шифровщица была

зашибись. Губу раскатала.

— Смотри, — говорю, — если у тебя ко мне, что у меня к тебе, так не ссы. Ни хрена не развращаешь. Хули мне сделаешь, чего у меня ещё не было?

Она в шоке. Не дала“.

Но признание Донны, что было с Жанной, возымело результат.

„Короче, Шэрон мне потом, типа на айле нереально ко мне потянуло. Сама в шоке, что в теме. Первый раз — это ж важно.

Но, блин, гетерасты завякают. Среди нетемовых ливаем. Реально, из-за меня фэмела лишится. А любэхи стока взамен — нереально“» [15].

Скажут, якобы Донна не ребёнок. Но Лиза Келли, радикальная лесбо-феминистка, женщину соблазнила в девять:

«Первая, кого полюбила сексуально, — моя замечательная тётя. Взаимное чувство было сильным и полным. А что тётя на 15 лет старше, ничуть не мешало. Я выверяла каждый свой шаг, и, что делаю, понимала. Хотя не могла сказать словами.

Тётя Ада была деятельной, интеллигентной, творческой. Всю жизнь избегала условностей. Даже в патриархальной семье возвышалась невзятою твердыней. Служила нянькой во Франции, много путешествовала, читала, долго жила с женщиной, как с женой. Безвременная смерть её возлюбленной за два года до меня дала начало нашей любви. Всегда мы были близки, много друг для друга значили. Лето с братиком и мамой проводила в Адином приморском доме. Вне лета принимали сами, порою на месяц.

Дома противу телесности меня не настраивали. Росла вне сверстников — мачистская социализация миловала. Поэтому ничего „противоестественного“ в обласкании, целовании любимой не видела. Ада тоже не беспокоилась. Не знаю, насколько была рабой половой любви, но по прошествии двадцати лет я могу поручиться: физически, психологически никогда не эксплуатирована» [219].

Как обычно, любовная лодка разбилась — только не о быт, о Лизину маму. Но порицание педофилии (точнее, детской сексуальности) — катастрофа не только любовников. Ниже разбирается, почему бесстыдство необходимо для здоровья всех.

Глава 5

Нужен ли детям секс

Благодаря P1E некоторые половое чувство детей признали. Но Баба Яга всё равно против:

«P1E'шники видят интересы детей в удовольствии. Однако потребности бывают и другие. Кто сказал, якобы детство на развлечения? Вместо формирования доверительных отношений, полезных умений? По мне, гедонизму место последнее» [166].

Смею надеяться, Шэфферу не кажется, что детство должно быть безрадостным. Не столь давно так и проповедовали. Британские школы вроде джен-эйровской навязывали детям аскетизм. Но дадим ему фору, предположивши, что подразумевает отличное сказанному. Тогда Шэффэр оказывается выразителем обывательских опасений, заслуживающих изучения.

Будто бы (половое) наслаждение мешает установить «доверительные отношения», выработать навыки. Чушь! Взрослые удовольствию предаются, трахаются напропалую, но доверительные отношения с навыками всё равно формируют. Язык не поворачивается сказать, якобы половая жизнь несовместима с жизнью.

Правда, у Десаи таки повернулся. Премьер-министр Индии воздерживается, чтобы «телесные соки» не тратить и сублимировать для свершений несексуальных. Может, ему такая жизнь и подходит. Но медицинская наука с ним не заодно.

Но почему тогда разумные люди высказываются по-десаевски?

Будто бы в постели дети способны на меньшее, нежели взрослые, заявлять безосновательно. В основе псевдопроблемы безотчётные страхи, которые не поддаются рациональной терапии.

В действительности малолетние любовники географию с математикой осваивают не хуже девственников. Зато педофилы любят им помогать. Что с домашними заданиями, что со сломанными велосипедами, что в иных неудобствах. Участие в жизни ребёнка педофилу в радость. Ощущение нужности. Выражение любви.

Как же хочется наконец-то писать о любви. Что наверняка читателей смягчило бы. Верю, любящего примут. Если даже вожделеет.

Но так уклонимся темы. Скажут: если любовь, так любовь — прекрасно! — но секса ни-ни. Словно наслаждение двоим — оправдание недостаточное. Словно любовь близостью не выражима. Словно любить и заниматься любовью синхронно невозможно.

Мели, Емеля, твоя неделя! Говорят: «если педофил любит по-настоящему, он не должен вступать в половой контакт с объектом своей любви». Часто даже забытые педофилы высказываются в духе: слишком люблю, чтобы так обойтись.

Согласно Джону Мани с Клиники половой идентичности, противоречие «любить нельзя трахаться» губительно:

«Если мальчику внушать „оскорбительность“ ухаживаний, остаётся наслаждаться либо мужчинами, либо женщинами, падшими достаточно, чтоб их оскорблять. Какие вообще могут быть отношения полов, если викторианская нравственность учит осквернять проституток, а потом идти в семью на жену молиться? Подобное противопоставление любви и похоти сексуальность уродует. . .

Невозможность подружить любовь и разврат, отделённые небескровно воспитанием, отзывается каждой возможной проблемой в отношениях» [273, р. 216].

Я подтверждаю, что навязывать свою сексуальность нельзя. Но нельзя навязывать антисексуальность! Нет оправдания воз-

держанию, когда влечение с удовлетворением обоюдны. Несексуальное детство деформирует эротический кругозор, заставляя мучиться. Детей не только взрослофильных, а всех. Удушаемых атмосферой нашей культуры.

Ненапрасно Фрейд уделял особое внимание детской сексуальности, даже не занимаясь ни половыми проблемами, ни детьми. И современная наука признаёт (в т. ч. при секс-терапии), что многие миллионы страдают и морально, и физически на почве детско-половой. Это заключение не плод обитания Фрейда «в Вене, в удушающей буржуазной среде, где всякое проявление сексуальности сурово подавлялось». Но факт, от классовой принадлежности не зависящий:

«Неврозам трудящихся не хватает только утончённости, прививаемой культурой, — думается Вильгельму Райху. — Это грубый, открытый мятеж против убийства души, касающегося всех. Обеспеченный гражданин переносит это заболевание с достоинством, да и в материальном отношении он с ним как-то справляется. Если же речь идёт о человеке труда, то у него невроз проявляется как трагический гротеск, что он собой в действительности и представляет.

... Моя больная страдала так называемой нимфоманией. Она не могла достичь сексуального удовлетворения и поэтому спала со всеми подворачивавшимися под ру-

ку мужчинами, занималась влагалищной мастурбацией, используя ручку ножа, а то и его остриё до тех пор, пока не начиналось кровотечение... В истории и этой больной в полной мере раскрылось уничтожающее естественную жизнь влияние многодетной, бедной, задавленной заботами рабочей семьи. У матерей таких семейств нет ни времени, ни возможности для серьёзного воспитания детей. Если мать замечает, что ребёнок онанирует, она может запустить в него ножом, а ребёнок, связав нож с сексуально обусловленным страхом наказания и чувством вины, не допускает удовлетворения, но позже попытается, испытывая неосознанное чувство вины, пережить оргазм с помощью того же ножа» [321]

Классики психоанализа готовы перечить всему, кроме сведения невро-, сексо-, психопатологии к теории детской сексуальности. Может, и неправильно, ведь опытные данные мало что подтверждают. У того же Фрейда то все неврозы вследствие растления в детстве, то, наоборот, инцестные воспоминания — похотливая «фантазия соращения, когда никакого соращения не было» [301].

Но всё же трудно не довериться фрейдистскому толкованию невроза, перверсий воспитанием у ребёнка целомудрия. Даже когда потешаться над конкретикой (Эдиповым комплексом, анальной фазой, завистью к пенису).

Упрощённым объяснение достоверно. С младенчества до младшего школьного возраста человек отдаётся сексуальным позывам (в соответствии с «принципом удовольствия»). Однако нарывается на запреты. Постоянный страх обучает угнетению полового чувства, чтоб избежать наказания (дитя подчиняется «принципу реальности»). Грубое подавление сопровождается внушением идеи, будто половое самовыражение недопустимо. Следовательно, сексуальности нельзя даже в мыслях. Ребёнку приходится помыслы «вытеснять». Когда вытеснение чрезмерно, душевное напряжение проявляется неврозом.

Конечно, не всякая жертва воспитания впоследствии невротична, но само представление «порочности», «греховности» либидо как «аморальности», противной «детской невинности» — Дамокловый меч у постели. Истерические симптомы лишь проявление страданий, свойственных всем.

«В истерическом характере наблюдается некоторая доля сексуального вытеснения, выходящего за пределы нормального, повышения сопротивлений против сексуального влечения, известных нам как стыд, отвращение, мораль, и как бы инстинктивное бегство от интеллектуальных занятий сексуальной проблемой» [137, р. 78].

Современнее точка зрения психиатра Элейн Йетс [417]. Обобщила данные начиная кинсигскими кончая мастерс-джонсовс-

кими. Не говоря уж о личном опыте воспитания 13 детей: семерых кровных и шестерых приёмных. У Йетс ударение на результате Мастерс — Джонсон, якобы половине браков США грозят эротические проблемы:

«Если даме не достичь оргазма, почти всегда причина в недостатке раннего сексопыта. Что касается мужчины,.. приходится волноваться о размере, потенции, способностях удовлетворить. Идеальному Я не соответствующий в постель отправляется, словно на поле битвы, либо совсем „ослиную парту“. Эякуляция беспокойного преждевременна либо задержана. Возможна непотентность. Такие проблемы родом из детства. Особенно когда папа к сексуальности неприветлив».

Согласно доктору Йетс, у детей необходимость в родительской половой конфиденциальности. Сексуальная дисфункция — вследствие неспособности родителей привить уверенность в способности к удовольствию. Жизнь родители ломают иногда до взросления. Знакомьтесь, читатели, с шестилетним Давыдкой. На своём примере понял: и самые «хорошие» родители травмируют. Успеваемость Давыда показывает, оправданна ли дилемма между личной жизнью и «формированием. . . навыков».

«Давыдка младше пятерых братьев. Семья крепка. Родители с образованием, но церкви не забывают. Детей

учат ответственности, терпению, прочему удобному родителям. Братья работают и в обществе почитаемы.

„Последнее благословение“ младше лет на десять. Внимания Давыду больше всех — ответственности меньше всех. При дефекации трёхлетним уже тёр и дёргал член. Мама заметила, поспешила застегнуть брючки.

Теперь, когда мальчик отправляется какать, мама Давыда занимает игрушкой. Оставляет одного ненадолго. Спустя год увидел одну собаку на другой. Бежит отца спросить. Папа зверей разгоняет. Пятилетний Давыдка знает о сексе только комментарии на Библию. Почему-то родители расстраиваются, когда входит не стучась. Хотя наибольшее, что видел, — это мама в белье.

Когда Давыдке шесть, его любимый брат убегает с иноверкой. По нему Давыдка скучает. Семья потрясена, папа зол. Давыдка подслушал: это „наихудшее, что могло произойти“.

Со школы семилетний Давыдка принёс анекдот о мальчике с мамой в ванной. Одноклассники гоготали — домашние мрачнеют. Мама говорит: анекдот очень плохой, рассказывать его нельзя. Незадолго до того Давыдка снова баловался членом. Втайне.

Теперь удовольствие прекратилось. Наверно, плохие мыс-

ли делают и Давыда плохим? Настолько, насколько плох убежавший брат. Себя Давыдка чувствует мерзавцем. Дичится, странно себя ведёт. Избегает обязанностей. Ручки забывает. Учителя жалуются. Успевавший, буквы-слоги путает, и чтение хромает. Корректировать невозможно. Родители паникуют и злятся.

Нашли психиатра. Три месяца терапии Давыдка пассивен, игры не занимают. Постоянно „пасочки“ на песке. Боится марать ручки, постоянно в ванную. На третий месяц улыбнулся. Берёт игрушки: куклы, краски, пластилин и пистолетики.

Теперь сеансы нравятся „очень“. Разговор, откуда берутся дети, Давыдка молча слушает. Внезапно вопрос: если дети „плохо делают“, они мрут? Никакими заверениями подробностей не добились: только носатого крокодильчика в ракушку тычет. Следующий сеанс он уже замкнут и недоверчив. Песок из „пасочки“ в „пасочку“ пересыпает.

Не говоря ни слова, приделываю кукольному „дупсу“ пластилиновый красный пенис. Давыд уставился. Безо всякого предупреждения подлетает и кулаком его сносит: „Я знаю, что это такое!“ Следующие недели то же самое. Я спросила: ему хочется сделать так и себе? Со слезами лавина слов. Пенис его „плохой, грязный, вонючий“! Потому, что Давыд играл им, осознавая, насколько

то плохо. „А если делаешь, то Боженька злой, выкинет из дома!“

Давыдовы родители потрясены. Сына никогда не карали, не настраивали против секса. К счастью, хватило мозгов успокоить ребёнка, что Давыдка не плохой и никто не выгонит. Папа торжественно разрешил онанировать. Поделится своим опытом и соответствующими страхами. Давыдка снова читает бегло. Ручки не забывает.

При недостатке положительной информации Давыд опыт вульгаризовал. Пристыженный, несчастный, полового чувства не признавал. Держался деятельности только приличной. Что невыносимо, чревато симптомами. При моральной поддержке, поощрении, разрешении на сексигру терапия бы не понадобилась».

Давыдку спасли, другие дети страдают. По взрослении нуждаются в секс-терапии. Которая разработана лишь в последние годы. За что спасибо Мастерсу и Джонсон. Не начётистая продолжительная терапия, но приучение взрослых к эротической игре детей. В которой «страха сцены» нет, а совесть притуплена поддержкой терапевта. «Везучие дети хитроумно справляются с теми же препятствиями. Если не худшими. В наименее подходящих местах: в кустах, сарае, „халабуде“» — и в компании педофила, можно добавить.

Если даже не впасть в отторжение близости, воспитание целомудрия скажется в извращённой враждебности [367]. К объекту влечения. Столлер её называет «перверсией». Примеры многие:

«Убийство, калеченье приправой к половому возбуждению, силование, бичевание, сажание на цепь, связывание, пачканье калом и „золотой дождь“ — это шкала злобы к объекту влечения, необходимой, чтобы руководить, вредить и торжествовать» [367, р. 56].

Для Столлера тут «испорченный телефон». Даже беспорядочная половая жизнь почас обусловлена враждебностью:

«Женоненавистничество Дон Жуана невольно. Соблазнение вместо любви да бахвальство перед его Лепорелло, сколько донн Анн обесчестил и покинул чахнуть.

Возбуждает его не постельный акт и не интимность — само по себе сношение малоинтересно. Скорее потребность преодолеть женское сопротивление. Легкодоступная Лаура, Эльвира не нужна. Следовательно, „перпетуум мобиле“ далеко не всегда свобододолюбивая личность, верная животной витальности» [367, р. 57].

Меня этот взгляд устраивает. Воскрешая позабытое ругательство «перверсия» не синонимичное «девиации», Столлер

уклоняется в морализаторство, свободу воли. Различая секс и горизонтально (по разнообразию), и вертикально (по «греховности») автор уместно замечает:

- общественная паника с мерами пресечения бывают уместны тогда и только тогда, когда половое самовыражение враждебно;
- враждебные перверсии не то же самое, что невраждебные сексаберрации (вроде моей педофилии).

Говорит автор:

«После Фрейда принято перверсией продолжать преждевременное половое растормаживание. Соглашаюсь, но с оговоркой: если только стимуляция чрезмерна, стыд избыточен, удовлетворение недостаточно. Тогда травмирующая неудовлетворённость. Разрешимая ритуалами перверсии. Если же возбуждённость ребёнка сильно вознаграждается, не портится совестью, развивается не перверсия. Но половая аберрация — пожизненная верность удовлетворению девиантному. Которое на потребности вредить не держится» [367, р. 7].

К ребёнку враждебным я себя не считаю. Зато удовлетворение ребёнка бесстыдного страхует от агрессии. Понятно, что люди вырастают обзлётными без удовлетворения.

Не думайте, будто чужие перверсии хаю — себя выгораживаю. Такое не редкость: неприметные геи стыдятся королев, а гетеросексуальные травести хулят гомосексуалов. Все притом опасаются педофильей славы, понося детолюбцев.

Сексменьшинства, угождая большинству, шавками подвывают анафеме на извращенцев. Сложно воздержаться также педофилам. Поскольку мои знакомые невраждебны, хочется присоединиться к травле садистов. Ведь они меньшинство наименьшее, к объекту влечения враждебны. Способны на расправы.

Конечно, насилие, принуждение предосудительны. Но желающие гнести либо ранить при сексе бывают и высоконравственными. Нельзя человека винить за то, что не может изменить. Осуждать можно не наклонности, но поступки. Никто не вправе порицать садомазохистов, удовлетворяемых обоюднoдoбровoльнo. Я не воспеваю, допускаю такое.

Но вернёмся к вопросу губительности полового воздержания в детстве. Невропатологу Прескотту кажется, будто прививкою против агрессивности по взрослении служит удовлетворение до школьного возраста [311]. Степень агрессивности 49 народов и некоторые переменные физической близости (степень обласкания детей, степень игривости с детьми, степень дозволенности до-, внебрачного секса, проч.) коррелируют.

Измерение переменных агрессивности-близости, конечно, критиковать не грех. Однако факт: антропологи шкалы Прескот-

та ввели независимо [377]. Получается, чем общество выше по физблизости с детьми, тем оно меньше насильничает. Агрессивность предвидена у взрослого населения 36 народов — это 73%.

Были, всё ж, исключения: в шести народах и к детям оставались ласковы, и насильничать не забывали. Однако пятеро таких обществ озабочено девственностью до брака. С другой стороны, в семи обществах обласканы дети мало, взрослые зверствуют мало. Зато детям эротическое поведение разрешено. Т. о., очередной довод на пользу педофилов.

Прескоттовы результаты поддерживают идею сексуальности-жестокости как одной медали. Учёный держится лабораторных опытов:

«Свирепого зверька можно сделать спокойным, если стимулировать электродами мозговые центры удовольствия. Стимулируя же центр агрессивности, можно прервать не только мирное поведение, но также чувственное наслаждение».

Опосредованная, перцептивная стимуляция даёт, однако, результаты противоположные. Половое возбуждение сопровождается возбуждением ярости. Обратное справедливо. Предложены биологизаторские теории. Что в лимбической системе структуры полового поведения со структурами поведения агрессивного близки, способны перекрываться, даже совпадать [117,

р. 249]. Или что содержание тестостерона самца человека со склонностью к насилию связано [350].

В Йельском университете Баркли осуществлена серия опытов [12]. Разозлили студентов унижениями, дали сочинить истории, сравнили с контрольными. Обиды вдохновили фантазии не просто злобные, но также сексуальные!

Разумеется, здоровые плоды научной работы покрыла нравоучительная плесень. Дай только волю в спальнях, и начнутся грабежи, насилования, членовредительство, убийства. Поэтому долой свободу! Марш по монастырям!

Если ж успокоиться, слетать на Тробриан или другую Прескоттову страну, знакомство с добротой сексуальноозабоченных народов отрезвит. Но связь агрессия-секс объяснения требует. Думаю, надо рассмотреть такие соображения.

Прежде всего, науке вторит и здравый смысл. На танцплощадке легко доделиться до драки. Многие животные брачные ритуалы сопровождают угрозой, поединками. Чтоб увеличить шансы на размножение. Люди не исключение.

Во-вторых, указанная связь обогащает и теорию Столлера. Недостаток удовлетворения в детстве компенсируется насилием. (И даже небольшая доля перверсных испытуемых у Баркли могла корреляцию повысить.)

В-третьих, «агрессивностью» надо называть осторожно. Рассказы Баркли не всегда враждебны. Если Блок пишет:

«Рукавом моих метелей
Задушу.
Серебром моих веселий
Оглушу»,

он отнюдь не собирается душиить или глушить объект его влечения. Здесь агрессия лишь выражение страсти, не враждебности.

Приписывать развратному социуму вороватость, эгоизм и зверства безосновательно. Думают, якобы в обществе человеку приходится вести себя, как в лаборатории. Думают ещё, будто судьба predeterminedена законами биологии. Однако жизнь опыта сложнее. ДНК не Мойрова нить. В отличие от дикого животного человек управляется сознанием — итогом историко-культурного развития социума, интериоризированного в детстве.

Именно в детстве человеку шанс освоить правильное самообладание. Не набросился на понравившуюся цацку — не набросится на понравившуюся женщину. Приучен, якобы половая жизнь хороша, — к объекту влечения будет относиться хорошо.

Традиционалисты признают общественную детерминированность поведения, но не последовательно. Всё равно сетуют именно на врождённую («первородную») греховность: человеку свойственно быть эгоистичным и порочным. Природе война — человеку наказание. Желательно с пелён. Иначе высшие ценности

проигнорирует. Поэтому насилие над ребёнком — это здорово.

Только традиционалисты проверять свои выводы не торопятся. Боятся задуматься, почему в обществах, где культура задавила секс, убийств, изнасилований, прочей антикультуры хватает. Нелишняя статистика деяний объективно противоправных [116, pp. 177–191]. Исследование 186 невменяемых бесчинников открыло, что 3% оправдали, 97% осудили: 16% за половые преступления, 11% за поджоги, 26% за убийство, 28% за покушение на убийство или нанесение телесных повреждений, 16% за прочие нарушения насильственного или имущественного характера.

Традиционалисты тут обрадуются, скажут: до какого безумия довело бескультурье да бездуховность. И ошибутся. Невменяемость бесчинников ещё не значит, якобы нельзя вменить им культурные ценности. Наоборот, ошибки не будет, если вменить чересчур:

«В сравнении с контрольной группой испытуемые сексуально воздержаннее. Трудновозбудимы, думают о сексе не каждодневно, сексмыслей сознательно бегут; охваченные сильными сексуальными переживаниями, выразить неспособны; говорят, якобы трудновозбудимы, якобы секс исключительно для размножения, якобы не для удовольствия, якобы не важен; мысли пойти „налево“ не возбуждают; от секса воздержаться и заниматься сексом

равно легко.

Что можно — что нельзя, чётко различается, совокупляющиеся животные гадки, не согласятся на: групповой секс, агрессивную сексуально женщину, свинг. Секс исключительно в постели, в темноте, царпанье-покусывание не признают, матерной лексики не переносят. Вообще, многообразии полового поведения не терпят.

Половые традиционалисты: девичья невинность ценна, нагота неинтересна, ребёнку знакомиться с сексом не дадут, вуайерствовать не станут, порнографии противятся, в цензуру верят, двойной морали не поддерживают, сексуальность обществу противопоставляют, сексигры детей признают ущербляющими, мужчина должен оставаться главным» [116, pp. 179–180]!

Торжествуя над педоборцами, замечу, что глава касается не только педофилов. Она манифест обществу, под которым уместна подпись любого умного человека любой сексориентации.

Глава 6

Законодательство с ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ

Предыдущими главами показано, что теория «полового индифферентизма детей — их невинности» — признана, но ложна. Восстановление правды будет иметь последствия далекоидущие. Непростительно сомневаться, что дети, желающие секса, существуют. Притом имеются взрослые, которые ребёнка по настоящему любят. Ребёнка половой близостью способны радовать.

Также на себе продемонстрировано: запугивание влюблённого помеха всему, кроме злодейства. Кому же стыд, угроза не помешали любить во благо, тому помешало разоблачение. Которое ребёнка травмирует.

В отравлении личной жизни запретами, внутриличностны-

ми конфликтами, допросами винить следует общество. Но ругать общество мало. Важно что-то предложить. Предлагаются же скорые бескровные шаги, которые Великобритании (при поправках и другому западному государству) по силам. И дадут успех.

Вот уже четыре года Биржа педофильной информации (PIE) пытается рекомендовать аброгацию возраста согласия для Комиссии пересмотра уголовного законодательства при МВД Великобритании. PIE'шные предложения пресса замалчивала. Несмотря на реакцию министра.

Предвариться лучше проектами консервативными. Т. е., чтоб и детей от издержек уголовного права защитить, и педофила репрессировать.

В 1955 году Израильское государство приняло закон о подмене полицейского допроса ребёнка социальной работой. О формировании социальной службы по допросу ребёнка. С органами правопорядка не связанной. Необходимо ли преследование педофила, решается соцработником. Дело, которое (соцслужбе кажется) ребёнку в ущербление, соцработник останавливает.

Соцработник опрашивает у себя дома, в кабинете, но не полицейском участке. Чтобы комфортно было родителям и ребёнку. На первом опросе следует успокоить и войти в доверие. Установить обстоятельства секса. Оценить его на ребёнка влияние. Потом уже становится видно, насколько ребёнок от участия при суде пострадает.

Судья из Тель-Авива сообщает [323], якобы за два года после принятия закона давали показания на суде только 10% детей 0 – 10 лет и 35% детей 10 – 14 лет. Если дитя на суде выступает, оно пользуется моральной поддержкою соцработника. Если нет, соцработнику разрешено свидетельствовать от лица ребёнка самому. Предоставляя допросные протоколы. Вообще любые свои записи. Суду возможности призвать соцработника допросить ребёнка заново. Соцработнику возможность отказаться. Если чувствует, это ребёнка травмирует.

Вообще, показания на чужих словах основываться не должны. Даже ради ребёнка. «Вкратце проект ущемляет элементарные права подсудимого. Право глянуть обвинителю в лицо. Право перекрёстного допроса. Право на соблюдение ‘hearsay rule’. Право на равенство перед законом. Подсудные по статьям иным обладают правами большими. Израильское правосудие противоправно», — сказано в американском отчёте де Франси [91]. Сам отчёт явно педоистеричный, однако признаёт: от уголовного следствия-процесса ребёнка защищать надо.

В США применён опыт общественных организаций à la New York SPCC. План израильский. Вместо полиции ребёнка допрашивает общественная организация. Санкционированная прокурором и полицией, она получает изначальное дело и расследует. Так «полученную при расследовании психическую травму ребёнку можно смягчить, учитывая потребности ребёнка».

Сотрудник общественной организации «и родителей, и ре-

бёнка к участию на суде подготавливает». Что подразумевает агитацию на репрессию педофилу. Выставляемую гражданским долгом. Выгодным.

Помощь бывает и дельная. На суде сотрудник общественной организации — *amicus curiae*, семью ребёнка представляющий. Может оппонировать неоправданному перерыву, требовать удаления толпы, добиваться педофилова признания. При котором и суда не надо — ребёнка «спасают от испытания судом».

Эти проекты — лишь усовершенствование правосудия британского. Претендуют удовлетворить потребности ребёнка. Но в ущерб его пожеланиям.

(«Защита ребёнка» подобна защите женщины. В индустриальные времена женщин использовали при труде тяжёлом и вредном. Однако благонамеренные женозащитники закрепили клеймо «слабого пола». Отказывая женскому капризу служить крановщиком, очень легко лишить её шанса на должность руководящую. Такая «защита» противна свободе.

Для детей аналогично. Не говорю, что законы против удержания малолетнего трубочиста худощавым, — это плохо. Плохо когда ради «защиты» ребёнку не позволено разносить газеты, работать в АЗС. Так упреждать «эксплуатацию» значит удерживать детей экономически зависимыми. Проявлять лицемерие.)

Вышеописанные программы «защищают» и вопреки желанию «подзащитного». Которого судьба решается посторонними.

Работниками соцслужб-SPCC. В их обязанности входит убеждать родителей и ребёнка «в необходимости защитить общество карая правонарушителя». А вдруг убедить не получается? Если дитя в правонарушителя влюблено? И знает: его надо защитить от общества, не наоборот? Если (часто) родители суда не хотят?

Пунктик: «Я знаю, как надо», боронит SPCC'вцев от их совести. На суде вымогают у педофила признание с угрозами, что ребёнка перекрёстно допросят. Брать ребёнка в заложники не только профессиональной, а вообще любой этике противно. Мало того, что подсудимому хуже всех. Мне знакомы несколько, кто мог избежать наказания, но признались, лишь бы ребёнка поберегли. Одному дали пожизненное! Где видано, чтобы мужество, благородство человека применяли, чтоб его засудить?

Хочется верить, проекты PИE воплощают израильско-SPCC'кие наилучшие цели без их же недостатков. Предлагаем: уголовное право только когда необходимо; сократить участие правоохранительных органов, уголовного суда; внедрять социальные службы; позволить влиять на дело ребёнку; предупредить угрозы педофилу подвергнуть ребёнка перекрёстному допросу.

Всё перечисленное кажется слишком. Но центральное требование, чтоб отменили возраст согласия, всерьёз едва ли рассмотрим. Всё же Голландия рассмотрела всерьёз. Не только радикалы. Нидерландским адвокатским орденом отстаивалось

для госкомиссии детозащиты (комиссии Мелай), что законодворцы не должны смотреть сквозь призму возраста. Правда, оппонируя доподростковому коитусу. Протестантскому союзу детозащиты тоже противен оговоренный возраст. Преследование хочет ограничить для случаев явного нежелания со стороны ребёнка. Римскокатолическому молодёжному совету кажется, что после 12 преследование взрослого любовника только по желанию ребёнка.

Защите ребёнка предложения не противны. Как и приложение нами к ребёнку понятия согласия. Об этом ещё будет идти речь. Тут уместно сказать, что РІЕ'шники тоже понимают: между преддошкольниковою охотой поиграть гениталиями да смирением отроковицы сексу по нежеланию разочаровывать есть огромная ничейная земля. Да, ребёнка можно принудить, как и взрослого. К тому же Старшему ребёнок отказать якобы не способен.

На многое можно возразить. Но прислушаться стоит. РІЕ не борется за *carte blanche* взрослому на ребёнка. Половую связь ребёнка со взрослым оправдываем единственно тогда, когда согласие ребёнка несомненно. Проблему же полусогласия предложено решать не топорным уголовным правом, увечающим и педофилов, и детей одинаково. Но правом гражданским. Следует оценивать, насколько половое желание ребёнка выявимо. С этим и запреты соотносить.

Изложение РІЕ'шного законопроекта лучше предварить его

предпосылками. Вкратце, мы согласны с Обществом реформирования полового законодательства. Государство свободу должно защищать. Свободу на половую практику по вольному выбору с кем угодно для каждого.

Отличия позиции РІЕ возможны для предотвращения любовникам ущерба, страдания, стороне третьей — обиды. Также для предотвращения склонения к сексу запугиванием, опьянением и пр.

Ещё мы противимся демонстрации половой деятельности потенциальному недовольнику.

Кроме того, РІЕ признаются случаи, когда выявимость согласия ребёнка на секс ограничена. Такое бывает у совершеннолетних умственно неполноценных. Надо предусмотреть возможности такое пресекать. (Лично мне кажется, неполноценные вправе предаваться сексу с дееспособными наравне. Их ограждение в ограничение переходить не должно.)

Совмещая те соображения с отменой возраста согласия, следует уголовное законодательство сохранить только для секса противу согласия. Также для нарушения противопедофильного постановления гражданского суда. Который оценивает, истинно ли ребёнок озвучить взрослому своё (не)согласие умеет. Законодательство получается новое, внеуголовное.

Итак, цитирую законопроект [114]:

«Предлагаемая нами правовая система внеуголовна. На-

сколько дети разного возраста к изъявлению согласия на развратные действия способны, следует учитывать. Хотя ребёнку любого возраста конкретное действие кажется приятным или неприятным, однако способность это сообщить — т. е., сообщить о согласии — неодинакова.

Предлагаются возрастные категории с условиями применения постановлений Children's Acts различными. В первую категорию включаются дети 0 – 3 лет. До четырёхлетнего возраста подавляющее большинство детей общается вербально. В одинаковой степени. Закону следует объявить: до четырёхлетия ребёнок изъяснить (не)согласие не способен. Развратные действия для такого ребёнка совершается при степени добровольности неизвестной. Поэтому необходимость уголовного права сомнительна. После подачи жалобы на такое происшествие муниципалитету дело передавать официальным исполнителям Children's Acts. На суде постановляется запрещение взрослому видаться с ребёнком. В случае, когда подобное невозможно (напр., если речь о законном его представителе), ребёнка передать на воспитание местной власти. При нарушении запрета штрафы либо лишение свободы.

Закону следует учесть: и по достижении четырёхлетия некоторые не могут изъясняться. С другой стороны, со-

ответственно правовым обычаям, уголовноответственными признают уже десятилетних. Следовательно, с указанного возраста ребёнок изъяснить своё намерение может. Также (не)согласие на секс. Поэтому сомнения при (не)согласии ребёнка на секс оправданны только когда ребёнку 4 – 9 лет.

Беспокоящиеся про ребёнка указанного возрастного промежутка к умению высказываться должны быть внимательны.

Разрывать половую связь у взрослого с ребёнком 4 – 9 лет запрещается. Разрешается только когда жалуется законный его представитель; жалуется посторонний, у которого причины сомневаться, что дитя секса желает; что ребёнку нет ущерба либо страдания; что нет опьянения, принуждения. . .

Получая жалобу на внеуголовные деяния, при которых отсутствие способности сказать о согласии доказуемо, дальнейшее поддержание половой связи запрещается.

(Не)Согласие ребёнка 10 – 17 лет объявимо. Если только ребёнок умственно полноценный. Ограничения на взаимножелательные и безвредные виды половой деятельности свести к минимуму. Оговорку закона Children & Young Persons Act об „угрозе морали“ применять осто-

рожно. Более строгая дефиниция, что считать „моралью“, а что считать „угрозой“, призвана не допустить ущерб от объявления безвредных отношений по желанию ребёнка вне закона. . .

Чистое вовлечение ребёнка начиная с четырёхлетнего возраста в половую связь по желанию ребёнка для применения мер Children & Young Persons Act недостаточно. Будет ли половая связь гетеро- или гомосексуальна, с ребёнком или взрослым — это роли не играет.

Мы против того, чтоб исполнители Children's Acts обрывали половую связь ребёнка со сверстником. Потому предлагаем определённые категории по степени сверстности. Сверстниками считать детей 0 – 9 лет, детей 7 – 13 лет, детей 10 – 17 лет. Иначе говоря, 8-летнему, к примеру, позволяется половая деятельность при участии детей 0 – 13 лет. Только связи с кем-то вне сверстной категории пресекаемы.

Также мы за то, чтобы половая жизнь у взрослого недееспособного лица учитывалась указанными выше мерами для детей 4 – 9 лет. Чтобы случай отдельно рассматривался каждый. Законному представителю возможности жаловаться муниципалитету ради пресечения.

За пресечение половых связей исполнителями Children's

Acts ответственны местные власти. Возложение судебных издержек на законных представителей сдержит их от искания запрета половой жизни ребёнка. Необходим орган, инспектирующий, истинно ли законные представители следуют интересам опекаемого.

Бремя ведения процесса возложено на местную власть. Жалобу законного представителя следует отправлять исполнителю Children's Acts незамедлительно».

Полностью предложения кажутся сложными. Шесть категорий и шесть гипотез? Чего не десять? Граница 16-летия драконтова, зато понятна. Что с огнём играет, любовнику 15-летней ясно. Почему вместо возраста согласия не должно быть что-то равно простое?

Хочется верить, однако, законопроект уже достаточно прост. Если прямо подходить к этому вопросу, требовать помимо безвредности-согласия какой-то возраст — это чересчур усложнять. Знать об ответственности за причинение ребёнку вреда либо принуждения гражданину достаточно. Достаточно, чтобы коитуса малышу не было.

Одним «официальным исполнителям Children's Acts» остаётся забивать голову. Это муниципальные службы (исполняющие) да суды (постановляющие) по делам детей. Подобно тому, как исполнительные власти решают, истинно ли ребёнку лучше быть с родителями, могут они же решать, есть ли повод

оборвать его половую связь с педофилом. Суд их инициативу может отвергнуть или поддержать. Важно подчеркнуть: процесс осуществляется гражданский. Не уголовный. Что равно в компетенции магистратского суда. Судьи в него входят одни мировые. Не будет обвиняемых и виновных. Просто решается, сохранить отношения либо нет.

Но каким образом? На что будут они ссылаться? Какие принципы примут? Пояснить необходимо. Хотя бы потому, что нам уже вменили непоследовательность.

- Мы противимся перекрёстному допросу, но магистратскому суду ребёнка допрашивать попускаем. Чтобы суду было понятно, заслуживают отношения пресечения либо нет, их ещё следует установить. Если педофил отпирается, ребёнку перекрёстного допроса не избежать.

Неправда. Аргументация внеуголовного процесса не судебная, но совещательная. Вгрызаться зубами в историческую правду не придётся. Свидетельства ребёнка по-израильски достаточно. Всего-то спросить ребёнка, хочет он и дальше таких отношений или нет. Не хочется ли ребёнку половую либо всякую связь расторгнуть. Не более того. Если ребёнок ответить опасается либо сомневается, будет основание судебному запрету.

Соцработнику можно спросить об этом ещё до суда. Во спокойной обстановке. Подробности секса выспрашивать не на-

до. Хотя ребёнку возможности жаловаться на деяние непоравившееся. Тогда процесс уместен уголовный.

Кого-то возможность избавиться от взрослого пугает. Но почему ребёнок обязан общаться с теми, кто не нравится? Разве не должно ребёнку быть оставлену в покое? Это было бы прогрессом на пути прав ребёнка. Едва ли власти пустятся бороться за жалобу ребёнка надуманную.

Пояснить лучше примером. Отец услышал, якобы сосед его сына педицировал. Сыну 12. Отцу хочется, чтобы суд запретил. Считают, анальный секс — излишество. Если ребёнка заставили такое пережить, уголовное дело заведут. Однако ребёнок отрицает, что его заставили. Упрямо твердит, якобы хочет ещё. Поэтому для запрета суду повода нет.

Не стоит опасаться, что такой исход окажется вероятным¹. Даже принятие законопроекта РІЕ не помеха соцработнику всеми правдами-неправдами внушать ребёнку сомнение. Сознательности можно ждать от юношей.

До 13 лет едва ли многие будут отчаянно сопротивляться запрету. Зато ребёнку допросы не грозят. И со взрослым, если даже срок отбыл, увидеться не дадут. Это лучше законодательства современного.

¹Родителю законная возможность общения сына с его соседом недопустить. Автору законопроекта видится «противоречие меж точечным улучшением и революционной перестройкой», про которую следующая глава.

- Ещё мы противимся возрасту согласия, но до четырёхлетия секса не допускаем. Газеты подумали последнее. Не понимая, что речь отнюдь не о возрасте согласия. Речь о возрасте сообщимости согласия.

«Хотя ребёнку любого возраста конкретное половое действие кажется приятным или неприятным, однако способность это сообщить — т. е., сообщить о согласии — неодинакова».

Даже младенцу междуножное щекотание порою нравится. Но суду, в отличие от этого младенца, знать невозможно. Вербальные навыки, способности выражать мысли, словарный запас ещё недостаточны. Насколько младенцу хочется, чтоб это делали дальше, ребёнок ответить не может. Поэтому до четырёхлетия запрещение выносят автоматически.

Это возраст согласия? Не совсем. Если видно (в т. ч. полицейскому), что дитяти нравится, незачем и жаловаться.

Скажут, отменили давно статью про недоносительство — РИЕ-законопроект излишний. Вовсе нет. Недоносительство было на преступление уголовное. Здесь уголовность деяния недоказуема. До подачи жалобы, притом обоснованной, деяние даже не противоправно. Гражданскоправовые запрещения не обладают обратной силой.

Правда, камень преткновения не степень разговорчивости.

Даже говорливое дитя (последствия) секса «не понимает».

Чего же говорить о бессловесном? Даже когда годовалое дитя булькает и визжит от удовольствия при щекотании междуножья, знать, что щекотание приятно, до первого раза не способно. Первое согласие не просто неозвучиваемо, вообще невозможно. Нельзя сделать что-то, прося разрешение задним числом.

Своя логика тут есть. Нету лишь учёта конкретных обстоятельств. Щекотатель может оказаться родителем. Которому без интима с грудничком обойтись нельзя. Ребёнка приходится купать, переодевать, выкармливать и т. д. Бояться притронуться к месту на теле — маразм. Антисексуальных установок общества младенец усвоить ещё не успел. Поэтому несогласен ещё быть не может. Наоборот, опытно доказано: щадящие ласки младенцу нравятся.

Природа согласия разбирается не здесь. Пока просто разъясняю законопроект.

Некоторые говорят, якобы произвольному возрасту согласия мы противопоставляем ещё более произвольные несколько. Разве четырёхлетние поголовно риторы? Разве трёх- и пятилетние сильно разнятся? Разумно ли вообще говорить о возрасте календарном? Вот опирались на уголовную ответственность с десяти лет. Но что делать, если возраст уголовной ответствен-

ности повысят? Какие выбрать возрастные категории? Как обосновывать?

Прежде всего, действующие законы по возрасту согласия запрещающие, деспотические. Законопроекты РІЕ направлены на освобождение.

Во-вторых, и нынешнее законодательство непросто. Мужчине с девочками можно после 16-ти, с мальчиками — после 21-го. Но после какого возраста ребёнку можно по бабам? Не сказано. Даже те половинчатые нормы внятыми посылками не подкреплены. Депутатские рассуждения затрагивали половую зрелость, а не согласие [268].

В-третьих, и главное, надо не забывать, что дети развиваются. Годовалый и 15-летний — это для современного законодательства люди одинаковые². Для РІЕ — нет. Чем участливее законодательство к возрастным отличиям, тем удобнее детям.

Закону вообще лучше задуматься насчёт уровня развития ребёнка вместо календарного возраста. Отдельные ребята могут оказаться ненормально (недо)развитыми по способностям отказываться-поддакивать. РІЕ-законопроект ещё лучше ситуацию предусматривает. Учётом обширного возрастного промежутка (4 – 9 лет), когда дитя дитю рознь. Иными словами, главное (насколько выявимо) согласие. Но не возраст.

Что совсем уже непонятно, так оговорка Children & Young

²Правда с малолетней наказуемее, нежели с несовершеннолетней (пожизненное противу двух лет).

Persons Act насчёт «угрозы морали». Якобы местные власти вправе ребёнка забрать. Если полиция либо National SPCC выявит «угрозу морали». Закон о «морали» судье можно выкрутить антисексуально. По сути «мораль» сексу антоним. Более строгая дефиниция «морали» личную жизнь ребёнка декриминализует.

Таковы законопроекты P1E. Многие правоведы равнодушными не остались. Но некоторые, вроде Ричарда Саусвела³, сомневаются. Чтобы суду вынести постановление, секс ещё надо доказать. По нашему разумению, доказывать необязательно. Но чья-то репутация пострадает. Однако всё равно репутация защитима перекрёстным допросом. Хотя допрашивать не ребёнка, но дитянина представителя.

Куда важнее критика другая. Предполагается, что соглашаться на мастурбирование, даже на кейру, дитяти безопасно. Зато мало чего безобидного в коитусе.

Некому при здравом уме признать согласие четырёхлетки на проникновение. Что спереди, что сзади. Процедура мучительна, разрушительна для тела, для психики. До первого раза дитя не будет этого знать. Что первое согласие на проникновение ненастоящее, признаю.

Противники детского согласия боятся, видимо, коитуса. Но в обществе, в котором из эроса не делается кровавой тайны,

³Которому законопроект я показал, когда Саусвела привлекли на комиссию по моему сокращению с Открытого университета.

где коитус у детей друг с другом ещё с пелён — обыкновение, согласие ребёнка нестрашно. В этом обществе законопроекту РІЕ не помешали бы. (Если вовсе какой нужен.) Не говорили бы, дескать, ребята «не ведают, что творят». Поскольку шестилетнему, пустившему в себя восьмилетнего, своё внутреннее (не)приятие коитуса со взрослым уже будет ясно.

Мы в столь идеальном обществе не живём. Единственные пути к нему — смена точки зрения на ребёнка, совершенствование полового воспитания, сексэмансипация ребёнка, принятие законопроекта РІЕ. Программа радикальна. Как и всякое переустройство мира. Но пока того не произошло, страх оправдан. Надо сразу сказать: проникновение мужчины в малыша проекты РІЕ не защищают. Верю, что практически достаточно будет уголовной ответственности за причинение ребёнку вреда либо страдания. Правда, охранительная функция РІЕ-законопроекта слаба. Санкция нами предусмотрена для того, кто навредил, а не навредить рискует. Оценка вредоносности сексуального действия до такого действия невозможна. Не направляемый внятыми критериями педофил искушается самообманом, якобы «не так страшен чёрт».

Может, уместно ввести возраст согласия на проникновение? Я поддерживаю⁴. Правда, в ущерб генеральной линии партии, которой посвятил уже четыре года. Какой это будет возраст?

⁴Проникновение можно считать и не только лишь коитус, а и введение пальцев, иных предметов. Сюда, разумеется, медобследование не относится. Также оральный секс.

Сколько должно быть человеку, чтобы проникновение показалось ему физиологически приятным? (Эмоционально-когнитивные критерии неуместны.)

Есть страны, где проникновение в ребёнка разрешается с восьми лет. Будь обычай опасен, он удержался бы ненадолго⁵. Хотя, скорее всего, без удовольствия ребёнку. Меньше всего хочу догматизма. Возможно, возраст интромиссии не то же самое, что возраст анального секса. Но по степени моей медицинской осведомлённости, неформальности заявления, возможности неравного развития сверстников я допускаю коитус только с 12 лет.

95% случаев педофильного секса по желанию ребёнка — без

⁵ Лепча думают, якобы девочке полезно. Пока девственница, менструации не начнутся, груди не вырастут. Помолвляемы с восьми (на четыре года раньше мальчиков), однако «между помолвкой и свадьбой беспорядочная половая жизнь бьёт ключом» [167, р. 317], а дефлорирует — мужчина. «Если не дефлорирована мужем, ищет она внеродственного мужчину, даже пришлого. Лепчанке позволяет мужем обсуждать это с мужчинами, всякая 8–18-летняя разговоры с нею расценивает оболещением, и противиться не желает» [167, р. 327]

По-видимому, восьмилетки прекрасно понимают, что такое секс. И не считают его страшным. Ибо в обществе говорят о нём открыто: может о коитусе выспросить у старших, и вреда не усматривает.

Осторожность всё же требуется. До пубертата стенки влагалища тонки, гладки, неэластичны, поэтому легко повреждаются. Когда созревание, то сморщиваются гармошкой, членом уже растяжимы не разрываясь [60]. Причины гуморальные: неспроста прекращение секреции климактеричным и кастраткам эластичности лишает и проникновение болезненно.

Печально, что дефлорация болезненна в любом возрасте, заставляя секса бояться, «защищать» от него детей. Некоторые страны плеву младенцу хирургически, что болезненно — зато предупреждается сексофобия [179]. Полезно было бы, как обрезание мальчикам, чтобы девочкам не чувствовать себя порченными.

проникновения (с. 49). Следовательно, противиться возрасту согласия на коитус едва ли станут. Думается, педофилы поймут.

От коитуса нужно защищать и взрослых. Женщинам угрожает опухоль шейки матки. Девственность от этого спасает отнюдь не 100%-но (каждая 251-я больная девственна) [366], хоть интродекция в юности наряду с иными причинами канцерогенна⁶. Повышение возраста согласия не выход, ибо каждый пятый (21%) ребёнок возраста согласия не дожидается⁷. Хотя все притворяются, словно подросткового секса не существует (уроки полового просвещения подробно преподают анатомию, генетику, но не как избежать беременности, заражения, рака),

⁶Под юностью понимается близость к нашему возрасту согласия. Смертность от опухоли шейки матки — почти вся с 25 лет. Где-то 90% смертей — уже после 40. Но газетчики недавно пугнули, что «Девочки гибнут до 20: Дотрахались до рака». Якобы «слишком понадеялись на противозачаточные таблетки» девушки до 20-летия, смертность среди которых «удвоена за пять лет».

Сведения газетчики почерпнули с информации, напечатанной в «Ланцете» (13 мая 1978 года), где смертность до 20-летнего возраста возросла с пяти смертей в 1970 году до девяти в 1976 году. Между пятью да девятью смертями разница невелика. Притом и возрастание немонотонно. Служба переписи населения выявила: в 1977 году младше 25 погибло двое. Это столько же, сколько было в 1967 и 1957 годах. Следовательно, после пятилетнего удвоения смертность от опухоли шейки матки за год уменьшилась вчетверо!

Переговоривши с доктором Робертом Юлем, на которого газетчики ссылаются, выяснил: от опухоли шейки матки можно заслониться презервативом. Поэтому детям запрещать секс необходимости нет.

⁷Английская статистика — [119], американская — с исследования конгресса США, по котором отчитываются в «Ньюсуике» за 7 мая 1979 года: среди 13–14-летних имело коитус уже 20%, хотя по штатам возраст согласия не ниже британского.

со взрослыми проблемами несовершеннолетние сталкиваются. Не зная выхода. Который есть. Та ж опухоль шейки матки на ранних стадиях излечима. Притом и раннее лечение щадящее.

Не глупо разве прятаться головой в песок? Никакому венерологу не додуматься рекомендовать для профилактики половое воздержание. Зато подростку рекомендуют. К тому же венерические болезни считаются низостью, замалчиваются, поэтому впечатление, что их не бывает. Как не бывает и подросткового секса. Больному подростку находить помощь стыдно. Положение усугубляется.

Вместо криминализации половой жизни куда лучше подростку предоставить равные со взрослыми блага здравоохранения. Почему бы не проверять по школам состояние здоровья также репродуктивного? Конфиденциальные мазки с шейки матки для девочек обойдутся недорого (расходов — на четверть больше). Приучат обследоваться регулярно — даже те классы, которые обследуются редко.

Интроитуса будто бы вреднее педикация, что неправда.

Согласно Вулфенденову комитету, «от анального секса, тем более с участием юношей, вред якобы повышенный. Нам это выдвигали в оправдание тяжелейшего наказания за мужеложство. Но наши данные свидетельствуют: от анального секса физический ущерб очень редок» [413,

р. 32, ¶85]⁸.

Наверно, половая жизнь опаснее всего беременностью. Но педофилы не виноваты. Если кому нравятся девочки, то возраста неплодовитого. А когда понесёт отроковица, скорее всего постарался ровесник. На которого при всём ущербе беременной уголовного дела не заведут. Хотя любопытно, что недавно женщина взыскала с 12-летнего алименты. Должен он оплачивать карманными деньгами либо приступить к оплате совершеннолетним — этого не знаю. Однако, видно, что ребёнок и соглашаться не может, и за согласие несёт ответственность. Где логика?

Боятся, словно раскрепощение ребёнка даст отроческий baby-boom. И правильно боятся, коли хитрости контрацепции намерены скрывать. Спасение — смена взглядов⁹. Школы должны преподавать, обеспечивать контрацепцию. Средства которой обязаны быть бесплатны либо разрешены к обретению для детей. Доброе начало положено в Донкастере Робертом Стакером. Он открыл клинику планирования семьи для подростков.

⁸Разумеется, неприятные моменты, небольшие повреждения бывают. И взрослому проникновение неприятно. Хотя с опытом учатся контролировать определённые мышцы, сфинктеры становятся шире. Ощущения далее только приятные: проверено гееми. См. тж. [306, ¶61].

⁹На которую могу надеяться во связи с изданными накануне моей книги рекомендациями Британского нацсовета одинокого материнства [281], чтобы школьникам о контрацепции «точные, подробные разъяснения».

Даже 12-летняя свою противозачаточную таблетку там получит¹⁰.

Говорят, ещё педофилия грозит эксплуатацией. Этому вопросу посвящена целая глава. Но тут уместно заметить: законопроекты P1E легализацию с эксплуатацией не путают. Кейт Хоуз, отец этого законопроекта, вдохновился гей-левачеством и феминизмом, эксплуатации не терпящими.

По Хоузу, первейшая задача законопроекта — предоставление ребёнку голоса. Намерены свободить не педофила, но прежде всего ребёнка. Экономически, социально слабого. Судьбу отношений решающего. Вместо властей, истца, полиции. Вместо педофила. И вместо родителей. Которые на стороне ребёнка обычно, но не всегда. Законопроекты P1E рук эксплуататору не развязывают. По-прежнему принуждение ребёнка надо считать уголовнонаказуемым. Зато ребёнку возможностей больше.

Тело ребёнка станет имуществом ребёнка. Не властей и не родителей. Никому не нужная «половая неприкосновенность» останется в прошлом. Вместо неё придёт осознание, что ребёнок имеет права. Также право на личную жизнь. Обоснованию чего

¹⁰Чтобы сохранять беременность у 12-летней, я против. Страданий от аборта куда меньше, чем от материнства. Абортировать отроковицу нужно добровольно, бесплатно. Некоторые боятся свободы подросткам из-за риска (прерывания) беременности, но в мои предложения мне верится. Подростки вообще малоплодовиты, плюс аборты конфиденциальные, во время раннего срока нынешние показатели беременности значительно сократят. За сексборческую нравственность общества расплачиваются несовершеннолетние мамы. Растерянные, совестливые, напуганные, несведущие. Растущая тревога, грязные роды, младенец в мусоропроводе — последствия недоступности контрацепции.

МЫ ПОСВЯЩАЕМ ГЛАВУ.

Глава 7

Теория прав ребёнка

В основе законопроекта РІЕ признание голоса ребёнка по вопросам, имеющим отношение к его телу. Субъективное право на половую жизнь.

Идея, что ребёнку положены права, новая. Доныне правами ребёнка прикрывается не ребёнок. А взрослые представители.

Потому де, что дитя не руководствуется разумом, опытом. Последствия своего решения не сознаёт. Интересы свои ребёнок обеспечит едва ли лучше представителей. Поэтому глупо, не в детских интересах оставаться свободным, иметь права.

Такая риторика противится детской самостоятельности, чтобы ребёнка представляли родителями с государством.

Подобное понимание традиционалистско, западно, патерналистско. Явственно декларировано Генассамблеей ООН в 1959 году с подачи декларирования прав ребёнка Лигой нации в 1924

году. Декларация ООН ребёнку голоса не даёт.

«Ребёнок для полного и гармоничного развития его личности нуждается в любви и понимании. Он должен, когда это возможно, расти на попечении и под ответственностью своих родителей».

«Наилучшее обеспечение интересов ребёнка должно быть руководящим принципом для тех, на ком лежит ответственность за его образование и обучение; эта ответственность лежит прежде всего на его родителях» (§§6–7).

С «наилучшим обеспечением интересов ребёнка» соглашусь. Не соглашусь я, дескать, «обеспечение» такое достижимо только родителями.

Последнее десятилетие спору с этим отнюдь не только я. В Америке признаётся, что родители (как и государство) часто неблагомеренны либо благими намерениями вымощивают дорогу в ад.

Сложные вопросы прав ребёнка лучше начать с ограничения правами ребёнка позитивными. По ним и заметна пропасть между патерналистским идеалом и реальностью.

Хилари Родэм из Фонда защиты детей США проверила [330, р. 487f], насколько права ребёнка признаны законами — конечно, заокеанскими, хотя многое справедливо также для Британии.

Родэм открывает исследование разъяснением: определить законодательно чьи-то права — констатировать (гипотеза) или предписать (диспозиция) отношения. Предписание предусматривает этическое суждение, какие следует интересы признать в ущерб иным интересам. Однако действующее позитивное право не суждение такого рода, но просто судебный произвол. Без учёта как этического рассуждения, так и политической ситуации. Выходит, обеспечивают интересы, потребности ребёнка, но никак не права¹. Ребёнок обладает ещё большими, нежели взрослые, потребностями, но прав у него меньше. Особенность интересов и потребностей ребёнка послужила правовому различию (по-латински “discriminatio”). Но даже скудными правами ребёнка пользуется не ребёнок. А специальные институты.

Позитивно права ребёнка (британца до 18 лет, для мужеложства — до 21 года) не учитывают обстоятельства дела, возрастных особенностей. Это неучтенье допускают из-за физических, интеллектуальных отличий ото взрослых.

Родэм отдаёт этому должное, но границу 18 – 21-летия признаёт искусственной, упрощенческой. Игнорирующей очевидные различия между детьми разных лет и бесспорное сходство подростков со взрослыми. По способностям-интересам осьмимесячный и 15-летний отнюдь не похожи.

[Что законопроекты P1E во внимание принимают. Особенно

¹Прим. перев. Эти наблюдения касаются государств англо-саксонской правовой семьи. Права жителей русскоязычных стран устанавливаются властью несудебную.

неодинаковую способность озвучить (не)согласие на секс. При потребности в нём одинаковой.]

Американский и британский закон естественные права ребёнка не признают. По закону Об общем праве редакции XVIII века ребёнок является движимым имуществом у родителей. Блэкстон акцентировал обязанности «многоценной собственности», которой права малопомянуты [330, р. 489]. Современному ребёнку права (на вождение мотоцикла) немногочисленны и нешироки.

Вне закона ребёнок остаётся до поры, пока закон его защитит или накажет вместо родителей. Контролирование которыми нарушается только государством и только в крайнем случае.

Но как оценивается степень крайности конкретного случая, не сказано. «Детское законодательство поражает особенно произволом у властей, обязательством ими следовать обычаям» [330, р. 490]. Вмешательство государства — подмена родительского произвола произволом бюрократическим. Полномочия для «наилучшего обеспечения интересов ребёнка» узурпированы чиновником.

Которого ничего не направляет, не сдерживает. Нет ему стимула разбирать отдельные дела бережно. Зато возможность и казнить, и миловать по своему капризу. Следуя предрассудкам общества, гомофобским и расистским.

«Что наиболее проявляется, когда государству бояться нечего. Репрессируются семьи малообеспеченные, цветные, нетра-

диционные. Ребёнок оттуда выставляется наследником уродства родителей. Бременем общественного горба. При криминализации того или иного деяния тенденция всего заметней. Не только преступное для взрослого (вроде вооружённого грабежа), но даже дозволенное взрослому деяние навлекает ответственность на ребёнка. Статусные нарушения, непослушание, школьные прогулы, побеги с дома, половая жизнь чреваты смесью санкций и профилактики ребёнку за преступное взросление» [330, р. 491].

Эти замечания справедливы также для британского закона, в частности, при «угрозе морали», предусмотренной законом Children & Young Persons Act.

Выход отнюдь не в гипертрофировании прав родителей. Тождествлять интересы ребёнка с интересами родителей нельзя. Ибо куда деваться, когда в семье ничего хорошего?

Такие ситуации нередки. Чреваты трагедиями. Мы видели, насколько половое самовыражение ребёнка подавляется. Убедительнее чего только примеры палочного воспитания.

Классика — дело Марии Колуэлл [203]. Семилетнюю насмерть забил отчим. Незадолго до того к нему, Вильяму Кэплу, девочка попала с приюта по решению суда. Которому показалось, якобы ребёнку место с матерью. Мать, Паулина Кэпл, проживала с Уильямом.

Ещё при младенчестве Маши родной отец умер. Шестимесячной её забрали местные власти: National SPCC выявило пре-

небрежение нуждами Маши со стороны матери. После этого Маша годами жила с родственниками. У них девочке было хорошо.

Но вдруг её мама предъявила на ребёнка «права». Местные власти не возражали.

Здесь уж интересы родителей с интересами ребёнка не совпадают. Идея фикс, якобы ребёнок «должен, когда это возможно, расти на попечении... своих родителей», стоила жизни ребёнку. Оказалась неуместною при конкретных обстоятельствах.

Если бы только законодатели предусмотрели возможности Марье высказаться, с кем она хочет остаться, девочка была бы жива.

Хорошо, что шумиха вокруг этого дела помогла в парламенте биллю Давыда Оуэна. По которому ребёнка на суде надо представлять адвокатом, отдельным от родительских. Это шаг — и скромный, и важный — к идее, что ребёнок, если даже не старше Марии Колуэлл, обеспечение своих интересов осознаёт. Осознаёт ещё лучше, чем его выкормившая мать, и лучше, чем учёные соцработники, которые ради того, что «должно быть», не хотят отвлекаться на то, что фактически есть.

Противоречивость родительских и детского интересов очевидна также на процессах бракоразводных. Играющие в перетягивание ребёнка не предоставляют и слова самому ребёнку.

По глупости властей и бесчеловечности родителей видна необходимость у ребёнка голоса независимого. У ребёнка как

отдельного лица с естественными правами. Даже не правами ребёнка, но правами человека. Смысл этому — ни много, ни мало, — что потребности с интересами ребёнка представительства требуют именно дитянина. Аналогичного представительству потребностей-интересов любого человека вне различения возраста.

Такая пропаганда всё же нерадикальна. Современные Марири Колуэлл обеспечены судебной возможностью выбрать на ближайшее десятилетие себе хозяина, собственника. На суде ребёнку позволяется решать вопросы жизни и смерти. И только. Оставить школу, найти работу, завести парня, напиться виски, голосовать за Консервативную партию семилетке не позволят. Внесудебное представительство ребёнка взрослыми, навязывание ребёнку поведения по-прежнему допускается. Поныне повседневная жизнь ребёнка принадлежит отнюдь не ребёнку.

Таким образом, углубимся в то, насколько права ребёнка повлияют и на детскую повседневность. Результат отрицания, как и принятия прав ребёнка рассмотрим отдельными примерами. Потом абстрагируемся. Выработаем и метод отличения резонных и безумных естественноправовых претензий. Масштабная задача такого рода потребует универсальности. Теория наша должна предусматривать ситуации, способные возникнуть во всяком обществе любой эпохи. Но планы такого рода наполеоновские. Надо сначала понять место ребёнка в обществе.

Начинал я с права позитивного — третирования ребёнка за-

коном. В общем определяется, что «наилучшее обеспечение интересов ребёнка» достижимо только родителями. Хотя говорят, якобы права ребёнка защищены, всякие права реализованы только тогда, когда поддержаны каким-нибудь институтом. «Чтобы правовая претензия хоть какой-то смысл имела, поддержать её следует институционально. Поэтому права британцев ещё лучше защищены по сравнению с абстрактными „правами человека“» [82].

Законопроекты РІЕ конкретны, стремятся поддержки социальных институтов.

Однако закон ещё не всё — права́ должен признавать обычай. Который, по мнению Ричарда Фарсона, Джона Хольта, Филиппа Арьеса, детей невинными-неполноценными держал не всегда.

«До XVII столетия ребёнка невинным отнюдь не считали. Только с этого века ребёнка лишили настоящего чтения, настоящей жизни. До капитализма взрослые не стеснялись ребёнка при сексуальных обсуждениях и занятиях. Дети созревали преждевременно. Спать с женою Луи XIV учинил уже 14-летним. Девочки выходили замуж обычно в 13. (Половое созревание тогда начинали позже, чем сегодня. — Т. О'К.) Незазорно было взрослому поиграть гениталиями ребёнка (поныне в мусульманских странах).

Внезапно XVII столетие навязало ребёнку защиту. От информации по взрослой жизни. В средневековье с детьми не носились, однако любили, даже баловали. Но после XVII века ребёнка повадились исправлять. Доныне ребёнок и родители расхлёбывают эту реформу» [120, р. 20].

Борьбу за душу ребёнка Фарсон выводит из религиозной педагогики. «Дайте мне ребёнка на первые семь лет и потом уже делайте с ним, что хотите», — говорили контрреформаторы. Поныне рассказывают, якобы дитя «что губка», своеобразная “*tabula rasa*”, чтобы вписывать воспитательские капризы.

Впрочем, если разум у ребёнка «чистая доска», сердце-душа ребёнка не контролируемы. Чтоб «образовывать» ребёнка по своему вкусу, приходится с ним бороться. Поэтому возникла педагогическая парадигма противоположная. Все мы рождены во грехе. С рождения руководимы дьявольскими похотями. Поэтому надо с пелён их уничтожать. За мастурбацию ребёнка стыдить. В XIX веке стали сочинять назидательные легенды, герои которых обучились онанировать, отчего покрылись сыпью, стали вялыми, заболели чахоткою, начали биться в конвульсиях, умерли. Мальчики принуждались к специальному поясу, ребёнка к его междуножью не подпускающего. Онанизм излечивали поркой.

Садистская нравственность ограждала сентиментальные пред-

рассудки про детскую невинность. Которая ребёнку противостественна. До сих пор асексуальность малышей констатируют и навязывают одновременно. Логике вопреки.

По мнению Фарсона, верное понимание ребёнка потеряно. Этому возражают, якобы слишком упрощительны поиски миновавшего «золотого века». Якобы неуместно романтизировать эпохи, когда ребёнка сильно притесняли.

Ллойдом де Мосом это возражение доводится до крайности [92]. Ребёнку всегда было плохо, но жить стало легче, жить стало веселее. Мосова «психогенная теория» развития человечества как история педагогических обычаев, анализированных по-фрейдистски. Действительно, с XVIII века царила «навязчивая модель» обращения с ребёнком. Которую достижения психоанализа с оперантным научением оставили неактуальной. Ребёнка можно не подавлять, а формировать ему реакции, социально подкрепляемые.

В середине XX века приняли «помогающую модель». Дитя во всяком возрасте понимает его нужды лучше родителей. Обращает и родительское внимание на них. Дисциплинирование ребёнка кончилось. Уже не ребёнка заводят обслуживать при старости, но родители ребёнку слуги.

Для де Моса «помогающая модель» — идеал. Дитя больше не подстраиваются под родительские комплексы. Что веками держало миф о «первородном грехе».

«Психоисторию» де Моса методологически критиковали, но

кто не против эволюционизма, должен и задуматься, какая стадия психогенной эволюции следующая. «Помогающая модель» явно патерналистская. Но притом обнадёживающая признанием осознания ребёнком его потребностей и лучшего, чем осознания родителями. «Помогающая модель» хороша детской эмансипацией от ожиданий и пожеланий родителей.

Но для Фарсона ребёнок этою «помогающею моделью» тяготится. Настолько ребёнок ещё никогда не был ограничен. Психогенноотсталые народы свободы ребёнку дают больше.

«Пожалуй, ограничены возможности ребёнка только социальными предрассудками. Некоторые народы помолвляют и женят уже 9–10-летних. Подобно сиу, дети воюют, охотятся в девять лет. Некоторые рожают измала, когда только могут. Ритуалы возрастной инициации проходят аж 10–12-летними. Такое практикуют и нигерийские деревни.

Не так уже редка среди народов ответственность 2–3-летним. Их обязывают ухаживать за детьми, более молодыми, помогать по дому.

Кенийских икигусий обучают уже в два года. Слушаться и соответствовать обязанностям взрослых — это до шести-семи. Шайенские мальчики получают и лук, и стрелы, только научившись ходить.

До революции мексиканчики шести-семи лет ухаживали за скотом и носили воду. Девочки хауса 8–9-летними провизию возделывающим поле носят. С девяти до десяти кламатки собирают и готовят еду, корзины-циновки плетут.

Становящиеся на ноги джагга за младшими присматривают, еду готовить помогают, идут за водой и хворостом, убирают за животными, корма задают, дворы метут и дома кроют» [120, pp. 20 – 21].

Было время, злые добавят языки, 7–9-летних англичан усылали в дымовые трубы, шахты. Но примеры Фарсона свидетельствуют отнюдь не о злоупотреблении. Скорей о потенциале. Вопреки «защитнической» идеологии, будто дети ни на что взрослое не способны. Даже в Америке, не забывающей идеала нетрудового детства, воздыхают о временах, уделяющих участвовать в общем деле каждому.

Конечно, речь об эпохе покорения Дикого Запада, Голливудом идеализированной. Когда жизнь человека зависела лишь от бога, смекалки, трудолюбия. И сына. Обязательно сына, который унаследует однажды ранчо, но пока — носи корзины, дои скотину, чини забор, укрощай лошадей. Мечтая вырасти, но помогая сейчас. Сообразуясь и с опытом, и силами.

Теперь это потеряно. Ребёнка держат у парты деспотически. Прочь от истинной жизни. Не спрашиваясь о склонности

к академическому «труду». Не пойти к отцу на работу помогать. Нужно проторить длинную тропу через учебные заведения. Чтобы найти место в обществе, подобном Уэллсовской Луне.

Подрастание продлевается до 25 лет. Осложняется неприбыльной учёбой, экономической от родителей зависимостью. Если же бросить учёбу, то живи пособиями по безработице либо каторгой. Оба варианта будут отчуждением от истинно взрослого статуса.

Углубляться в Иллихово «дешколенье», Марксово «отчуждение» не стоит. Только добавлю, что права ребёнка должны вытекать из прав человека, не губя здравости-сплочённости социума.

Фарсоновы призывы: передача жизни ребёнка в руки ребёнку чем ранее, тем лучше. Жизнедеятельность, а не смирение судьбе. Если ребёнку голос, ему решать не разово. А на стадии воспитания любой. Лозунг, якобы «родителей не выбирают», уже пора хоронить. Выбирать нужно. И не только когда родителей отвергает и государство.

Обществу, поклоняющемуся Молоху нуклеарной семьи, такая программа не под силу. Зато под силу подмена семейного воспитания воспитанием общинным.

Фарсону нравятся самые проверенные меры — действующие в израильских кибуцах. Конфликт отцов и детей предупреждается тем, что:

- «кибуцем одетый-накормленный, ребёнок экономическинезависим»;
- гендерное равенство — нету патриархальности;
- можно любить кого-то, кроме родителей;
- воспитывает нянька — родители выступают „хорошими полицейскими“;
- ревность и ненависть направлены вовне семьи;
- коллективизмом исключаются родительские гиперопека и деспотия, развитию ребёнка не мешает ничто» [120, р. 54]

Вот где камень преткновения. Нужна ли независимость от родителей экономическая? Сознательно ли допускать отмену родителями ребяческой и ребячливой покупки? К примеру, сладостей, обильностью вызывающих дурноту? Альтернатива родителю, та же нянька с кибуца, лучше? Правильно ли Руссо предлагал учить ответственностью? Позволяя ребёнку переест сладкого — понять опытно, стоит или нет переедать? Если контролирование дитянина кошелька настолько влияет и на дитянину независимость, является ли право на финансы звеном естественных прав ребёнка? И как права ребёнка достижимы при социальной справедливости? Почему трудящиеся (родители, коммунары) должны финансировать обогащающегося (ребёнка)?

Это всё вопросы (не)зависимости экономической. Дисциплинарная с эмоциональной (не)зависимости потребуют и большего списка. Все упираются в единственный вопрос: Обществу дети зачем? Воспитывать зачем? Ибо некоторые ребёнку дали бы жить по-своему (коли будет жив!).

Кибуц этого не допускает. Его коллективизм индивидуальности (ребёнка) враждебен. Какой — национальной (у сионистов), религиозной (у сектантов), философской (у Платона) — идеи держится общинное воспитание, неважно. Британская педагогика тоже коллективистская — детям от этого ничего хорошего.

Поэтому лучше начинать изучением идеального социального строя, после чего перейти к уместности в нём и прав ребёнка. Задача непосильная для главы. Поэтому заинтересованных отсылаю к отдельной книге [337]. Разбираются коммуны в Америке поздних 1960-х и то, как утописты воспитывали детей. Кое-кто не воспитывал и вовсе, допуская секс, ЛСД, оружие сызмала. Школьная повинность упразднена — дети безграмотны.

Авторы [337] обеспечены, держатся в отношении детей амбиций, конформизма не стыдятся, но признали, что контркультурное воспитание не полностью деструктивно. Воспитанный в обстановке вседозволенности, ребёнок ещё приятнее в общении, самостоятельнее цивилизованного. Можно констатировать и новую породу «благородного дикаря» вроде 12-летнего Дрю-

ни Пейота, подобранного на калифорнийской автодороге. Сын известного нью-мехиканского коммунара водиночку путешествует автостопом. Солидный, интеллигентный и самоухоженный. Не паразит и не бунтарь (против чего бунтовать ему?), а постоялец авторских сердец. С раннего детства себя воспитывает сам. Играючи пропадает один или со сверстниками на недели. Возвращается не по зависимости, а чтобы поддерживать отношения.

Увы, родителем я никогда не был, и мне сложно вообразить себе сына безнадзорного. Но три года преподавания научили меня, что позволять ребёнку неразумно. Наверно, моё неприятие Пейота невротично. Привито нашим обществом.

Как бы то ни было, детская вседозволенность и меня пугает. Анархии предпочитаю порядок учебной аудитории, ребят и чинных, и внимательных. Даже теперь я, разговаривая ребёнка, будучи сколь угодно неформальным, упрятать учительскую натуру не могу. Не то, чтобы надоедал указаниями, просто заурядные мелочи (вроде предложения донести фантик до урны) напоминают о моей установке.

Вот уже свобода Ниллова Самахилла некошмарна. Это свобода контролируемая. Как общество контролируется государством. По мнению Сазерленда Нилла, ребёнок интериоризирует общественную жизнь, если детская коммуна приучается руководить собой. Правда, по рекомендации взрослых.

Триумф идеала демократии! Но не могу не согласиться, что

на взрослые идеалы дети кладут. Преклоняются перед силою, навыком, опытом. Детская демократия даёт отнюдь не либеральность, а голдинговщину [165].

Самахилл, однако, ценен именно дикостью. Возможностью самовыражения. Избегая жертв социализации. Самахилл — это консервная банка для «чуда природы», сберегаемого «легкомысленным, оживлённым, одарённым и невинным». Но как это позволит ещё развиваться? Не сделать дитя комнатною болонкой? Не лишить его деятельности, правды?

Дойдя до крайностей, естественно вернуться к умеренности. Возможны ли права ребёнка при сохранении городского среднего класса? Предупредимо ли одичание ребёнка при ликвидации родительской деспотии?

И Фарсон, и доктор Лоренцо Константин, идеолог «открытой семьи», предлагают идеи конструктивные. Ребёнку выбирать его микросреду, в том числе через обмен семьями.

Сторонники консервативного лечения семьи сходятся на прозрачности, чёткости родительских требований, последовательном признании хорошего для взрослого хорошим и для ребёнка.

Семья представлена расслоением общества на классы. С аристократией родителей. Которые купаются в привилегиях (ложатся после 2100, едят не кашу, половое воздержание не соблюдают). Распоряжаются казной.

«В конце концов, элита мы или нет? Мы разумнее, на-

читаннее, стрелянее. Собою владеем. Способны принимать непростые решения. Низшие счастливее, беззаботнее. Бесправие даже предпочитают. Своё положение мы заработали. И вообще так естественно. Ещё мы сильнее» [70].

Проект «открытая семья» не замалчивает указанных отличий. Однако делает ударение: функционирование семьи родительского комфорта важнее. Семья функционирует ради «нежности, мягкости, доброты, спокойствия, заботы, направления, научения, веселья, ручательства, легкомыслия, целеполагания, дичи, логичности для всякого члена семьи». Что такое хорошо-плохо решать не только взрослым. Бывает, и ребёнок указывает отцу пристегнуться, меньше курить. А после напряжённого дня почему папе не плакаться в жилетку ребёнку? Для де Моса такой отец является слабаком, инвертированным. Но разве плохо ребёнку с родителями (в известных пределах) меняться ролями?

Главное, что функция семьи соблюдена. Ребёнок удовлетворяет его нужды. Родители тоже. Ответственность аналогично распределима между всеми.

Следовательно, права члена семьи не зависят от его семейной роли. Следовательно, разделение семьи на привилегированных и бесправных излишне. Вместо тиранического самодурства — к примеру, чтобы четырёхлетняя Джой, это Констан-

тинова дочка, спала, когда бы мама ни приказала, — становится возможным обосновываться по-правовому. Разве время сна не личное дело каждого? Чтоб ответить, изучаем, истинно ли Джоево право на бодрствование наилучшему обеспечению Джоевых интересов мешает. Противно ли субъективному праву родителей. Поплатятся ли все раздражительностью, разбитостью. Кому вообще решать, из обеспечения Джоевых интересов какое наилучшее? По примеру Марии Колуэлл уже знаем: явно не родителям.

Дали решать ребёнку. Девочка стала раздражительной. Мешала. Но всё поняла, дала себя родителям убедить. Хотя продолжала бодрствовать не вовремя. Пока не попросилась укладывать её несмотря на протесты. Родители согласились при условии девочке не злиться. Спать идти в оговоренное время. Джоева сестра на два года старше в оговоренном времени не нуждалась. Что поздно спать плохо, понимала без этого.

История не свидетельствует о пользе вседозволенности. (Захоти Джой отправиться путешествовать на велосипеде, пускать её на поиски себе границ едва ли разумно.) Зато свидетельствует о пользе не торопиться властвовать. Ведь шестилетней уделить свободу не страшно.

Много ли родителей обладает этой Константиновой дипломатичностью? Удаляясь конкретики, мыслителю риск объявить, якобы лучше решать родителям.

Поэтому на таких уровнях обобщения лучше воспользоваться-

ся деонтологией Джона Ролза [318]. По которому, претензии на справедливое обращение суть «обязательство некоторым взрослым признать справедливые требования ребёнка...

Справедлива по Ролзу такая претензия, которая в соответствии с процедурными принципами справедливости. На которых общество должно держаться. Принципами для взрослых и ребёнка не различными. Пользоваться правами ребёнка Ролз оставляет отнюдь не всегда ребёнку. Зато ребёнка признаёт умеющим использовать его права по умолчанию. До поры, пока противоположное не признает общество» [414].

Справедливость — это когда люди «осознают потребность в определённом множестве принципов относительно основных прав и обязанностей и готовы принять их». «Эти принципы должны определять приписывание прав и обязанностей... и они же должны определять подходящее распределение выгод и тягот социальной жизни» «в рамках одной схемы кооперации» [318].

Важно, чтобы каждому была возможность обеспечивать интересы свои способами, кажущимися наилучшими себе. Но не в ущерб интересам чужим.

«Чтобы достичь Ролзовой утопии, каждому следует участвовать при развитии принципов обращения со всеми справедливого. Соль в участии каждого. И чтобы каждый участвовал оставаясь в „исходном положении“. При котором интересы, жизненные обстоятельства свои сочиняющему принципы

справедливости неизвестны. Даже это сочиняющего не спасает от эгоизма. Но незнание своего места в обществе заставит его выбрать принципы справедливости партийноинвариатные. Подкрепляющие равенство. Делающие невозможным использование человека человеком.

Так и создадут общество справедливости. Держащееся на положениях:

- (1) каждому личная свобода не бóльшая, чем остальным;
- (2) неравенство только тогда, когда (не)приятные моменты неравенства расхлёбываются каждым.

Ребёнок участвует в общественном договоре по мере возможностей. Участвовать полностью — только по достижении „разумного возраста“. Не календарного, не биологического, не генетическипсихологического, не педагогического. Суть его: чем умелее становится, тем участия больше.

Членом общества считать способного на принципы справедливости согласиться. „Существо, которое имеет эту способность, развита она или нет, должно получить полную защиту со стороны принципов справедливости“. Конечно, камешки в огород ребёнка. Его признали членом общества с возможностями претендовать на справедливость в обращении.

Ясно, что найдутся люди, способные принципами справедливости спекулировать. Но в силу 2-го положения такое ловка-

чество не впрок. Справедливого характеризует именно чувство справедливости, но не применение такового.

Но возражения не кончились. Если при разработке принципов идеальносправедливого социума ребёнок участвует ещё не в полную силу, за что ребёнку права? По Ролзу, принимать участие ребёнку скорее посильно. Хотя бы частично. Ребёнку невозможно на том нажиться. Кажется, ребёнком очень рано сознаётся, чего хочет, из чего выбирать и как это решение воплотить. Чтобы выбирать принципы справедливости, достаточно» [414].

Случается, взрослые тоже находятся в положении ребёнка. Выбирают едва ли в полную меру. Подобно ребёнку, пользующемуся взрослыми для принятия разумного решения, взрослые пользуются специалистами: мастером, юристом и врачом. Авторитет у взрослых отнюдь не даёт этому специалисту права распоряжаться жизнью взрослых. Он используется, чтобы взрослые могли выбирать и достигать их целей. Родительский авторитет у ребёнка — то же самое.

«Избирая принципы справедливости, возможно допустить патернализм. Но кто согласится на форму патернализма, допускающую злоупотребления?

Авторитет иного человека ради достижения наших устремлений; ради того, чего достигли бы сами, будь мы настолько же рациональны — такой авторитет оправдан единственно тогда, когда не можем удовлетворить себя сами.

„При принятии патерналистских решений необходимо руководствоваться собственными интересами и предпочтениями самого индивида, в той мере, в какой они не иррациональны, а при незнании их руководствоваться теорией первичных благ. Со всё большим убыванием нашего знания об индивиде мы делаем для него то, что делали бы для себя с точки зрения исходного положения.

Мы пытаемся добиться для него того, чего он предположительно желает, чем бы это ни было. Мы должны быть в состоянии утверждать, что с развитием или восстановлением его рассудочных способностей он согласится с нашим решением, принятым от его имени, и согласится с нами в том, что мы делали для него самое лучшее“.

Получили способ обеспечения дитяниных интересов адекватнее патерналистско-классических (Гоббсовых, Локковых, Миллевых). У Ролза ребёнку предоставлены возможности к его правам апеллировать. Интересы ребёнка с интересами законного представителя не тождественны» [414].

Теория небезынтересна, но какими способами ребёнку спорить с обеспечением интересов его не им? Что за способ является наилучшим?

Ролзом отмечены три соображения.

1. «Что взрослые заставили ребёнка согласиться с обхождением уже задним числом, ещё не достаточно, чтоб обхождение

признать справедливым» [414].

Иначе возможна ситуация: «представим двух индивидов, полностью владеющих своим рассудком и волей, которые придерживаются различных религиозных или философских взглядов; и представим, что существует некоторый психологический процесс, который склоняет каждого из них к точке зрения другого, несмотря на то, что они вовлечены в этот процесс вопреки их воле. Предположим, что с течением времени они оба осознанно примут свои новые взгляды. Нам по-прежнему непозволительно подчинять их такой процедуре» [318].

2. «Патерналистское вмешательство только когда недостаток ума-воли несомненен, очевиден» [414]. Т. е., к ребёнку применима презумпция дееспособности. Ребёнку не придётся доказывать: я не верблюд, а бремя доказательства недееспособности перекладывается на противника прав ребёнка.
3. «Патерналистское вмешательство должно быть в соответствии с принципами справедливости. Также наиболее постоянными целями-мотивами ребёнка. Либо соображениями первичных благ» [414]. Надо хотя бы выяснить цели-мотивы прямиком у ребёнка.

Наши рассуждения касаются прав, имеющих оговорки по поводу детскости разума. Но право ребёнка на половую жизнь

не такое. Для секса не требуется ни квалификации, ни гениальности. Сексуальность опасна не более, чем иная детская деятельность, — исследования на тему «наилучшего обеспечения интересов ребёнка» не требуется.

Таково мнение не только РІЕ'шников, но также Ричарда Фарсона:

«Наше жуткое табу на дето-взрослые шашни люто карает и невинное проявление любви. Наказание неподходящее, неэффективное. Мы можем и должны декриминализовать эротическую связь по взаимному желанию. Принуждение, похищение предусмотрены законом и без антипедофильских статей. Со случаями, когда (угрозу) силы не применяют, ещё лучше справится половое просвещение, пропаганда прав ребёнка» [120, р. 148].

Касательно дето-детского секса Фарсон уверен. Но при сексе со взрослыми дитянины пожелания должны быть уважены предельно. Хотя при дето-взрослых отношениях это не принято.

«По-настоящему ребёнку нужна возможность отказать. Свобода сказать сексу нет — очень важная составляющая половой свободы. Отказывать взрослым отучают уже с пелён. Знаки взрослого расположения ребёнку навязывают. От объятия, поднятия, ласки, целования, щипков и щекотания ребёнок отказать не может. Также

нет опыта прислушиваться ко своему впечатлению касательно людей. Нет опыта сопротивляться посулам и плате. Сексологическая безграмотность, непонимание сексуальности своей и чужой отказу мешают. Глупо держать ребёнка неграмотным и волноваться по поводу неграмотностью поддерживаемой уязвимости» [120, р. 147].

Такое возражение можно *reduco ad absurdum*, обязав обнимальщицу-маму к согласию грудничка. Ждать объятия ребёнку придётся до трёхлетия. На объятия дитя «давать согласия не может». Насколько Фарсон убивает импульсивность дето-взрослых отношений, я настолько несогласен. И младенцу под силу хныканьем или щебетанием удостоверить его (не)одобрение. Хотя все, начиная замилюющими тётушками — кончая позирующими с детьми политиками, лезут обниматься. Не задумываются, хочется ли того ребёнку. С возрастом обнимальщики домогаются сильнее. Помню, мне всегда не нравилось навязчивое целование матерью, но кого то волнует?

От этого мальчику никогда не спастись. Женщинам обременять мальчика ласкою не запрещается. Запрещается только мужчине.

Зато не запрещается в отношении девочки. Даже принято. Приучая к обладанию мужчиною по взрослении. От знакомых объятия с поцелуями сносятся терпеливо. Случайно рука может оказаться не на месте. Со стороны кажется, всё нормально.

Отказу ребёнка нет оправдания.

Удивительно, феминистки говорят, у девочек это «часто».

Подруга рассказала, что в детстве под её трусы касался друг семьи. Видимо, сообычная ласка (вроде сидения на колене) кончалась очень уже близко к откровенному эротизму. Девочка сама чуяла, дело нечисто: воспитана паховых областей опасаться. В семье даже слово «трусы» было табуировано. Но потому же не могла никому рассказать. Пришлось и дальше терпеть.

Чтобы ребёнок осознал антиобщественность подбельевого касания, мог идти жаловаться родителям, явно лучше прислушаться к Фарсону. Позволить ребёнку выбирать. Взрослую сексуальность осознавая. Неграмотности сексологической и правовой избегая. Научаясь от общества, что сидению на колене взрослого сказать нет отнюдь не запрещено.

Думать, что качать взрослому права дитя не может, ошибка. Почти всякому мальчиколюбцу страшно подойти к ребёнку не по наказуемости либо противосоциальности пикапа, но вследствие страха быть отвергнутой. При знакомстве с мальчиком я рискую нарваться на прозвище пидарюги. Не страшно быть пидарюгой, страшно презрение понравившегося. Артистичного, риторского таланта ребёнку не надо. Скольких я ни знаю мальчиколюбцев, а сексориентациею не бравирует никто.

Не выход, если девочка матюгается не хуже мальчика. Не выход, если садиться на колени можно, пускать внутрь белья нет. Выход единственно в сексуальной сознательности, свобо-

де ребёнку выражать его половые желания и нежелание. Не взирая на условности.

Половое самовыражение ребёнка зависит от его субъективного права на половое просвещение. Притом от его темперамента. Который и при сатириазе-нимфомании, как и при половой анестезии конкретного ребёнка не затемняет и роль воспитания.

Воспитание же направляется «самою популярной и самою маразматичной озабоченностью гендерною ролью. С Фрейдом, Эриксоном и прочими поди спорь. После них отсутствие матери девочке, безотцовщина мальчику видится катастрофой. Без образца ребёнку не понять себя. Расти в испуге, недоумении, сумасшествии.

За стереотипы страшно! Мальчики хилы, нежны, пассивны, к жизни не приспособлены. Хуже того, голубоваты. Девочки нахальны, дики, нежеманны. Коли вовсе не лесбиянки» [120, 140 – 141].

Каждою феминисткой отцеживаются детские гендерольные книжки с игрушками, но социальные нормы поглощаются. Нормы, например, якобы ребёнка не должна воспитывать ЛГБТ-пара. Насколько много ребёнку любви-заботы, неважно. Главное, чтобы дитя страдало, но приучилось-таки к общественному полоролевому предрассудку.

Навязывание нормы программу полового воспитания заразило:

«Сексуальная жизнь одинокоживущих и гомосексуалов учителями замалчивается. Половое воспитание подменено семейным планированием. Секс изображается ремонтом общества с отпращиванием супружеского долга. Такое „просвещение“ закабаляет.

Немногими педагогами признаются масштабы проблемы. Школьники преимущественно воспитываются вне нуклеарной семьи. Социальная „норма“ получается ненормальной. Но всё равно навязывается. Когда задают описание семьи, множество сибсов, оба родителя школьнику приходится выдумывать. Просто спрашивая насчёт отца, педагог обременяет идеалами нуклеарщины. Часто школьника, живущего только с матерью, ставит это в тупик. Все дороги полового просвещения ведут единственно в нуклеарную семью. Вне которой и секса никакого не существует» [120, 132 – 133].

По Ролзу, такое просвещение права ребёнка нарушает. «Исходное положение» законодателя (не знающего гомосексуальный он, одиноковоспитывающий или вовсе ребёнок) отпугнёт его создавать общество дискриминации меньшинств. Ведь если

сам окажется среди меньшинств, он останется бесправным. И поносимым упомянутой системой образования.

Право ребёнка на половое просвещение-самовыражение подразумевает и защиту против издержек. Не надуманными ма-
ньяками надо пугать ребёнка, но беременностью, венерически-
ми болезнями.

Точнее, не пугать, а вооружать информацией. Беспольной, однако, при недоступности медикаментов и контрацептивов. Которыми лучше снабжать школы:

«Глупо противозачаточные средства пропагандировать и не предоставлять. Мальчику рекламируются кондо-
мы, которые сбывать запрещено. Избеганию беременно-
сти девочку наставляют уже после того, как она забере-
менела» [120, р. 136].

Итак, я обосновал идею прав ребёнка. Особенно право на личную жизнь. Показано, что права зависят от общественного строя. Что не могут установиться без изменения в обществе. Не только во власти. Разобрано, насколько ребёнку возможность избрать себе воспитателей, если нуклеарности семьи не тревожить. Показано, что коли тревожить, общество переменится неузнаваемо. Надеюсь, Фарсон-Константиновы предложения покажутся разумными не только мне.

Насколько правам ребёнка противоречат права родителей, промолчу, чтобы не мешать обобщению. Подробности — в из-

дании PИE “Childhood Rights” и в анализе ненуклеарной семьи Л. Константином [70].

Насколько право на детскую личную жизнь развязывает эксплуататору руки, рассмотрю ниже. Пока же читайте Билль половых прав ребёнка, составленный американским Кружком детской чувственности [62]:

«Учитывая, что:

- право на сексуальность, аналогично праву на кровно-обращение, врождённо, неотчуждаемо;
- ООН-вскою Декларациею прав человека (1948) перечисленные в Декларации свободы и права предоставляются без отличия по какому бы то ни было признаку: половому, национальному, языковому, религиозному, статусному, прочему;
- ООН-вскою Декларациею прав ребёнка (1959) замалчиваются половые потребности ребёнка, право ребёнка на личную жизнь;
- ребёнку вне самовыражения врождённых, инстинктивных устремлений приходится вырастать в асоциального, фрустрированного, несчастливого потенциального преступника;
- пора народам Америки с их элитой осознать это, руководствоваться этим

— учитывая всё сказанное, предложены к отстаиванию, преподаванию взрослым и детям бесплатно властью США на федеральном и местном уровнях неотчуждаемые права:

на защиту закона: каждому ребёнку любого возраста, любого статуса защита права на секс;

на индивидуальность: каждому ребёнку право на тайну мысли, мечтаний, идеалов, использования своего тела вне взрослого вмешательства, наглого либо завуалированного;

на сексологию: каждому ребёнку право знать о сексе, право сексологически просвещаться в удобопонятных ему словах, право на защиту от дезинформации по сексу;

на душевное развитие: каждому ребёнку право развиваться на телесном, интеллектуальном, эмоциональном и духовном уровне, как положено свободному, цельному, счастливому, сохранному человеку, чтобы стать уважительным и терпимым к индивидуальности, сексуальности других;

на чувственные наслаждения: каждому ребёнку право на полное наслаждение без ощущения виноватости;

на практическое развитие: каждому ребёнку право научиться любовному мастерству со всякого возраста, делающего понимание возможным, аналогично получению любого другого навыка;

на выборание полового партнёра: каждому ребёнку право на любовные, в т. ч. половые связи с детьми либо с ответственными взрослыми, включая родителей или сибсов, иных; каждому ребёнку право на контрацепцию;

на половую свободу: каждому ребёнку право на защиту против угнетения сексуальности семьёй, обществом и право вырасти способным иметь половую жизнь соответственно природным его желаниям, а не диктату традиции».

Глава 8

Способны ли дети давать согласие

Уже сказано, что половые права ребёнка небезосновательны. Не только право на сексологию, но также право на сексопрактику. Иначе говоря, право сказать да. Может, это право — помеха Фарсонову праву сказать нет? Какова вообще цена сказанному ребёнком?

Наверно, сказать сексу да можно только

1. если знаешь его ближайшие, равно как отдалённые последствия;
2. если знаешь, чего да кого хочешь;
3. если можешь отказаться принимать участие на любом этапе секса по своему желанию.

Многие положатся на данные критерии согласия только потому, что таковые не применимы к детскому да. Но коли задуматься, взрослое да тоже критериям этим отнюдь не удовлетворяет. Взрослые, влезая в чью-то постель, разве могут угадать, чем всё кончится? И разве можно, вступая во взрослую жизнь, изначально свои пристрастия знать? Настолько знать, что совсем опыта не нужно? Только 3-м условием (оставления ситуации под контролем) и можно руководствоваться.

Ерундят, якобы секс опасный. Допустимый только знающему подробности каждого мыслимого последствия. На самом деле достаточно только детское желание¹. Всё, что противно желанию ребёнка, должно быть незаконным, необычным и неправильным. Но соглашающемуся на безвредную сексуальную забаву ребёнку никакие последствия предвидеть не нужно. Просто потому, что забава безвредна.

Секс, особенно без проникновения, редкого для малышей (именно возраста, когда действия «не сознают»), опасности не таит. Игры на оживлённой улице не в пример опаснее. Ориентироваться в новой эротической игре ребёнок (играя в доктора

¹Отчитываясь о результатах исследований, МВД Великобритании призывало категорию согласия свести на категорию желания: «Согласием Oxford English Dictionary называется „изволение, разрешение, уступку предлагаемому либо желаемому другим“. Для согласия на чужие действия зрелое понимание таковых отнюдь необходимым условием не будет. Необходимым условием является только желание. Всё, на что соглашаются, в демократическом обществе допустимо. Когда закон отказывает согласию, то нуждается в пересмотре» [392, р. 5].

впервые) обязан отнюдь не больше взрослому (впервые пробующего «позу 69»). Угроза впечатления слабее предвиденного не повод ограждать от эротических экспериментов.

Если даже последствием устыжение ребёнка, то значит, что нужно бороться со стыдом и разоблачением, а не сексом.

Словом, отождествлять уступку сексу и подписание военного-брачного контракта неправомечно. Согласие на секс осмотрительности не требует. Интересам ребёнка не мешает. Притом искусственное сдерживание детского развития как раз мешает.

Проблема не: насколько дитя зрелое, чтобы соглашаться (такая псевдопроблема лишь отвлекающий манёвр²), а: насколько

²Отождествляется «зрелость» обычно с половой зрелостью, которая будто бы мерило когнитивной, эмоциональной зрелости. Но, возражают ЛГБТ-леваки, «возрасту согласия нельзя сводиться на зрелость, а зрелости — на половую зрелость. Это не конкретный возраст. Половое созревание занимает обширные сроки между 11 – 14 годами. Ровесники такого возраста могут очень отличаться. И соматического развития не достаточно без учёта форсирования социализации» (“Gay Left”).

Надо сказать, автор цитаты запутался. Половая зрелость, эта «функциональная способность размножаться» (Concise Oxford Dictionary), либо есть, либо нет. Следовательно, с определённым возрастом связана. Другое дело, вторичные половые признаки развиваются дольше. В течение «пубертатного периода».

Важно: случаи полового созревания 5–6-летних отнюдь не сопровождаются когнитивной, эмоциональной, социальной зрелостями [273].

«Форсирование социализации» совершается не при половом созревании, но во время подросткового возраста. «Промежуточного между детством и взрослостью» (Concise Oxford Dictionary). Если пубертат обосновывается феноменологически, понятие подрастания вовсе спекулятивно. Требуется определить и детство, и взрослость. Определяющими признаками можно по-пиажевски выставить умение справляться с идеями (сексологическими). Однако вопрос о допустимости педофилии тут ни при чём. Зрелость и сексологическая каша в голове совместимы. Но такое сочетание психически травмирует. Хотя говорят, якобы половозрелое дитя не может эмоционально справиться с этой

ко ребёнку хочется. Точнее, как узнать, хочется ли ребёнку. Чтобы всё было, как хочется ребёнку, важна сексуальная гласность общества. Не зрелости мало для половой жизни, наоборот, обрести зрелость свободное половое развитие поможет.

Однако незрелый как объяснит, если просто хотел подружиться, секса не хотел, а намёка не понял — отказать испугался? Чтоб этого не было, не лучше ли запрещение секса для всех?

Я так не думаю. Среди подзапретных окажутся хотящие. Немного труда спросить у ребёнка, доверяет ли. Привлекая к ответственности за нарушение детского желания — к уголовной, как и при запугивании наголо. Только чтобы достаточно было доказать секс, а не его нежелательность. Всё-таки чаще для соблюдения детского желания достаточно гражданского права.

Но разве нельзя манипулировать? Разве секспросвет опыту замена? До которого как узнать о неприятности манипулятора в постели?

Всё так, однако что для нас использование, то для сексуальносвободных народов обучение. Сексуальное манипулирование подобно школьной молитве: никто не беспокоится, что пред-

информацией, в действительности справляться приходится только тем, кто подрастает сексологически неграмотным. Возрастного криза подросток избежать может. Если живёт у народа, терпимого к добрачному сексу [111]. Насколько дитя младше, настолько легче ребёнку не делать из секса проблемы. Благодаря незрелости. Благодаря тому, что противосексуальная педагогика пока ребёнка не изуродовала.

писанная британскими законами религия школьнику не понравится, что понимать отличие меж англиканством и католичеством ещё ребёнок не созрел. Из-за противосексуальности религии такое манипулирование допускается. Хотя религиозное манипулирование куда страшнее сексуального: резня католиков и протестантов Ольстера — достаточный пример.

На самом деле, не всегда дето-взрослого секса можно добиться только манипулированием. И не всегда манипулируют именно взрослые. Но педоборцы, признавая процентишко манипулирования, заикнутся на любой к этому возможности. Задумываться не станут — объявят угрозу наилучшему обеспечению интересов ребёнка. Придётся мне тоже заикнуться на манипулировании. Правда, само слово ругательное. Предвзятой его коннотации подыграю настолько, насколько манипулирование способно быть эффективным. И не всегда притом эксплуататорским или нечестным.

Чтобы сексуально манипулировали младенцами, примеров мало. Разве что записи Эроара, придворного врача Генриха IV, про детство Людовика XIII Бурбона.

Принцу не было года — «смеётся, в полную силу лёгких: нянька двумя пальцами возбуждает петушок». Проказу грудничок очень скоро воспроизвёл.

«Дофин (которому одиннадцать месяцев) подзывает пажа и с возгласом „О!“ задирает рубашку, показывая де-

тородный орган».

К изумлению всех уже годовалым «он заставляет каждого целовать его туда», «дофину очень весело: заставляет каждого терebить свой петушок».

Первые три года никто не боялся принцева самообласкания.

«Маркиза де Верней часто запускала свою руку ему под платье; он хотел, чтобы его укладывали в кровать кормилицы и она играла с ним таким образом».

«Дофин сам ложится в постель рядом с няней и часто кладет её руку себе под курточку».

Удивительнее следующая запись Эроара:

«Раздетые догола, он и мадам (его сестра) ложатся в кровать к Королю. Они возятся, целуясь и щебеча, Королю очень нравится. Он спрашивает сына:

— Сын Мой, где приданое маленькой инфанты? (Людовик уже помолвлен с инфантой Испанской — Т. О'К.).

Тот показывает и говорит:

— Оно совсем без костей, Папа, — потом, когда

пенис напрягается, он добавляет: — А бывает с костями».

Эрекция принца завладела вниманием двора: «Проснулся в 08:00, позвал мадемуазель Бетузе и говорит: „Зезе, мой петушок, как подъёмный мост: вот он поднялся, а вот опустился“, — он его оттягивал то вверх, то вниз» [8, pp. 98 – 99].

Разбирая дневник Эроара, Ллойд де Мос обостряет указанное манипулирование до предела. Якобы полового чувства ребёнок и вовсе не знал. Половое чувство Людовика — нездоровая фантазия двора, «проективная реакция» Эроара.

Но доказано, что дети нешкольного — тем более младенческого! — возраста педофила возбуждают очень редкого. Поэтому куда любопытнее проективная реакция де Моса. Приписывающего такому большому числу людей одинаковые склонности, притом экзотичные. Самые редковстречающиеся половые девианты XVII столетия съезжаются во Францию и селятся во дворце Генриха IV все!

Конечно, возможны Эроаровы гиперболы. Но возможны также де Мосовы литоты. Отец психоистории боится манипулирования ребёнком, однако не видит от этого выгод. Игнорируя факт, усвоенный тысячами няnek и родителей: ревливого, кричащего карапуза можно расслабить, успокоить, удовлетворить,

ему потирая междуножье. Да, манипулируют и неясны мотивы, но кому от этого плохо?

Почему вдруг это вредно, безнравственно? Почему противоречие правам ребёнка? Разве недостаток интеллектуальной, эмоциональной и социальной зрелости — повод от этого воздержаться? Насколько важно, что малыш изображает удовольствие, прекращая плакать? Ребёнка не обманули. Не помешали дать отказ, если по реакциям его судят о степени его одобрения.

Разумеется, можно доласкать и до младенческого неприятия, поэтому только социальные табу, правовые санкции защитят. Однако драконтовщина не выход. Она продолжится подавлением и старших детей. Отравлением общества чувством вины за личную жизнь. Антисексуальной самсарою, взамен которой я предлагаю мокшу раскрепощения. Поменьше надо нуклерности в семьях. Поменьше монополии на воспитание. Поменьше на ребёнка должны влиять проективные реакции родителей.

Глупо бояться того, кто младенца возбуждает. Гораздо чаще встречаются те, кто детей бьёт. Проективные реакции воспитателей, учителей и родителей — оправдание телесному наказанию. Удивительно, с этим общество мирится. Ярые защитники детей от «сексуального насилия» возмущаются меньше всех.

Минуя младенчество, ребёнок угрожаем иными видами манипулирования. Владеющего речью подстерегает обман. Начиная сравнительно (хотя не полностью) безвредной идеею существования Деда Мороза, кончая разрушительной угрозой Ба-

баем. Сексуальные предрассудки тоже вредят. Половая сфера заражается ненужными таинственностью, мрачностью. За что вина возлагается на родителей. Внутриличностные конфликты, сексуальные комплексы заставляют их учить самозарождению ребёнка в капусте.

Если можно родителям обманывать, к этому способен и педофил. Такой себе Рустико способен измыслить асексуальную причину раздеться вместе с ребёнком и возбудить интерес, влечение. Это форменная манипуляция, пользование невежеством. Допустим, однако, что педофил не такой. И ребёнка на сексуальную забаву приглашает открыто. Оба противоположные подхода требуют участия, желания со стороны ребёнка. Даже нечестность удовольствию, расслаблению ребёнка не мешает. Зато подспорье неуверенному в себе педофилу.

Здесь если ребёнком и манипулируют, однако делают это любя. Ибо сколько верёвочке ни виться — пока малыш этого хочет — итог всё равно ребёнку приятен и безвреден.

Доброжелательно манипулируют и родители. За что родителей отнюдь не сажают. Даже манипуляторами не клеймят.

Нужно, бывает, угадать отдалённые пожелания ребёнка в ущерб сиюминутным. Например, обучая плаванью. Дитя может убегать от воды в слезах или сторониться глубины. Обманывая, суля золотые горы плавающим, изначально нежелаемое делают обольстительным. Родителю кажется, что ребёнок успокоится, поплывёт и насладится водой.

Что при здоровом уме родитель не сделает, это не станет утаскивать упирающегося шестилетку до бассейна, кидать на самую глубину. Любопытно, что даже такое произойди, возбуждать уголовное дело никто не станет. Хотя впечатления ребёнка не лучше, чем от изнасилования. Закона на такой именно случай не введут. Изощрённого расследования на предмет, имелось ли детское согласие на купание, не имело ли место манипулирование, не будет. Считается, намерения родителя благие.

Я не намекаю, чтобы нежеланием интима пренебрегали, как нежеланием купаться. Принимая во внимание, насколько детей учат опасаться секса, взрослый обязан уважать установки ребёнка. Со страхом и плаванья, и воды родителю считаться глупо. Со страхом, однако, секса педофил обязан считаться. Будь он из опасения, из недостатка влечения, по другой причине.

Разговаривая с мальчиками, я разницу между 12-летним и кем-то вдвое младшим осознаю. Мужского потенциала для манипулирования — что доброжелательного, что злонамеренного — недостаточно. К указанному возрасту ребёнок уже подкован. Сексуальную нравственность усвоил. Сексуальную забаву замаскировать асексуальной не получится. Мальчик уже слышан о педиках и предвидит общественную реакцию на то, чтобы с одним пойти.

И можно ли вообще манипулировать им? Если да, то трудно. В этом успешным останется толстокожий. Нормальные люди, будучи посланными, страдают. Чтобы снова попытаться пика-

пить, потребуется смелость. Истина в том, что мальчики 12-ти лет участвуют в гомосексуализме потому, что гомосексуализма хотят. Не желай они, то воспользуются любой возможностью увильнуть.

А чтобы знать, инициатива должна быть за педофилом. Все средства хороши, чтобы две стороны чувствовали себя не разделёнными барьерами. Что без участия младшего любовника не получится.

Знаю педофила, что долго добивался совместного с 14-летним «киносеанса». Ребёнок и вправду начал открыто мастурбировать. Однако мужчину не подпустил. Учтиво разъяснил: мужчинами не заинтересован.

Среди кружковцев или скаутов педофилу на должности возможности для продолжительного вхождения в доверие. Что занимает и месяцы, и годы. Педоотношения могут образоваться без инициативы взрослого. Который утаивается (по совести, благоразумию), пытается контактировать с детьми прилично.

Другие служебным положением и пользуются. Создают атмосферу фривольную, в которой совратить уместно. Бесчестным это было бы только в случае, когда прежде «совращения» ребёнок отвращён и вынужден отвращение преодолевать.

Это «совращение» мальчика в гомосятину, согласно Спейеровской комиссии на консультирование Нидерландского парламента, манипулированием разве что начинается. Чтобы до «совращения» дошло, постараться нужно мальчику.

Поскольку вместо «совращения» мальчика мужчиной речь о самосовращении мальчика при помощи мужчины, «часто вместо „совращения“ лучше говорить „инициация“, „сближение“» — целиком естественное, важное, «подобное соблазнению при гетеросексуализме. Порою с инициативы мальчика, но чаще — с обоюдной. Способ одеваться, выбор автомобиля — тоже совращение ценителей франтом, аналогичное наблюдаемому в дикой природе» [361].

По заключению Спейеровской комиссии, «ликвидируя все возможные совратительные ситуации, нравственности не крепим. Юным обоего пола важно сталкиваться, научиться с этими ситуациями справляться. Нормальное развитие подразумевает инициацию, контакт, экспериментирование».

Правда, девочка-подросток уязвимее. Поверит авторитету, зрелости, власти, ради которых и влечение простительно. Воспитана противосексуальной попсовой романтикой, готова поверить любви, поведётся доказать её сексом. Уже после понятно, что не любил, обманул, обесчестил.

Истинная проблема — безопытность. Будь у неё любовники с малолетства, не считала бы секс бесчестьем и манипулированию бы не верила. Сексуальное манипулирование порождается противосексуальной культурой.

В этой связи любопытно пособие [53] медикам в экспертизе деторастления.

«Если ребёнок отказывается проверяться, порою можно договориться либо выторговать (наверно, мешком конфет! — Т. О'К.). Успокаивать, откладывая проверку до следующего раза — по обстоятельствам. Иногда ничего не помогает. Дитя тогда доставляется в больницу, чтоб осматривать его под наркозом».

Согласие ребёнка получить настолько трудно!

Зато педофилы «жертву склоняют на сотрудничество, смирение ради половых отношений. Что достигается подкупом, участием, эмоциональной поддержкой, привязанностью, вниманием и развлечением. Но детский активный отказ и сопротивление педофилов отваживает. Поскольку силы не применяет. Его цель — отношения добровольные, контроль сексуальный».

Желание ребёнка вести личную жизнь оказывается циничной манипуляцией и подкупом. Хотя признаётся, что «в известном смысле к ребёнку педофил участлив и заботлив».

Когда дитя согласно, правила меняются, согласие не считается — игра в одни ворота.

Эта логика — деформированная из опасения властности. Обеспечивающего фразы вроде «контроля сексуального». Но коли стремление наше серьёзно понимать ребёнка непоказное, ребёнку следует иметь право выбора. Обладая возможностью

сказать да наравне с возможностью сказать нет. Без ограничения как антисексуального (родительского, церковного, подобного), так и просексуального (сверстниками, педофилами).

Глава 9

Всегда ли секс является сексуальным насилием

Страшна педофилия неравенством. Ибо взрослый крупнее, искущённее, богаче, солиднее, что преимущество, которое грозит эксплуатацией. Таковы лозунги феминисток: если мужчина сильнее женщины, то всегда насильник.

Не для любой, правда, женщины физическое превосходство мужчины составляет проблему. Слово даме:

«Секс у ребёнка со сверстниками списывается на любопытство, со взрослыми — на принуждение. Поскольку взрослому легче навредить, он интеллектуально-физически могущественнее. Но взрослому легче не только навредить, он и ребёнку даст больше сверстников. А если запрещать с теми, кто могущественнее, то придётся за-

претить и гетеросексуализм» [151].

Авторша за легализацию секса по желанию ребёнка.

В действительности первые, кто ребёнка принуждают — это родители. Вопреки феминизму, женщина не всегда жертва — с теми, кто слабее. Мама ребёнку препятствует, ущемляет его свободу, развиваться ребёнку не даёт, если даже взрослый. По Фрейду, кастрацией мальчика запугал отец, однако материнская кастрация — запрещение к себе прикасаться, что комплексы на всю жизнь. Это противосексуальное насилие.

Если родители не меньшие насильники, чем педофилы, то почему не запретили материнство? Если мама сильнее ребёнка, почему ж её не сажают?

А потому, что неравенство плохо не всегда. Ребёнку лучше неравенство, чем воспитываться ровесником или малолетней роженицей. Что мама крупнее, провоцирует злоупотребления (мама струсит отшлёпать малыша с неё размером), однако хорошего с неравенства больше, чем плохого (тем более когда государство шлёпанье запрещает). Не различием определяется, хорошо ли ребёнку с матерью.

Хорошо ли ребёнку с педофилом — тоже. Исключая сексуальный момент, отношения с педофилом эмоционально такие же, как с учителем или родителем. Ребёнок иногда любит романтически, но чаще (до пубертата) — сыновне или дочернему. Даже когда педофилу хочется серьёзных отноше-

ний, лучше подстроиться под установки ребёнка.

Чего нужно бояться при неравенстве, читаем у Джиллианы Ричард [325]:

«Секс у детей между собой — способ исследования мира без женских уловок или рабства у мужчины. Власть у детей в отношениях — игра во власть, эксплуатации в сексе пока не научены, равенства больше, чем у взрослых».

При всём её педоненавистничестве Ричард негодует:

«Без абсолютного раскрепощения сексуальности ребёнку плохо. Если даже пострадали при сексе со взрослым единицы, запрещать это нельзя. Всё равно что запретить автотранспорт из-за того, что дети попадают под колёса».

При ребёнке можно почувствовать себя спокойнее.

«Соглашусь я, что дето-взрослому сексу может и не хватать напряжённости. Дети менее скованы».

Чтобы не выставить автора своим единомышленником, уже доцитирую:

«Но хотя со взрослыми ребёнку не бóльшая проблема спать, нежели со сверстниками, проблема есть. При сексе дети сберегаются невинными. Не по причине, будто не

ведают, что творят, а поскольку не ведают, как управлять любовниками.

С опытом ясно, что секс — это не только лишь оргазм. Его сопровождают ухищрения (манипулирование, призывание, переключивание с больной головы на здоровую либо напористость), детям не понятные. Против обдуманного, рассчитанного секса не защитятся.

Кроме того, взрослые для них, особенно мужчины, целиком авторитеты. Дети должны соответствовать аппетитам старших, иначе будут наказаны. Размерами, экономически, социализацией, умением обращаться с людьми, половым опытом, оправданностью взаимных ожиданий взрослый и дитя не равны.

Как отсюда выйдут отношения равенства? Если даже выйдут, это будет не потому, что ситуация под контролем у ребёнка. А по милости взрослого. Который ребёнку власти не передал, а утвердил свою».

Начнём уже придирааться. Малолетние любовники детей не знают якобы «женских уловок или рабства у мужчины». Что называется «рабством у мужчины»? Разве неравный брак? Принуждение на секс? Эмоциональная зависимость?

Это вещи вовсе не сопоставимые. Без уточнения, кому и что с этого плохого, неясно.

«Женские уловки» понятнее. Стремление на себе женить, и чтоб обеспечивал. Для феминисток это путь никуда, как и для мужчины.

Зато ребёнку не грозит. Ибо к ответу призваны только взрослые. Дети тоже способны брать ответственность, однако подобная способность излишня для секса. Переспать — ещё не жениться¹.

Ребёнку для секса никакой способности к антиципации не надо. Единственное, что ребёнку следует (и под силу!) предусмотреть — это насколько будет ему приятно. Непредусмотренные пожизненные последствия разового наслаждения — миф. Наивного любовничка вкрадчивому взрослому не к чему обзывать. Ребёнка никто не потащит в ЗАГС. По закону после секса никто никому ничего не должен.

Но, возразят, отнюдь и далеко не всякое сексуальное макиавельянство направлено на брак. Даже без этого переспал — и придётся любить. Феминистки породы Суламифи Файрстон и Джиллианы Ричард устрашают «уязвимостью» перед половым

¹Не будет излишня только для мужчины, которого дожидаются брачные аферистки. Именно взрослых и надо беречь от секса. Именно взрослые, когда влюблены, не способны давать согласие. Не способны понять: их увлечение дамою мечтательно, недостаточно практично, чтобы на нём строить семью [96]. Для брака нужны специальные моральные качества. Понимание, что нужно распознать, останутся ли супруги подходящими друг другу, когда любовь уйдёт. Брак аналогичен уплате в рассрочку. Нельзя на неё подписаться до платёжеспособности. Что не достижимо без опыта пользования деньгами (без опыта полового в нашем случае). Недостаточная зрелость обернётся лишениями.

партнёром²

Некоторое собственничество неизбежно во взрослом сексе. Переспать и не завязать отношений нельзя. «С опытом ясно, что секс — это не только лишь оргазм».

Ричард, однако, не поняла, что дети не взрослые. Что так уловить малыша не получится. Мальчиколюбцу нет иллюзий, якобы любят его навсегда. Маленьким Ариелям удовольствие здесь и сейчас, однако скоро ребята предпочтут мужчине девочек. Попытайся педофил удержать их, останется один.

Можно возразить: а вдруг среди мальчиков окажется гомосексуалист? Которому серьёзных отношений и не хватает? Вдруг из-за недостатка любви ребёнку не хочется разрывать отношений с педофилом? Вдруг отроковица полюбила мужчину? Разве такие дети не уязвимы к махинациям?

Что ж, отчаянно влюблённое дитя впрямь уязвимо к эксплуатации. Ему хочется владеть. Если в сердце педофилу переменится, ребёнку придётся страдать. Но такая потребность — если к тому же сильная — в отношениях обязывает уважать эту

²Было время, когда с этой проблемой боролись. В 1960-е – начале 1970-х обострились идеалы свободной любви. Шла борьба со стыдливостью ради социализма тел. Человеку не должно никому принадлежать. Почему, спрашивалось, если секс, он обязательно с одним и на всю жизнь? Почему симпатию нельзя испытывать больше ни к кому?

Потому что взрослые так устроены. Некоторые широкие души чаяли доверия между людьми, когда поделиться женой ещё не значит её потерять. У некоторых это получилось. Другие побоялись, якобы найдутся циники, которым и все спальни раскрой, и зарезервировать любовника дай. Третьи поверили в идею, но чувство ревности заглушить не смогли. При том ещё надо как-то строить семью.

любовь. Кому дано ребёнка лишать и шанса на такое чувство? Даже страдания ребёнка не мрачны, а согреты надеждами на взаимность, оценку, новую жизнь.

Не хочу быть отцом, уничтожающим эту любовь. Не хочу сказать дочери в 13 лет:

— Что тебе, дура, в этом козле? Я знаю, чего хочет! Больше не увидишь его.

Увы, не диковинка такой апломб. Конечно, Миллеру с «Коварства и любви» не занимать остроумия. Но куда мудрее понять: у ребёнка тоже права. Особенно право на чувство. На воплощение и безответность любви, равно необходимые ребёнку.

Важно, что разбитое сердце грозит и ребёнку, не знавшему секса³.

Сравниваемому полярные персонажи — подбитого ветром и раба любви, — становится заметно: при педофилии старшая сторона пользуется властью не всегда. Кто правит, определяют обстоятельства, потребности сторон. В отношениях властью

³У меня приятель, Уильям, обожает рыбачить. Гетеросексуал, однако привлекательный. Проводил отпуск на Мальте. Ещё не прошла неделя, как его повадился навещать мальчик 9 – 10 лет. Шестую неделю Вильям удил, а мальчик его не покидал.

Когда было пора возвращаться в Англию, мальчик просился взять его с собой. Когда Билл объяснил, это невозможно, малыш умолял остаться. Была сцена слезливая, трагичная, аж истеричная. Такая бывает, если ребёнка суд отдаёт плохому родителю.

Билл остался потрясён. Не представлял себе, что мальчик его полюбил. Какие потребности мальчик удовлетворял у мужчины, только гадай. Ни секса, ни манипулирования между ними не было.

пользуется та сторона, которой отношения нужны меньше. Безразличная сторона (любимая, сексуальноудовлетворённая, задаренная со стороны, не поддавшаяся харизме партнёра) стоит у штурвала властной игры, особенно когда другая сторона влюблена.

Если обе стороны равно нуждаются друг в друге, политика запутывается. Диссимулируя чувство, можно манипулировать возлюбленным. Удивительно, результат определяется не возрастом. А характером интригана. Уже в четыре года можно становиться Меттернихом, разделять и властвовать в семье.

Каким образом осуществляется властная политика при педофильных отношениях, иллюстрирую примером. О случае знаю в подробностях. Они позволяют указать и на благодеяние, и на злоупотребление властью. Последнее причём осуществляла младшая сторона.

Педофил — именуем его Петром — одновременно высоко-нравственный и мягкосердый. Учительствуя, душою болеет за детские манеры. Далеко за классные стены разрослась его такая мания.

Эротически связанным с учениками стал неохотно. Неохотно как из-за высокого служебного положения, так из-за потери своего авторитета. Который и так оставался низок: из учителя можно вить верёвки. Но после секса помимо покладистости Петру мешала возможность шантажа.

Однако в рабстве Пётр оказался вне школы. На летние ка-

никулы сидел у пивнухи. На траве борются двое. Заметили заинтересованного Петра, подошли.

— Дайте, пожалуйста, только глотнуть.

Родителей не видать. Дал отхлебнуть и разговорились. Длинными летними днями десятилетнему Павлу с 11-летним Робертом ужасно скучно. С утра выгоняют из дому, давая карманные деньги на чипсы. До вечернего чая чтобы дома.

Стоило Петру сказать, якобы надо на канальное судно, дети стали туда проситься. Всё лето ребята на судне, в экспедициях на бассейны, по разным ярмаркам. Поручения, к примеру, красить, исполнены старательно, безо всякого толчка. К Петру с объятиями-поцелуйчиками на людях, аж неудобно.

За два дня понимает: эти мальчики с ним из-за напитков, мороженого, поездок. До дурноты переедая, запасают они золотые яйца, пока сказочная гусыня всё ещё не перестала нестись. Мальчики даже не поинтересуются, к чему дядька тратит и время, и деньги на них.

Неприятно думать, якобы заботишься ради влечения (наиболее к Павке — вертлявому вороному глисту с огромными карими глазами), но Петрова корысть ему со временем ясна. Мальчики пользуются Петром, а взамен одно только дразнящее рядомнахождение. С угощениями сдержаннее — чтобы не портить? Наめкая?

Однажды скупаются с Пашей, спрашивает его мнение, почему Пётр их опекает.

— Ну ты же хороший и нас любишь.

— А что... — запнулся Пётр, — если делаю так из-за большего. Чего-то, что даже хорошему человеку нравится, но все говорят, это гадость.

— Например?

— Трогать мальчишеские письки.

Павел остановился, заструившись огромными слезами.

— Что случилось? — словно Пётру непонятно, что случилось.

— Я думал, ты хороший, — Павка всхлипнул.

— Я надеюсь, что хороший, — у Петра заплетался язык. — Прости меня. Не думал, что ты расстроишься. Больше не буду об этом. Обещаю. Вытрись: люди заметят.

Получается, не просто так его называл папой? Мальчику не хватает отца — в ответ ему подозрения в лицемерии, притворстве. Кому теперь верить? Петро себя возненавидел.

Но только до следующего дня. Мальчики пришли, как обычно, весёлые.

— Ты вчера говорил, — начал Паша. — Сколько ты нам за это?

Петру хочется, но портить их деньгами?.. Хотя предложил не он, и Паша больше не расстроен. Оплакивал иллюзии недолго. За деньги мальчики позволили себя мастурбировать.

Роберта Петровы ласки оставляют бесстрастным. Петро возится с ним единственно ради Павки. Лишь однажды Роберт учинил приставание, лапая Петра в бассейне. Видимо, Роберту спокойнее возбуждаться не наедине с Петром.

На мастурбирование реагирует один Пашка. Хотя того же взрослому не хочется (разве просили показать эякуляцию), Павел аккомпанирует ему тереблению: «Вот так хорошо!» С Петром одному страшно: не было бы чего большего, чем онанизм.

Обновляется доверие. Пётр обещал однажды мороженое Павлу за хорошее поведение — вдвоём обещание сдержали.

— Ты никогда не обманываешь? — спросил Павел. — Если ты обещаешь, ты всегда делаешь?

— Пытаюсь.

— Мой папа никогда не держит слово.

Тогда Паша снова папкал. Стоит ли выходить за грань отцовства? Дети сексом тяготятся. Хуже всего подкуп. Не каким-то понуждением, ибо за 30 пенсов напрашиваются сами, хотя

могли бы заработать иначе. Хуже тем, что мальчики поняли свою власть.

Пётр им никто, что не всегда хорошо. Порой «наилучшее обеспечение интересов ребёнка» требует и строгости. Следует уважать авторитетные замечания, когда передают или выругали прохожую старушку.

Но какой авторитет и какое превосходство у педофила? Однажды Пётр отказался давать деньги. (Не за секс.) Посчитал, им очень много. В ответ Роберт и Павка выскочили с дому. Митинговали во дворе. В сторону Петрова жилища площадная брань. Скандирование: «Пётр — педераст!» Соседи заметят — Пётр в панике. Оставалось или рабство в пользу шантажистам, или полицейское вмешательство. Выйти разогнать оплеухами — лишь обострить ситуацию.

Это знакомо не одному педофилу. Многие сдавались. Но только не Пётр. Вышел, объявил, якобы шантажа не потерпит. Возьмёт и сам полицию вызовет. И как отреагируют Роберт-Павловы родители, когда правда выяснится полностью? Мальчики заявили, что Петро не посмеет.

Но блефа не было. Пётр искренне считал: эта власть над ним их погубит. Лучше тюрьма, нежели разложение мальчиков. Ребята поверили. Вошли в дом, успокоились и вернули кое-какой авторитет.

После такого потрясения Пётр оставил им свой дом открытым, однако половую связь оборвал. Не потому что секс — это

плохо. А потому что Роберт и Паша принимали заботу только либо по-видимому бескорыстной. Ребята нуждаются в отце, но не любовнике. После каникул он уделял им очень много внимания. Постоянными визитами Роберт и Павка мешали Петру готовиться к урокам. Но время находилось: Пётр учил их чему-то хорошему. Надеялся привить манеры, тактичность.

Бесполезно. Результат — уже летом. Они в парке на машине, притормозили возле местного мальчишка Роберт-Павловского возраста, спросили дорогу. Ребёнок ответил учтиво, заботливо, как оказалось, точно.

Стоило Петру поблагодарить и начать отъезжать, его питекантропы на заднем сидении кинули на прощанье:

— Нах иди, лошара!

Петра как ударили в живот. Неужели Роберт и Паша хотят остаться гадкими? Остановил авто, заставил извиниться, но без толку: день испорчен. Исправить их нельзя. Принять, какими есть, тоже. Пётр осознал, их больше не любит. Такие зехеры — навсегда. С камнем на сердце Пётр объявил Павлу и Роберту, что больше не желает их видеть.

После школы дети продолжали наведываться под его двери. Игнорируемыми стояли раз за разом. Нуждались в ком-то, кем Пётр уже не был.

История грустная. Живи Петро по закону РІЕ, жалоба на него довела бы до запрета поддерживать отношения. Его при-

мер иллюстрирует антипедофильские возражения многих обывателей. Но предлагаю забыть о проституции, сосредоточиться на вопросе власти. Показано примером: осуждение взрослого любовника по презумпции превосходства — пушло.

Мальчикам изначально — с угощения пивом и покупки для них кока-колы — Петро демонстрировал: об него можно вытирать ноги. На судне Пётр извозил их ещё задолго до того, как зашла речь о сексе. Петро стал от мальчиков зависим. Но на подарки мужчина детей подсадил. Теоретически Петро ситуацией управлял.

Властью Пётр и вправду воспользовался. Для секса. Демонстрируя тем ахиллесову пяту. Свою педофильную ориентацию. Отныне мальчики могли не просить, а требовать. Власть отошла к ним. Злоупотребили властью дети.

Вообще Петро пытался свою власть ограничивать. Обладая благами, недополученными детьми от родителей, он излишества не допускал, отчего страдал. Благородным оставался не всегда. Но благородным остался. Особенно прекратив эротические контакты. Альтруистично лишился половой жизни, чтобы вернуть себе власть, используемую ради детей.

Историю Петра прекрасно показано: что, во-первых, и педофил умеет обращаться властью во благо; во-вторых, эта власть при педофильных отношениях эротическую составляющую отношений затрагивает не всегда. Петро пользовался властью, чтобы Роберт и Паша стали хорошими. Мальчики пользовались

властью для вымогательства. Секс оставался только средством, и то не единственным.

Конечно, более циничному человеку шанс использовать его полностью. Однако взрослый не означает ещё властвующий. Если так и бывает, очень редко власть груба, как у шантажиста компромат. Чаще речь идёт о доминировании эмоциональном. Которое, чтобы быть прочным, и младшей стороне должно что-то давать.

После разбора власти в педофильных отношениях уже можем оценить атаки Джиллианы Ричард. Говоря, что для ребёнка «взрослые.., особенно мужчины, целиком авторитеты», что «дети должны соответствовать аппетитам старших, иначе будут наказаны», Ричард аж издевается над Петром. Будь он «авторитетом», ужели бы не заставил его мальчиков образцово себя вести? Обычно дети со взрослыми по-ричардовски. Именно поэтому Роберт и Паша во свои годы знали (от их гомофобов-родителей), что секс — это между мужчиной и женщиной. Что Петру, как педику, не полагается никакого авторитета.

У Паркера Россмана подчёркивается, что дети, спящие со взрослыми, видят себя более нужными, более могущественными. Чем в отношениях со взрослыми до того. Будучи обсасываему дядькой, мальчик «упивается пассивною ролью старшего, поскольку всю жизнь оставался в подчинении» [336, р. 150].

Ричард ещё забывает от младенчества присущее детям умение разделять и властвовать. Девочке мама не разрешает — она

бежит отпрашиваться к отцу, возвращается со словами: папа сказал, что можно. Единственное, что мешает этому приёму в половой жизни — что половая жизнь опаснее. Но что там опасного? Джиллиана Ричард устрашает «уязвимостью, беременностью», которые до подросткового возраста детям не страшны. Почти всегда при педофильных контактах опасностей нет.

Но всё равно педополитика может обеспечивать интересы сторон асимметрично. Бывает, одна сторона влюблена сильно, правда, (почти) только платонически, но всё равно занимается сексом. Случается, сексуальноозабоченное дитя домогается взрослого заботливого, но бесстрастного. Куда больше педоборцы боятся, что сексуальнобезразличному ребёнку приходится вознаграждать влекомого к нему взрослого за внимание, которого ребёнку недостаёт.

Михаил Ингрэм описывает эту ситуацию при мальчиколюбии. Не редкость, если «мальчика мужчина рисует необласканным. Дитя жмётся к мужчине, лезет обниматься, садится на колени. Привязанность и целование мальчику нравится, но секс инертно допускает из-за получаемой от взрослого любви» [206].

Для многих отдаваться ребёнку на мастурбирование ради заботы — кошмар. Видимо, под «сексуальной эксплуатацией» педоборцы подразумевают это. Дитя выторговывает объятия своими гениталиями, но другие, более ответственные взрослые готовы любить безвозмездно.

Феминистками так оплакивается бабья доля — постельная повинность денежному мешку. Педофил, однако, с ребёнком не настолько бездушен: чтобы пользоваться потребностью в любви, взрослый должен эту любовь испытывать. Эмоционально-тупому ребёнок не даст. По сути, ребёнку возможность устанавливать свои правила.

Ингрэм указывает, якобы дети при таких отношениях своё имеют. Я же могу добавить: и взрослые сексуальные отношения ничуть не лучше.

В оплате любви сексом отнюдь не секс — наиболее страшное. Наиболее страшное, что ребёнка недолюбили родители. Важно: для ребёнка педофил не проблема, но выход из проблемы. Педофил оказывается лучше родителей.

Если бы приняли законы RIE, какова на педофила при таких отношениях управа? Думаю, следует узнать у ребёнка, как ему чувствуется. Если младшему любовнику по-видимому секса не хочется, можно наложить судебный запрет. Притом если ребёнок хочет общения, дружбы с педофилом, оставить объятия-поцелуйчики. Избегая соблазна, педофилу следует общаться с ребёнком присматриваемому.

Эта программа может и не воплотиться. Суд определённого педофилу может не довериться. В крайности можно заслушать идеи другого решения проблем ребёнка.

Глава 10

Дети в порнографии

Страшнее педофильных отношений коммерческий секс. И действительно, по своему хотению поддерживать эмоциональную близость — одно, когда же прибыль — если даже не сутенёру, не родителям, а ребёнку — здесь эксплуатация, унижение.

Но всегда ли? Согласно Робину Лойду с Эн-Би-Си, мальчики на панель отправляются поразвлечься. Цитирует эксперта по лос-анджелесскому «бомонду»:

«Даже привлекая мальчика к реабилитации, мы нарвёмся на: „Гуляй, дядя. Моя задница — мой кайф“» [240, р. 178].

Было что сказать на бостонской конференции по мальчишколюбивости Ричарду Мак-Дугалу, в детстве продажному:

— Раскрепоститься, найти мужика малому больше ни-

как. Я в теме с девяти. И чтобы примандиться, надо было ходить по лавэ. Может, это и блядство, но сработало [383].

Кому-то покажется, что такое дитя подверглось унижениям, эксплуатации. Однако не ребёнку. У которого голова на плечах своя. И представления насчёт унижения-эксплуатации свои.

Что по-настоящему страшно, так это секс оплаченный и неприятный. Возможно, по принуждению жадного сводника. Но война против секса не выход. Выход — устранение бедности. Недаром эксплуатация расцвела в Англии при Виктории, в странах Третьего мира. Проституция порождается не вседозволенностью, но запретами. Энгельс отмечает, якобы ценой, которую викторианство заплатило за навязывание моногамии, стала популярность проституции. Общество сексуально раскрепощённое побуждает искать ласку бесплатную.

Правда, педоистерия зациклилась не на проституции. СМИ всегда тянется к ужасам. Особенно на тему половую. Особенно при поддержке сексборок Юдианны Дэнсн-Гёба с Марией Уайтхаус.

Передовица майского “Chicago Tribune” за 1977 год — образец. Заголовка «Нездоровье на продажу» достаточно, чтобы превкусать свалку прилагательных. На целые четыре колонки. На целые четыре выпуска.

«Из 260 порножурналов Америки глядят улыбчивые, но

не безвинные дети. Вовлечённые в извращения на любой вкус.

Книжные вертушки порнопритонов усеяны руководствами педоликаперам и кровосмесителям, откровениями развратного детобойца.

Покупайте также фильмы, до которых и кинохорору далеко. Порноактёры развлекаются со взрослыми, с детьми, будучи 3 – 13-летними».

Слово, конечно же, доктору Дэнсн-Гёба:

«Дети обращены в развалины. Душевно, духовно мертвы».

Журналисты не задумываются, отчего порномодели улыбки. Также не сказано, сколь «откровения развратного детобойца» нередки в изданиях à la “Fogum”. Детобойца не смакующего, но встревоженного.

Лицемерно клеймить «развратного детобойца» родителям, отнюдь не брезгующим ремнём. Нельзя забывать, что шлёпающему родителю наслаждение сексуальное. Вследствие проигрывания травмы. Которую получили наказываясь в детстве за сексуальные игры. (Теория Столлера.)

Иррациональная половая тема делает апломб и маразм уместными. «Не безвинные дети»? А чего журналист ожидал, если

детям половое чувство присуще? «Извращения», «порнопритоны» — такие ругательства содержательного ничего не говорят. Точнее, говорят об авторском ханжестве.

Дэнсн-Гёба пытается перещегоолять журналиста в идиотизме. Фраза: «духовно мертвы» — сапоги всмятку. Объявление кого-нибудь «духовномёртвым» порноборка должна предварить инструкциями насчёт экспертизы духа на предмет его умерлости. Что вообще называется «духом»? Если псих(олог)ическое здоровье, то секс ему не вредит. Слишком уже прислушиваются ко всяким всяким док.-д.-гёбам.

Заполонившим американские газеты в 1977 году. Лавиной газетного порноборчества спровоцирован оползень Олимпа законодательных органов. Устрашённая РИЕ-пиаром, знамя подхватила Британия. Позорное первенство — за “Daily Mirror’ом”. После него британская журналистика погружается в истерию вся. Обострение — законопроекты Кирилла Давыда Таунсенда 1978 года.

Но как-то не заметили, что, во-первых, когда нужно, закон и так не молчал; во-вторых, детского хардкора на Британии не производят.

МВД знало, «смеялось в ус». Поддержало Таунсенда подписей уайтхаусовцев больше миллиона. Через голову парламента правительство законопроект, однако, не приняло. Зато парламент одобрил и без обсуждения с палатой Общин.

Что, спрашивается, за проблема такая, ради которой изош-

рение законодательства необходимо? Неужто вредоносность порнографии так очевидна? Сразу признаюсь, я разделяю беспокойство по поводу порноэксплуатации. Поэтому предлагаю бороться с эксплуатацией. А не с детским откровенным искусством.

Разница прояснима через этимологию. «Πόρνος» по-гречески «распутник». Поэтому все слова того же корня применимы к изображению секса непутного. Вроде сцен изнасилования в «Соломенных псах» или демонстрации женщины мужской игрушкой. Изображение секса прекрасного, счастливого не то же самое. Требуется именованная другая. Откровенное, но не порнографическое произведение называем «эротическим искусством».

Размежевание между путным и непутным очень субъективно. Но обществу, здортво смотрящему на секс, оно необходимо. Стыдиться надо секса не всякого. Показывать детей обнажённых и получающих удовольствие — это не порнография. Уже говорили, что настраивание ребёнка противу секса не приводит ни к чему хорошему. Детским эротическим искусством оздоровить общество реально.

После разграничения делить откровенное искусство на хардкор и «мягкую порнографию» неактуально. Такая классификация распространена среди властей. Она держится не демонстрации секса хорошей или плохой. А демонстрации допустимо плохой и незаконно плохой. Дополнительное различие лиш-

нее. Не служит индикатором искусства. Лишь индикатором оценщика.

Возражения против эроискусства, что детского, что взрослого, возможны двойкие: возражения насчёт ущерба потребителям эроискусства, возражения насчёт ущерба изготвителям эроискусства.

Обычно эроборцы беспокоятся за потребителя. Лишь недавно, потрясённые детским эроискусством, они переключились на производителя. Разумеется, не без участия к малолетним эроактёрам. Которое, всё же, фальшиво. Порчу потребителей эроискусства лорды Лонгфорды доказать не могут. Зато когда кажется, что могут, они скачут от восторга. Мнимый ущерб от эроискусства ребёнку порноборцу в радость.

Хотя по закону Про печатные непристойности (1959) судьи вынуждены с каждой книжкой, каждой газетной вырезкой, каждой картинкой возиться подолгу, как оцениваема степень ущербности читателю-зрителю, так и не договорились.

Если даже выяснится, что такие публикации разотляют общественную мораль (что, по мне, только хорошо), запретам оправдания нет. Никакому гражданину не хочется, чтобы морализаторство навязывали законодательно. Хочется ли человеку быть (без)нравственным, это государства не касается.

Зато касается, насколько порнография провоцирует половые преступления — тут исследования проводились, однако негодные. Даже когда профинансированы президентом США [5].

Недавний труд Айзенка [117] — другое дело. Стремясь к ясности, сделано различие по типам откровенного искусства, по типам его потребителей. Хотя президентская комиссия не находит угрозы порновидцам, Айзенк утверждает, якобы лютые виды порнографии вредят.

Зато «хорошая порнография» (эроискусство) безвредна. Даже лечебна. Мой опыт и меня склоняет к этому выводу. При том что Айзенка держатся порноборцы.

Надо заметить, что в Дании цензуру целиком отменили. После чего дотошные наблюдатели заявляют, якобы половые преступления (включая развратные действия с детьми) редуют [117, р. 121]. На тему жарко спорили, но с какой ни смотри колокольни, датчане сексуальными маньяками не стали.

На каком основании тогда делить откровенное искусство на «хорошее» и «плохое»? На том именно, на каком и мы делим его на эро- и порнографию. Произведение плохое, непутное, порнографичное только когда побуждает к унижению, враждебности в отношении объекта влечения.

Айзенк указывает образец обратного:

«Откровенность романа „Фанни Хилл“ — это предел мечтаний. Половые сношения во всеобразии поз; обилие до-, внебрачного секса; беспорядочные, „противоестественные“ занятия — всё в подробностях. Настроение книги радостное. Женские персонажи мужскими не унижены.

Юмор здоровый». В случае постановки «доказательствами вредности не располагаем. Наоборот, имеются свидетельства, что на отношение к противоположному полу влияние предвидится благотворное».

Но современные фильмы не благотворного десятка:

«Даже без явно жестоких сцен (изнасилования, побоев или субординации) общее настроение женоненавистническое. Женщина показана рабом. Эксплуатируема. От наслаждений отчуждаема. Большинство героев измазывают её лицо, груди семенем — явное унижение. Достоинно замечания, что многие случаи сексуального насилия кончаются по-порнушному. Пачканьем жертвы семенем или мочой».

Вывод:

«Откровенность „Фанни Хилл“ откровенности жёсткой порнографии равна. Разница в контексте. Просексуальном, пролюбовном и проженском или антиженском, антилюбовном и даже антисексуальном (поскольку при сексе подразумевается сотрудничество)» [117, pp. 258 – 259].

В отношении детских эро-порнографии влияния предвижу те же. Деликатно показывать сотрудничество наслаждающихся

детей — это воспитывать у читателя-зрителя столь же деликатно-сотрудничьи установки. Лютые сцены воспитают обратное. Особенно когда читатель-зритель предрасположен.

Однако порноборцы боятся привыкания. Эроискусство мастурбанту приедается. Начинает искать порнуху пожестче. И конца-края тому не будет.

“The Guardian” [294] уже запаниковала:

«Юдифь Райсман, огайский исследователь СМИ, встревожена склонностью ‘The Sun’ читателя возбуждать. Медленно приучая к инцесту, педофилии, сексуальному насилию. Приучая не горстку читателей, а генеральную совокупность:... „Воспитание педофилии в адресатах СМИ“ клонит уже к педосадизму».

Райсман опасается, что лавина журналов à la “Forum”, объявляющих инцест о-кейным, увеличивает и тиражи “Playboy”, “Penthouse”, этим воспользующихся. Тогда начнётся.

В действительности, судя по “News of the World”, описывающему меня, СМИ к педофилии точно не приучают.

Но д. п. н. Михаил Эптер из Университета Кардиффа подтверждает: «Эволюция в садиста, по М. Эптеру, возможна благодаря „феномену привыкания“ к дозволенному. Нарушение полового табу даёт ощущение вины, бес-

покойство. Возбуждение становится сильнее. Угнетённость с одной стороны, возбуждение — с другой — оба толкают к насилию. Позволяющему себе (вообразить) жестокости, необходимы соответствующие чувства. Т. е., враждебность».

Что тут скажешь? Необходимые для жестокости беспокойство с ощущением вины вовсе не возникнут, если никому не нужные табу списать.

«От виноватости к ненависти. Которой у современного хардкора хватает. Райсман описывает вывороченные груди, пыточные сцены — произведения легальны. . . Южноамериканские фильмы демонстрируют увечья, казни. . . Райсман и детскому сексу прочит аналогичное».

Публикация неслабая. Садистами рискует остаться «генеральная совокупность». Не бойтесь ли Вы, Читатель, Себя? Не только какие-нибудь извращенцы станут изуверами, но также Вы.

Мне кажется, теория привыкания права наполовину.

Зная свою реакцию на картинки, разделяемую многими моими педофильными приятелями, привыкание допускаю. Впервые получив изображения мальчиков ню, возбудился сильно. Постепенно примелькались. Стало хотеться чего-то серьёзного.

Изображения мастурбируемых и обсасываемых истонное возбуждение реанимировали. Но даже к этому привык. Очередная встряска была вызвана картинками с анальным у мальчиков сексом. Любопытно, что коитуса хочу только на картинке.

Не представляю, чем ещё можно меня возбудить, однако точно не жестокостями. Почему «точно»? Садомазохистская взрослая порнография мне не понравилась. Эрография взрослая несадомазохистская мне чуть понравилась. Поэтому детское садомазохистское порно даст отклик аналогичный. Даже более сильный, учитывая неприятие нравственное.

Но не все такие, как я. Некоторые к изуверству предрасположены. Кажется, рынок изуверства существует. И даже затронул детей. На плёнке детского страдания не видел, однако соответствующую короткую прозу читал. Не возбуждаясь.

Поэтому теория привыкания несостоятельна. Якобы попала на глаза фотографированная задница — станешь серийным убийцей! Поэтому свободы допускать нельзя. Порнодельцы побудят испытать всё запретное. Каждому вытеснить есть что. Если не педо-, то хотя б инцестофилию.

Глупо спорить, что вытесненные желания распространены. Что порнография с эроискусством осознанию помогают. Но много чего следует учесть.

Во-первых, откровенное искусство действует избирательно. БДСМ-ные фильмы ценимы только гурманами. Гея порноактриса гетерастом не сделает. Гетеросексуала же гомоэротикой

не возбудить.

Апокалипсические картины миллионов, увлекаемых эрографией в преисподнюю, — ложь. Надо различать отдельные виды произведений, отдельные виды потребителей. Предлагаю забыть об эроискусстве, поощряющем инцест и педофилию. Вместо чего сосредоточиться на стимулах, оправданно предосудительных. Побуждающих изувествовать. К этому виду порнографии Райсманова теория применима. Привыкание происходит, однако направляется потребительскими наклонностями. Думаю, меня поддержит Айзенк.

Поэтому зрителей опасаться надо не всех. А только предрасположенных. Не садомазохистов, соглашающихся на понарошное «принуждение», но возбуждающихся враждебностью, жестокостью. Будь таковая к мужчинам или женщинам, или даже к детям, это не важно. Если цензура допустима (таки допустима), то должна бороться не против обожания конкретного пола либо возраста, но против его силования.

В-третьих, осуществимо также контрпривыкание. Через эроискусство, побуждающее проявлять сексуальность во благо. Что также может не сознаваться по причине ложной табуированности. Выходит, эроискусство — локомотив сексуальной революции. Свободолюбивому дерзать оно лучше всего помогает: сила примера.

Детским эропроизведениям я обязан. С открытиями Форда, Бича, Кинси наравне. Мне всегда трудно давалась противная

моему воспитанию вера в детскую сексуальность. Её разведал интеллектуально, хотя поверил исключительно через эрографию. Чтобы поверить в эрекцию пятилетнего, надо было видеть фотографию. Чтобы поверить, якобы секс этого возраста возможен, это тоже надо было видеть.

Не было нападения на ребёнка по схеме “S — R”. Переменная “V” присутствовала. Эрография подействовала не рефлексивно — мировоззренчески. Не побудила, но показала возможности.

Сексуальнопросветительская функция эроискусства наравне с терапевтической устраняет Эптеровы возражения. Чувствовать себя виновату можно без эрографии, но не с ней.

Но феминистки рядить эрографиста сексреволюционером отказываются. Порнография, наоборот, имеющиеся гендерные роли закрепляет. Поддерживается взаимоотношениями капитализма. Откровенные произведения даже реакционны, раз апеллируют к антицензурщине 1960-х годов.

Всё же феминистки противятся эрографии не все. Вот интервью прославленной Жермен Грир:

«— Вы работаете редактором европейского порножурнала ‘SUCK’. Для предводительницы британского феминизма должность неожиданная. Американские женозащитники порнографических издательств избегают. Ваша работа на ‘SUCK’ Вашим идеалам противоречит?»

— Для меня противоречия нет. ‘SUCK’ не порнографический, как это понимают американцы. Это не подобие ‘SCREW’, а я не подобие Голдстина. Издание ‘SCREW’ — садистское. Полностью мужское. Женщину выставляющее мясом на скотобойне. Эроса нет — это так по-американски. ‘SUCK’ же — другое. Идеология ‘SUCK’ противится закрытости, собственничеству, силе, подчинению. Мы за наслаждение» [95].

Грир ещё написала редакторскую колонку “SUCK”:

«Мы вдохновлены раскрепощением. Тактика — сопротивление цензуре. Кажется, что цели политические. Но в действительности затрагивают и социнституты негосударственные. Западные половые нормы собственнические, захватнические, эксплуататорские. Секс объявляется завоеванием и демонстрацией могущества. Могущества мужнина, сутенёрского, глиномесного. Право сильного как естественный закон. Отсюда боль естественна — наслаждение противоестественно. Боль неудовлетворённости, безласки, фрустрации, неведения, вытеснения, контрреволюционности, ненависти сексуальность отравила. Любимое должны разрушать. Мордование сексуальности выражается цензурой. Которая изо всего, в чём оно выражается, одна затронула политику. Поэтому

бороться с нею возможно. В этом освобождение. Разорвать уродующие нашу сексуальность пелёнки — такова предпосылка свободы, роста» [173].

Проблеме доминирования лучше выделить отдельную главу. Пока же проблему поищем в эрографии. Феминистки боятся разжалования в вещь.

Женоненавистники феминисток уже совсем окружили. Сызмала воспитывают оправдывать ожидания. А «порнография» — только для мужчин. Утверждает эксплуататорский аттитюд. «Порногерой» активен, а «порногероиня» — лишь даёт. В лучшем случае. Сусанна Браунмиллер объявила [51], словно порнофобия женщин объяснима не консервативностью.

Просто «нутром ощущают отчуждение тела. Демонстрируемого, высмеиваемого, пользующего мужское тщеславие. Которое питается доминированием. Над анонимными куклами, дегуманизированными, расходованными, выброшенными».

Для Браунмиллер онанировать на «порно» прям изнасиловать. Успокаивая совесть идеею, будто всё понарошку. Женщина, показанная вещью, становится жертвою зрителя. Поэтому «порнография» не раскрепощение, но порабощение.

«Хардкор — это не освобождение. А триумф эксплуатации. Женская сексуальность и женщина вываливаются в грязи».

Жертве порнодиффамации, конечно, сочувствую. Но чтобы воспевать изнасилование, пассивной героини мало. Анти(гетеро)сексуальные феминистки пассивную роль удовольствию противопоставляют. Кроме того, замалчивают порнографию с дамами «сверху». Такую многочисленную, что не заметить нужно постараться.

Конечно, промужского взгляда в откровенном искусстве хватает. Но всегда ли уменьшительно-ласкательные прозвища — фамильярность? Всегда ли фамильярность враждебна? Разные читатели-зрители дадут ответ разный. В меру своего темперамента, воспитания. Если голая модель пассивно раздвигает ноги, насмешкой это сочтёт единственно насмешливый.

По сути, Браунмиллер ужасается не картинке, но зрителям. Хотя вопреки феминизму, мужчина мужчине рознь. Показать женщину голой ещё не призыв к унижению. Разве пассивные модели Рубенса предназначены для диффамации женского пола? Если да, то голые модели Микеланджело теперь унижение пола мужского? Наверное, нет. Важна не тема произведения, но зрительские установки.

Которые благодит эрография. Половина 256 студентов у Мошера добивались женщин эксплуататорскими приёмами вро-

де применения силы, опьянения, симуляции любви. Но спустя две недели после просмотра эрофильмов их установки стали к женщинам участливее [5, р. 240].

С чем я согласен, это с обращением эро- и порноактёра в вещь. «Вещь», по словарю Даля, — «в обширном смысле, всё что доступно чувствам». В откровенном искусстве взывают к чувствам особым. Сквозь призму которых изображаемого человека видно не всего. Не потребитель ограниченный, а просто соблюдается жанровая чистота.

«Мы находимся в обществе предельной специализации. Людьми пользуемся, как вещами. Для скуплящегося продавец — аналог банкомата. Для пассажира машинист — это придаток к машины. Что человек является вещью, не страшно. Страшна возможность распоряжаться чужою жизнью. Включая жизнь эмоциональную, половую. Что женину, что потребительскую, что жертвы насилия» [33, pp. 16-20].

Кажущийся вещью не обязательно понижен. Ведь отвлечься можно от качеств отрицательных. Разве подросток, украшая стену плакатами, рок-музыкантов унижает?

Музыканты, конечно, показаны не полностью. Картинка не человек. Это вещь для возбуждения. Для поклонения, которого, возможно, не достоин оригинал.

Разве отношения модели со зрителем — эксплуатация? Вдовствующему хочется видеть портрет его жены — разве тут унижение? Для него жена — вещь?

Ещё Браунмиллер опасается мужского контроля, выражаемого бесцеремонностью с порногероинями. Рациональное зерно в опасениях есть. Но контролирующему женщин эрографию смотреть незачем. Зато подростку трахаться запрещают, интроверт наладить сношения стесняется, старика никто не хочет. Это люди, которые женщин уважать готовы. Картинки смотрят не потому, что хотят от женщины только секса.

Эти соображения применимы больше всего к педофилам. Изоляция закреплена законодательно. Я с друзьями ребёнка пассивною вещью не желаю. Наоборот, изображаемые должны быть возбуждены, деятельны. Детские персонажи действительно таковы. Что речь о персонажах эроискусства, не следствие педофильной ограниченности. Я предпочту лучшее. Полнометражное кино на большом экране с фабулой и глубиной образов, актёрской игрой и пр.

Качественные работы даже появлялись. Но не стараниями хулителей убожества. Замечательна книга »Zeig Mal!« [245]. Адресована детям и родителям, очень много фотографий. С изображением отроков и малышей за разнообразными половыми занятиями. Комментируемые на различные темы вроде дифференциальной анатомии, процедур обрезания, мастурбации, секса, родов и выкармливания. Короче, сексологический букварь.

Доктору Ларри Константину, доцентствующему в Тафте, консультирующему в больнице Бостона, принадлежит и рецензия

на »Zeig Mal!«:

«Прекрасная книга, новое слово, наглядные картинки с детьми разного возраста, разной половой деятельности» [71].

Правда, фрейдистика с мачизмом отдают нафталином, однако в целом отлично. Поскольку предлагают эротичность, теплоту, позитив.

«Даже шестилетняя дочка подметила недостатки. Но всё равно: „Это меня заводит!“ Очень важно, чтобы детям имелся доступ к эротизму. Не деформированному СМИ. Телевидение набалтывает откровенности с насилием и подаёт эту кислятину навязчиво, противно, нелепо. Дети нуждаются в их собственной эротической литературе. Наглядной, откровенной, непосредственной, природной, чувственной, бесконфликтной» [72].

Разумеется, даже солнечный эротизм »Zeig Mal!« обгадили порноборцы. Публикация февральского «Таймса» (1978) пришла ко второму чтению закона Про защиту детства. Юдианна Дэнсн-Гёба взяла книгу за пример.

Видимо, не так уж эроискусство враждебно женскому полу, когда «заводится» даже шестилетняя. Недаром исследования, подтверждающего, дескать, эроискусство на детей влияет, отец её никакого не находит [72]. Хотя справедливо замечает:

«В конце концов эти вопросы сводятся ко внутреннему (не)приятию секса. Доступа к естественной, здоровой эротике детям очень мало. Извращённость, низкопробность, дегуманизация, отличающие современную порнографию, — лишь издержки квазизаконности. Если секс упрятывать перестанут, откровенность увяжут со здоровой нежностью, впустивши на детские книжки-передачки, то некачественная порнография никому не будет нужна».

Правда, за порно-эрозрителя стали беспокоиться меньше. Всё внимание переключили на малолетнего порно-эроактёра. На Западе секс у детей за рамками, у взрослых — за закрытыми дверями. Следовательно, «детская порнография» видится нарушением естественного хода вещей, с которого ничего хорошего.

Но коль исходить из аксиомы, что в детской сексуальности ничего страшного, то категоричности не будет. Запечатление секса на плёнке степень его вредности-полезности меняет? Почему секс интимен? Хуже ли при зрителях? При камере? Присущи ли заснятому сексу вредность, эксплуатация, как в проституции? Если да, что за вред? Как его мерить?

Новизна темы не дала времени, мотивации к исследованиям. Глупо де финансировать научную работу по вредности ножевых ранений. Но на «духовномёртвость» всё равно поло-

житься нельзя.

Рассказывают, якобы малолетние порнозвёзды находят ужасную гибель. Пройдя все круги сексуальных и несексуальных издевательств. Обозреватели “Daily Mirror” отсылают к обнаружению в Лос-Анджелесе «пакетов на куче мусора, в которых измученные девятилетние расчленены. . . Многие подозреваются задействованными в производстве порно». Не забыли фильм якобы хьюстонского производства, в котором «убивают ребёнка при жутком половом обряде» (1977).

Одна бабка сказала, что развита торговля детьми. Подкупленными, забитыми, похищенными, проданными. Мексиканчики снимаются в Калифорнии, даже Массачусетсе. Внутри США ввели детскую таможню. Для девочек такая давно.

Конечно, выпасающему-забивающему детей степень их охотливости безразлична. Такая жуть — настоящее принуждение. Которое де приносит миллионы. Если всё правда, чтобы мордовать ребёнка ради денег, иметь сердце невозможно. Но выявлено, что далеко не всякая продукция выпущена рабовладельцами. Даже в США, где порнухой особенно пугают. Согласно Робину Лойду [240, chh. 7 – 8], многое делают любители, которые мотивированы неэкономически. На снимках их малолетние друзья. Которых обожают и которыми гордятся. Снимки любители передают издателям и распространителям. На продукции дети показывают удовольствие.

Покупая (до принятия Child Protection Act) картинки с детьми,

всегда брал изображающие детское наслаждение. Но что в голове фотографированных, обычно понять невозможно.

Улыбающиеся личика однозначны. Но порой изображена хмурость — это камера поймала сосредоточенный оргазм. Детей журналы с фильмами часто показывают активными. Без участия взрослых. Как если бы камера застала ребят за вольной эротической игрой. Внушается, что обоюдное мастурбирование с обсасыванием отнюдь не расстраивается присутствием камеры. Правда тут или пытаются глушить покупательскую совесть, неизвестно. Только расследование каждого произведения с опросом участников даст ответ. Я лично расспрашивал эроактёров-детей и знаю надёжные подробности. Выяснилось, что снимал «энтузиаст-аматор», а его «работою» дети наслаждались.

Предполагаю, спектр актёрской мотивации широк. Начиная принуждением и кончая влечением. (Которое, правда, не влияет на желание публичности.) Спектр ещё возможен экономический. От эксплуатации (когда прибыль идёт изготовителю-распространителю) до честности (знаю эродельца, который прибыль от продажи передаёт эроактёрам-детям целиком).

Потребители детоэротики следуют совести покупая готовое. Однако законодатцы должны зло предупреждать. Поэтому в избежание принуждения-эксплуатации лучше запретить откровенное искусство совсем.

Последствия такая политика возымеет и неуместные. Неслу-

чайно противники детской эротики поголовно противятся также сексу гомосексуальному, внебрачному. Это враги либеральности, желающие государство соединить с церковью. Лютые каратели всякого диссидентства. Которые борются за «нравственное здоровье» (всех, кроме себя), не замечая противоречия такого здоровью псих(олог)ическому (вследствие половой неудовлетворённости). Будто бы людей, а наиболее малолетних, обязательно надо держать сексологически безграмотными, чтобы себя своими чувствами не портили.

Мне верится в иной путь. Намеченный Л. Константином:

«Даже защитив естественноправовые претензии детей, от съёмок их отнюдь не отвадим. Но к закону съёмки станут ещё более дружественными. Нежелающие сниматься родителями принуждаться не будут. Подобно неэротическим актёрам сегодня. Излишества порнографии вроде похищений, эксплуатации, насилия — лишь издержки незаконности. Кто беспокоится за детей по-настоящему, должен обратить внимание на снимающихся по своему желанию. Когда ревизия возможна, сниматься по беспризорности либо родительской тирании перестанут» [72].

Константину не нравится незаконность. Но проблема также в прибыльности. Государственная поддержка детских эро-съёмок ограничиваться ревизией не должна. Госсектор этого

бизнеса любительские детопорносъёмки сделает убыточными. Совет искусства Великобритании может учредить гранты для малолетних эроактёров. Соответственно толковому предложению Национального секулярного совета по поводу детского трудового законодательства [282].

Возможна также минимальная зарплата детям, имеющим удобный случай остаться звёздами. Ближайший аналог этому — феномен Татум О'Нил, Джоди Фостер, Бурк Шилдс.

Ничего страшного, коль честно признать понарошность секса. Искусство хорошее, когда влияет отнюдь не на артиста, но на зрителя. Играя Ромео и Джульетту быть влюблёнными необязательно. Неискренняя любовь чувства не оскорбляет.

Как и неискреннее влечение не оскорбление сексу. Главное, чтобы детям участвовать нравилось. Чтобы были вознаграждены. Для меня лучший эрофильм ожидается не настолько натуральным, как дешёвые поделки. Зато наполнен увлекательными сюжетными линиями, красивыми диалогами, прекрасной актёрской игрой.

Чем актёра легче взволновать, нежели зрителя, так это возможностью шантажа. 12-летнему любимчику камеры всегда риск изменить отношение по взрослению. Когда боящемуся женщиной реакции придётся платить шантажисту. Это возражение выдвигаемо противу детской сексуальности вообще. Но запечатление на плёнке вооружает ещё больше.

Подобно прочим «опасностям» педофилии, данная сводит-

ся к совестливости. Выходом является поощрение социума, где добровольная половая деятельность с чувством вины не связана. И лучше всего такое достижимо свободным эротическим искусством.

Глава 11

Начало британского педорадикализма

О «совращении» детей и взрослых «извращениях» у британцев известно давно. Но только в 1970-е годы научились слову «педофилия». Термин эксгумировали с медицинских учебников и применили для крестового похода.

«Педофилию» разеркламировали в августе-сентябре 1977 года, когда внимание прессы было приковано к активности Биржи педофильной информации (PIE). Что педофильская группа способна существовать, едва ли кому приходило в голову. А как иначе: PIE ни численностью (тогда 250 человек), ни давностью (основана в октябре 1974 года), ни рациональностью (что видно после пиар-кампании 1977 года) не вышла.

Поэтому долгие месяцы PIE была неизвестна также мне. В

конце концов я узнал про группу «Педофильская либерализационная деятельность» (PAL), позднее слившуюся с PLE. Тогда пресса замалчивала существование педолеваков — единственными, кто знал о педофильских организациях оставались одни только гомосексуальные сплетники, группы, издательства¹.

Но ведь я к обществу геев не принадлежал. Разве только приятель однажды затащил меня на ЛГБТ-съезд. Это была разовая вылазка на другую планету. Я оказался во Фронте освобождения геев (GLF), что, не в пример уравновешенности «Кампании за гей-равенство» (СНЕ), проповедовал экстравагантность. Порхали дивные, смелые, цветастые травести. Бороды не были просто растительностью на лице, но служили «последним бастионом для мужского шовинизма». Царила театральность.

Однако сколько цирком я ни наслаждался, всё равно оставался чужим. При всём обожании Квентина Криспа ни травести, ни геем себя не считал. Для меня возвращаться среди GLF'вцев — это чаёвничать с Марией Уайтхаус.

Найти дорогу в едва рождённую педофильскую субкультуру помог случай. Я тогда редактировал “Open House”, издаваемый Открытым университетом. Решил осветить одно меро-

¹В ранние 1970-е годы гомосексуальное восстание против устоявшейся традиции нравов, агитация на гоморадикальные дебаты неизбежно (что видно в наше время) должны были поднять и вопрос о возрасте согласия. Неудивительно, что педогруппы представлены в основном мальчиколюбцами. Хоть это не представительно педофильному миру.

приятие Женской университетской ассоциации — собрание, посвящённое гомосексуальности. Двое из университетского штата саморазоблачили гомосексуалами. Председатель университетского совета Фредерик Уонер якобы рассвирепел. (Потом из-за него меня также сократили с должности представителя университета по связям с общественностью вследствие моей связи с PLE.) Когда в газету готовил отчёт об этом, я перед гомосексуальными коллегами тоже саморазоблачился. Так и направили меня к PAL и PLE. В последнюю группу вступил в мае 1975 года.

Тюю же весной мне довелось оказаться на нескольких съездах PAL — ответвления Южнолондонской секции GLF. Я тогда только познакомился с педофилами. Седьмое небо, новый мир. Утопия, где неназываемое высказано и воспето. Братство людей, ошеломляюще непохожих. Что одеждою, что манерами, что говором. Представители разнообразнейших общественных слоёв: и морской офицер, и механик, и соцработник, и специалист по биомедицинским аппаратам, и высокопоставленное лицо, и водитель автобуса, и директор интерната.

Всё же многословия, GLF'вщины оказалось уж очень много. Однажды передовица "Sunday People" была посвящена PAL. Ославленные педофилы подверглись угрозам, увольнялись. Пока PAL'евцы были деморализованы, если не парализованы, PLE получалось оставаться на плаву. Лично меня недолгое пребывание в PAL одарило многим. Я получил и друзей, и надежду. Однако после газетной известности вся надежда была только

на PLE.

Как и PAL, PLE — детище гомосексуального движения середины 1970-х. Вдохновлённый идеализмом и чувством справедливости, побуждённый общественной реакцией на «половые девиации», PLE придумал Михайло Гэнсон. Это студент-гей Эдинбурга, изначально председатель PLE. Он и педофилом-то не был, однако мимолётные шашни со мнимым 16-летней его заставили задуматься.

Вначале PLE была спецгруппой Шотландской ассоциации меньшинств (это теперь уже Шотландская группа по правам гомосексуалистов), однако после стала востребована в Англии. Центр организации перенесли в Лондон. Спустя год ей отыскался новый председатель.

Ему, Кейту Хоузу, тогда было 23. Как и зачинатели PAL, он имел связи с Южнолондонской секцией GLF. У которой учился. В дискредитации семьи GLF'вцы давно держались Энгельса. Ещё до Хоуза немало GLF'вцев одобрило снятие возраста согласия. Их юноши даже на такую тему митинговали.

Но также немало GLF'вцев оппонировало педофилии. Якобы мальчиков опускают до женской, унижительной роли. Всё же Хоуз у GLF учился не теории, но действию. Например, если гомосексуалиста подвергали дискриминации в кабаке, GLF'вцы шли туда занимать места. Их иногда местные гетерасты встречали с уважением. «Драгорадикализм» оставался более колоритной акцией. Когда надевают одежду в эксцентричных со-

четаниях. Например, бучевые шахтёрские сапоги при фэмовой пернатой шляпке. Это вызов обычаям и модным, и полоролевым.

Также Кейту мечталось об обществе, где старший ещё не значит главный. Изначально программа РІЕ не включала равноправия детей и взрослых. В ней обозначалось:

- различными методами, включая популяризацию социологической, естественнонаучной и прочей информации, разрушить антипедофильские мифы;
- помочь и советом, и консультацией любому гонимому за педофильную сексориентацию;
- оказать юридическое пособие после секса с ребёнком по желанию ребёнка;
- пропагандировать, насколько возможно, признание педофильных отношений обществом и государством;
- педофилов обеспечивать общением друг с другом.

В марте 1975 года, посещая собрание РІЕ в Эдинбурге, на котором эти положения приняли, Кейт ещё настоял на пункте:

- в итоге всему перечисленному надеемся на смену отношения к детям.

Не большое, но важное ударение.

После журналистского разгрома PAl активистов убавилось. Политика нам оставалась агрессивная.

«Последнею возможностью сохраниться для PLE была слава любой ценой. При бесславии мы не сдадимся, но будем отчаянно сопротивляться. Только солидаризация педофилов у нас, осуществимая средствами печати при гласности, прозрачности. Педофилия должна выйти в люди, стать объектом обсуждения» (отчёт председателя PLE за 1975 – 1976 годы).

Но прославиться нам оказалось трудно. Долго наши пресс-релизы попадали во Флит-стритовы мусорники. Пользовала нас одна лишь «альтернативная» периодика. Но PLE давала про себя знать иначе. Особенно в 1975 году, когда Кейтом оказался визит ежегодному съезду СНЕ в Шеффилде. “The Guardian” его страстную речь описал пространно. В том же году посещена Кейтом и конференция «Майнда» — благотворительной организации, покровительствующей душевнобольным.

Там именно Хоуз услышал идею, что PLE должна проводить агитацию Комиссии на пересмотр уголовного права при МВД Великобритании. Кейт и тут поспел. Сочинил и выслал обсуждавшийся в середине книги семистраничный документ. Не располагая даже временем на исследования. Всё равно министру внутренних дел Рою Дженкинсу не довелось остаться

безразличным. Его впечатление (степень его поддержки, всё ж осталась неизвестна) подытожено словами:

— Но это же, чёрт подери, невозможно!

Максимум ударения P1E ставила на пиар-кампанию, на выпуск и рекламу крамольным изданиям вроде “Evidence on the Age of Consent”. Но не забывала целей, ею декларированных. Мы советовали, давали правовую поддержку педофилам. Помогали переписываться друг с другом.

Словом, являли собою группу взаимопомощи. Как общество страдающих избыточным весом, анонимных алкоголиков. Только наше понимание взаимопомощи было другим. Друг другу педофилы не помогают измениться по вкусам общества. А помогают уцелеть во враждебном обществе. Не стыдятся и не сводя счёты с жизнью, чего от нас ожидают. Затравленные, пристыженные педофилы расслабляются, веселеют оказываясь со своими. Научившимися бороться с депрессией при репрессиях.

Насколько ж у нас это получилось?

Подобно P1L’овским, и наши лондонские съезды привечали людей с их проблемами. Но лучше всего для этого наша Contact Page. Видно по названию, что данная периодика содержит объявления для педофилов. Объявляться можно было по указанию индивидуального номера, приблизительного местожительства,

половых, общих интересов. Письма на объявления мы брали с абонентного ящика сами. Сами рассылали адресатам.

Конечно, требовалась осторожность. Знакомили педофилов именно друг с другом, а не с детьми. Приходилось ещё пресекать обмен эротикой. Поскольку “News of the World” не дремали. Вот что процитировали:

«№273. Энергичный и среднего возраста мужчина, прямодушный и рассудительный. Люблю мальчиков 8 – 15 лет и то, как они одеваются. Интересы: плаванье. У кого такие же интересы, пишите. . .

№390. Мужчина. Интересы — школьники с 12 до 16, носящие футбольные трусы либо вельветовые брюки. Познакомился бы с молодым человеком 20 – 30 лет, имеющим аналогичные интересы. Лондонский юго-запад, Суррей. . .

№379. Мужчина. Люблю девочек 6 – 13 лет. Хочу переписываться-встретиться с обладателями таких же хобби: музыка, мода, звукооператорское дело, спорт, фотография, танцы, чтение, кино. Блэкпул. . .

№373. Мужчина, врач. Сочиняю. Собираю фото с девочками в трусиках и мальчиками без оных. Пообщаюсь с мужчинами, женщинами подобных интересов. Отвечу на все письма. Сообразителен. Беркшир, Рединг. . .

№401. Англиканский священник с Южного Лондона. Очень хочу познакомиться с другими педофилами, помогать им».

Мы не пытались учитывать адресантов-адресатов, однако допускаю, их 80% P1E'шников. Первые месяцы переписывался сам.

Ни малочисленные встречи, ни поддержание переписки нельзя назвать ерундой. На встречи врагами засылались шпионы, переписка была провозглашена «заговором против общественной нравственности». Множество групп отправляет аналогичные функции — без проблем. Не было бы проблем и нам, если бы не наша бескомпромиссная пиар-кампания.

(Юридическая) Консультация хоть и безнаказанней, однако, странно, никому не пригодилась. Из десятков ежедневных эпистол, если редкая просила консультации, то достаточно было пустячной. Оказывается, педофилу нужен педофил, а не наёмный эксперт.

Но не без исключений. Умный юноша, выпускник университета Кембриджа, несколько лет учительского стажа — но как ему быть, не знает. Боялся проблем от мальчиков. Спрашивал, идти ли по совету врача на курс аверсивной терапии. Я распинался перед юношею часами. Ознакомил его с мучительностью процедуры, с её неэффективностью. Объективности ради зарисовал ему тюремные тяготы педофилов.

Казалось, он ожидал совета. Тренированный ум его не мог

отыскать трудных решений. Даже не совета, но приказа. Я мог ему предложить одно только рефлексирование моего неприятия к «лечению». Спросил его, насколько педофильная сексориентация кажется важной частью души. Проснувшись однажды женолюбом, он обрадуется, расстроится? Останется тем же человеком или почувствует: ампутирована часть его души? Нечто дорогое, позволяющее себя чувствовать собой?

Ужасно, но парень оказался несознательным. Иначе бы все не задумывался насчёт аверсивной терапии. Не думаю, что сумел убедить его, не думаю, что должен был. Лечился ли он? По крайней мере, на четыре года сел.

Вообразите мои впечатления. Если бы поддержал я советливого доктора, что было бы? Написал ему, предложил увидеться. Оказалось, его семья за ним ухаживает и сам он устроился в тюремной библиотеке. Сочиняя роман, ещё рецензирует одного старинного поэта.

Я не виню себя в его заключении. Но видно, насколько педолеваку не под силу советовать. Подталкивая парня к исполнению врачебных указаний, я попал бы пальцем в небо.

Юридическая помощь ещё скромнее, потому спокойнее. Обычно хватает отсылки к отличному, терпимому солиситору. На педосудилицах это дефицит. Хороших адвокатов у нас много. Когда худо переходит в ещё хуже, мы ходим и пишем в тюрьмы. Это лучшее, что можно сделать заключённым. Собираемся такую деятельность организовать лучше.

Уже показано, где наша пиар-кампания мешает отправлять иные функции. Особенно велика помеха PИE'шным изданиям. Исконному помойному, с неразличимыми буквами Newsletter'у в 1976 году суждено было переродиться в амбициозный “Understanding Paedophilia” (UP). Видно по названию, что журнал есть витрина PИE с педофилией в целом. Предназначался для магазинного сбыта, бесплатного распространения среди PИE'шников.

На бумаге высокого качества, стильный и привлекательный UP — детище только первого лондонского PИE'шника Уоррена Миддлтона. Возиться с изданием исполкому PИE (там я с 1976 года) было некогда. Разве только задним числом обсудить, отчего на журнале мальчик, а не девочка.

Да, картинки были, но вызвали раскол. Я не полностью, но противился Миддлону. Для него UP — чисто наставническая, высококультурная, благородная периодика. С отрывками художественной и научной литератур. Всё, сочинённое талантливыми писателями, толковыми психологами, чтобы подтвердить уважение к педолюбви. Физиологические подробности свести к минимуму: возвышенные речи гадостями не засорять. По мне, Миддтон этим играет на руку предрассудкам — общественным, антисексуальным.

Я, наоборот, указывал: оплачивая значительные взносы (тогда £5), PИE'шники получают одну только Contact Page. На что-то надо подсадить их и в случае чего надеяться на под-

писку. А на что можно посадить наших? Без умничанья журнал, естественно, не обойдётся. Но журнал-то для нас, а не для педоборческого мира. Читатели должны быть удовлетворены до предела, ещё дозволенного законом. Можно сделать аналог “Forum’a”, публиковать читательские письма. Найти место для эротических литературы-фотографии (тогда законом она притеснялась меньше). Почему нет? Целям отделения совести от личной жизни лучше всего соответствует эротическое искусство.

Когда Миддлтон отошёл от дел, UP эволюционировал в издание MagP1E (сокращение magazine of P1E). Это версия компромисса между витринностью и “Forum’ностью”, что притягателен и без откровенностей. Новости, обзор изданий и фильмов о педофильских и детских правах, интеллектуальные статьи, фотографии детей одетыми, юмор (да, педофильский юмор), эпистолы, тексты P1E’шников.

До 1977 года вовне P1E выпускали ещё “Childhood Rights”, их правил Давыд. Позднее Давыд ушёл, и теме прав ребёнка больше посвятили MagP1E.

И насколько P1E себя оправдала? Два письма, напечатанные в MagP1E, отражают антагонизм P1E-пиарщиков и P1E-взаимопомощников. Сперва письмо пессимистичное.

«Вопреки моему желанию пришлось осознать, что в P1E делать нечего. Я думал, организация мне будет искать

одинаковых со мною друзей. Я действительно получил и свободу высказаться, и человеческую поддержку, покой.

Но теперь я не чувствую ни свободы высказаться (вместо неё необходимость убеждать общество), ни покоя (рискую больше, чем до пиар-кампании).

Думаю, так и должно было произойти после событий 1977 года. Несмотря на проявленное пропагандистами мужество, несмотря на борьбу за публичность общественное мнение только удалилось от истины.

В итоге незачем оставаться РІЕ'шником. Я противился такому решению, поскольку лучшие мои друзья — в РІЕ. Я сполна наслаждался их обществом и не сомневаюсь: от ухода потеряю больше, чем они».

Нож в сердце. Я не мог оставить это письмо без пространной отповеди в MagРІЕ. Но другое письмо делится не такими выводами.

«Вчера выводил я моль и наткнулся на членский билет РІЕ. Как и банковское сальдо, вот-вот просрочится. Это навело меня на мысли, что же мне дал год в РІЕ.

Ясно что: целую кучу друзей-педофилов. Ощущение безопасности. Отсутствие страха, что кто-то разнюхает. Это настолько прекрасно, что без примера не пояснить.

Недели назад я подписался на ‘Boys International’. Три дня спустя получил один экземпляр издания. Плюс иллюстрированную рекламу других изданий, подписной бланк, уже с моим именем-адресом. ‘Boys...’ я задвинул в ящике, занялся рекламой. Спустя пару минут стучат в дверь. Прячу всё в диван, иду ктокать. Про свою корреспонденцию больше не вспоминал.

Тогда вечером я сидел и пил кофей. Внезапно неизвестные двое врываются в дом и выносят диван. А в нём и книжку, и рекламу, и подписной бланк. Оказывается, сожитель эту мебель продал и новую купил. Меня предупредить запамятовал. Тому год назад я бы бежал за грузовиком, умоляя назад „инкриминирующие материалы“. Но теперь я покатывался на полу со смеху, воображая ханжу, вычищающую „кошмар“ изнутри дивана.

О чём это говорит, и судить не берусь. Но когда не струшу влюбиться — попаду за решётку, то не останусь один. Об этом я не мог и мечтать год назад» (MagP1E №7).

P1E способна помочь, если педофил имеет потенциал к аналогичному расположению духа. Желаю надеяться, что несмотря на трудности, таких у нас много.

Глава 12

Большой взрыв

Стюарту Генри при всём его сочувствии [195] доводится признать: из-за наших усилий «обсуждение педофильского вопроса задержано на десятилетие минимум» (“New Society”, 1978). Такие же мысли мне вкладывал, если не вдалбливал, один учёный на конференции Британского психологического сообщества (БПС) по любви-влечению в Суонси.

— Да кем себя возомнили? — взъярился профессор. —
Новым мессией?

Учёный предвкушал академическую тусовку, величавые беседы; хотел объявить новое, грамотное слово по педофилии, детской сексуальности; надеялся на бесстрастное сомнение коллег. А кто против? Доклад его полностью совпадал со взгля-

дами моими¹. Аккуратно посеянные семена педорадикализма ждала благоприятная почва, чтобы плодоносить и распространяться дальше.

Увы! На конференцию прибыл я, десятками привлекая за собою блокноты, микрофоны, телекамеры, желающие зрелища нового мученика либо демона. Но не хотел я ни того, ни второго. Не хотел и вовсе никакого внимания. По крайней мере, не вопреки вниманию к педофилии. (Его без этого нашествия, правда, ждали бы до морковкина заговения. Только жаль, что журналистская бестактность испортила мероприятие.)

На вопрос яростного профессора, чем я думал, ответа не знал. Я, как и все РІЕ'шники, не думал, а только смутно, безрассудно, нерелексированно надеялся. Если кто даже задумывался, то не пытался научиться на примерах истории. Мы просто вставали, говоря во всеуслышанье: надоело прятаться, притворяться, просить извинения за наши глубочайшие чувства, достойные не лечения, но возвышенного проявления!

Чему вообще могла научить история? Что всё новое, сулившее поразить общество, неизбежно навлекало на себя насилие. Сначала христиане были затравлены львами, но потом они сами затравливали Галилея. А как обращались с Дарвиным и Марксом? Иллюзиями РІЕ не баловались. Даже без исторических исследований, интуитивно понятно, что Марксовы лавры

¹На то время, сентябрь 1977 года, был уже РІЕ-председателем.

улыбаются не нам — останемся мы Толпадльскими мучениками. Мы знали: социальные слои придётся раздраконить все. Вешая на себя мишень и расхаживая по тире, мы поступали нерационально, безумно, но по-другому нельзя.

Конечно, фатализма не было. Вступающему в PIE, мне пришлось окунуться в атмосферу, сказать, юношеского максимализма. Его нагнетали с подачи Кейта Хоуза, перенимая стиль GLF'вцев. Что голубых общество не принимало, было заметно. Но не менее заметно, чем успехи борьбы с этим отрицанием. Через акции GLF: устранение застенчивости, саморазоблачение, опознавательные знаки, митинги, сидячие демонстрации, борьбу противу незаконных увольнений. Но Хоузу, мне да, по большому счёту, PIE верилось в осторожность и хитрость. Так и выходило поначалу. Можно было равняться на солидную неприметную группу «Олбани Траст», образованную притворными гетеросексуалами на ласковую пропаганду и фабианское лоббирование. Их усилия действительно возымели результат: англичанам-валлийцам уже можно не только с англичанками-валлийками.

Впрочем, интригантского геморроя мы не хотели. Притворяться десятилетиями, веками!? Это было не для нас. Мы наивно хотели совместить эксгибиционизм и скрытность. Думали манипулировать органами власти, шокируя при том обывателей.

Начали бодрую дипломатическую переписку. С этой же Лондонской службой по делам условноосуждённых. На правах общества взаимопомощи согласны де принимать условников-педофилов, ибо кому лучше нас их понять, ободрить и проконсультировать? Правда, нашу пропагандистскую функцию пришлось утаить, однако шила в мешке... Получили краткий и резкий отказ. Увы, мы больше не могли прикрываться взаимопомощью — по глупости, недосугу, бесславию.

Настоящей ошибкою была другая. Врагов ожидали только с открытым забралом. Мы знали, что широкие массы верующих охотно поддерживают Уайтхаусово лобби. Знали, что простые люди беспокоятся за детей, озлобятся, разумные доводы слушать откажутся. Знали, что журналисты страху народа подыграют. Знали, что даже просвещённые классы разделят, а то поощрят обывательскую реакцию. Но мы при том ожидали найти хотя бы кого-нибудь открытого для новых идей. Откуда мы знали, что “The Guardian” окажется не лучше “News of the World”? Что выразителю взглядов интеллигенции, либеральной интеллигенции, предстоит опуститься до ранга прессы бульварной?

Мы не предвидели то, как интеллигентные широкомыслящие люди превратятся во взвинченных и дальше своего носа не видящих обывателей. В образованном уме так обманулись. Не только церковно-судебные фанатики действуют иррационально. Конечно, такая же борьба, но за что-нибудь иное, расчёт

оправдает: либералы сочувственны даже к Ирландской республиканской армии². Что не мешает, однако, порицать и варварство Наколенников, и страдания детей, оказавшихся на пути пуль, осколков и ненависти.

Насилие националистов ужасно, но допустимо. Любить ребёнка не применяя силы — конец света! Либералы почему-то спокойно говорят о зверствах ИРА, но не способны сохранить уравновешенность обсуждая педофилию.

Хороший образец — один администратор Открытого университета. За плечами Лондонский экономинститут. Социалист, очень умный. Может обсуждать религию, политику, сексэтику. Но педофилия... Сказав ему, что принадлежу к РІЕ, лишил его дара речи — буквально. Казалось, если задержится мозг его на такой теме, то перегреется, разлетится на куски. Замечательный интеллект остался нефункциональным, а выдавал апоплексическую тарабарщину.

Но собака лает, а ветер носит. Кровь из носу нужна была пиар-кампания в СМИ. Заверениями никого не убаюкивать. Педоэмансипация либо смерть! Решительному девизу незамечену не быть, и придётся-таки проблему рассматривать. Надо грести на разверстые штормовые пучины, пользоваться вёслами нашей аргументации, рискуя быть смыту бездною безработицы, пр. репрессий.

²Я не говорю, что всякое сочувствие к ИРА неуместно: пытки, применяемые к пленным террористам, оправдать невозможно.

Лишь искренними мы переживём изначальное неприятие. Народ удивится нашему самоубийству, станет искать объяснение, пока не поймёт истинные наши намерения. Скрипя мозгами, «либеральные» грамотеи получают фору от обслуживающей их администраторши, хвастающей интрижками сыночка с какою-нибудь знаменитостью.

Только публичность! Это настроение разделял я, Хоуз, исполком РІЕ. Сделать РІЕ тайным обществом я не позволил. Поскольку со службы на “Leicester Mercury” знал я все журналистские хитрости. Словно два пальца: мероприятие — пресс-релиз — шумиха.

Так я связывал Открытый университет с общественностью: бери трубку, звони на Флит-Стрит или настрочи про нововведения ВУЗа — раз! — это в утреннем “Guardian” или “Daily Telegraph”, или Приложении к “Times” о состоянии высшего образования. Дела настолько большой организации — автоматически новости, которые ни скрыть, ни проигнорировать.

Это сработало на пользу многим пиарщикам, если пресса хотя б элементарно доброжелательна. Но мы того не дождались. До моего влияния на РІЕ, правда, кой-какая публичность имела. Однако самое главное (наши предложения по поводу возраста согласия) “The Guardian” утаил. Весь 1976 с половиною год о существовании РІЕ пресса молчала. Пресс-релизы с итогами немаловажных опросов, осуществлённых у РІЕ’шников, отосланы полтора года редакциям и притом агентству Пресс

Ассосиэйшн. Кое-что сказали в “New Society” и “The Doctor”, кое-что — в «альтернативных» и считанных провинциальных изданиях — и всё! Сколько ни гнался за телепрограммами вроде “World In Action”, “This Week”, “Tonight”, никакой обещаемой ими «реальной возможности» не добился.

Разумеется, только тогда на нас обратили внимание, когда нам это мешало.

Стараниями Кейта Хоуза на симпозиуме «Майнда» по секс-меньшинствам удалось-таки наладить отношения с уважаемым, опытным и сильным «Олбани Трастом». В 1976 году PAL и PIE были приглашены на составление брошюры-катехизиса по педофилии, который «Олбани траст» опубликует.

Вот оно, счастье! Хоуз, я и представитель «Олбани Траста» на сочинение потратили год. После разбирали каждое слово с их администрацией. Хотя на съезде всех олбани-трастовцев этого решения не приняли, дело шло к изданию брошюры ими.

Внезапно Мария Констанция Уайтхаус, *deus ex machina*, выступила в прессе. Оказывается, госказна кривыми путями финансирует «педофильские группировки». ОТ-расты же, субсидированные государством, и сами такие группировки «поддерживают».

Конечно, всё неправда, но для Уайтхаус это важно? От «Олбани Траста» мы ни копейки не видали. Даже наоборот: сотрудничали мы совершенно бесплатно, следовательно, поддерживали не нас, а мы. Правда ничего не спасла. «Олбани Траст»

умыли руки. Для печати наша работа недостаточно, дескать, «объективна». Даже так они не выкрутились: в парламенте сэру Бернарду Брейну давали пережёвывать эту проблему год. Несмотря на заверения министра внутренних дел Иоанна Брайнмора, что нету никаких улик о передаче РІЕ денег, издания “The Guardian” и “The Times” в 1978 году бросили на вентилятор очередную кучку амбры.

После, в мае 1977 года, новый удар. В образе пяти колонок “The Guardian” от Фомы Крэбтри. Статья про нас — отрви да брось. Мы приободрились, ожидая после привлечения на РІЕ внимания, что нас поймут. Но доброго слова так и не слышали. Лжелиберальные “Gardian’ята” показали гадкими нас (по их мнению) и себя (по мнению Совета по печати). В этой статье РІЕ — целая ложка, которую Крэбтри призывает «выйти к открытому месту честно себя защищать». Словно мы добиваемся противоположного! У нас интервью никто не брал, и несмотря на все письма, звонки на редакцию, себя защищать они не дали.

До декабря 1977 года, когда “The Guardian” стал обесславлен, это была капля в море всех изданий, успешно нами привлечённых к ответственности перед Советом по печати. Ещё десяток организаций и личностей, если было время с деньгами, мы небезуспешно засудили.

До конца лета 1977 года вдруг одно на другое наложилось и последствия дало самые драматичные. Из-за чего мне припи-

сали некую макиавельянскую гениальность. Всего-то:

- PИE'шники собираются в отель,
- ежегодная конференция «Кампании за гей-равенство» (СНЕ),
- в Суонси конференция БПС «Любовь и влечение»,
- публичное собрание PИE в Конвэй-холле, Лондон.

Первое мероприятие секретарь PИE Давыд определил на 1 сентября. Долго переписывался с Эдуардом Бронгерсмой — известнейшим педофильским экспертом, адвокатом и депутатом Нидерландского сената. Давыд ожидал Эдуардова сентябрьского турне по Британии. Бронгерсма готовился выступлением открыть СНЕ'шную конференцию, на ней ещё вести педосимпозиум, оказаться на конференции БПС. Может, он и выступит у PИE'шников?

Бронгерсма Давыду не отказал. Ради такого собрания мы забронировали гостиницу, напечатали билеты (£1½ штука), полтораста которых отослали потенциально заинтересованным организациям: информационным, благотворительным («Майнду»), правозащитным (Нацсовету борьбы за гражданские права). Изначально всё делали ради прессы, но в “Time Out” и “New Society” дали рекламу также всем желающим. Бланки резервирования мы получали заполненными да немало. Газеты масштаба “Times” обещали прийти.

Но сладко хватили — горько слизнули. Мы прославились и распродали билеты сильно рано. Джерарду Кэмпу было время проинтервьюировать Давыда, напечатав о РІЕ статью в “Daily Telegraph”. Это было 23 марта, которое перевернуло нашу судьбу.

Сама публикация стращала «сравнительно скрытной организацией», называющейся Биржей педофильной информации, базирующейся по фальшивым адресам. Подробно разоблачены наши махинации с источниками финансирования. За уши припрянули то, что мы в сговоре с «Олбани Тростом», — Уайтхаус на заметку.

Зато беспрецедентно, честно, пространно дали высказаться Давыду. Я догадывался, что Кэмп и читатели будут ошарашены Давыдом. 73 года, магистр Уодема, служивый Валлийского гвардейского полка, в 1926 – 1928 гг. помощником у комиссара нигерийской колонии. Не желторотый учащийся бунтарёныш, а дедушка солидный, с удивительными убеждениями.

Но ближе к делу. Безвременная статья была замечена. Вся Флит Стрит устремила за “Daily Telegraph”. На следующие сутки провинциальные, национальные редакции держали меня на проводе 15 часов. И столько ж ещё день.

Пресса взорвалась. Первая полоса “The Daily Mirror” — ужасстики типа Роудс Бойсон, озаглавленные «Детством в непотребстве», предварённые редакторскими пожеланиями нам «залезть обратно под камень». Прочие газеты — та же песня. Неко-

торые затравили гостиницу, забронированную нами на 1 сентября. Участвовала не только пресса: директору заведения пообещали выбить окна, сжечь отель, а самому грозили смертью. Это мне сообщили работники гостиницы.

Неудивительно, что заведение нам отказало. Наутро “Daily Mirror” открывалась заголовком «Взашей!» Говорилось, якобы персонал отеля забастовал — отель отказался взять £1500 за продажу билетов.

Мы были выставлены, когда мы ждали гостей. До 1 сентября всего неделя. Недрёманным оком общественности наше мероприятие сглазили. Но при первом же препятствии не хотелось отступить под камень. Атмосферу гостиницы мы больше нигде не воспроизвели. Тамошние звонили в актовые залы вузов, однако безуспешно. Уходили бесценные дни. Наконец, уговорили сочувственного священника, чтобы выделил. . . церковь.

28 августа “Sunday Mirror” уже знали, что РІЕ «упрямится проповедовать отвратительные свои взгляды» в ином и неизвестном помещении. «Несмотря на препятствия, — цитировали меня, — своё первое публичное собрание мы таки проведём!» Хотя мы стояли горой, однако мероприятие пришлось отсрочить. Вдобавок от уделения нам убежища того священника рассоветовал епископ Труро³.

³Не принадлежа к епархии Труро, священник ему подчинялся как председателю комитета Англиканской церкви.

В РЕ'шные с прессой отношения вышеозначенная публикация "Sunday Mirror" ввела новшество. Объявила войну против нашей занятости:

«Работодатели Тома О'Кэрролла в Открытом университете сказали, что личное время работников их якобы не касается. Однако педофильная деятельность О'Кэрролла будет обсуждаться после возвращения с отпуска. Мы заявляем: этого мало. Его следует уволить немедленно».

За что? Обоснования нет. Впечатление, что праведному гневу народа быть утолимым единственно тогда, когда мне плохо. А качественно ли мной исполняются служебные обязанности, неважно. Если Национальному союзу журналистов охота пригласить у себя "Sunday Mirror'вцев", то зря. Кодекс НСЖ гласит:

«журналисту запрещено создавать материалы, поощряющие дискриминирование по национальности, полу, воззрениям или сексуальной ориентации».

Двумя днями ранее чуть, именно чуть утончённее стало нападение на казначея РЕ Карла. "Daily Telegraph" объявила: «Детосексуальщика подпустили к детям». Газета не поленилась отследить его до места работы. Администрирует, оказывается, в службе по делам молодёжи. Муниципальная казна, Гальбэнкфонд — оба держат её зависимыми.

Начальству соцслужбы хватило смелости не плясать под журналистскую дудку. Хотя наказать рублём их очень легко. Служба только потребовала, чтобы Карл отошёл от управления казною P1E — так и сделал, — а сокращать отказалась. Но давление на них усиливалось. Чтобы служба не закрылась, а коллеги не стали безработными, Карл опять предложил уволиться. Его сместили под «спасибо». Теперь ему не найти работу, как и нам — казначея.

Мысли не поспевали за происходящим. Пока субугбается Карлова трагедия, мне надо записаться на Ноттингемскую конференцию СНЕ, вообще много чего сделать. Подробности не будут уместны. Хотя съехавшиеся геи были солидарны в озлоблении на притеснения P1E, гостиницам, а также гостиницей (ожидавшийся на конференции педосимпозиум отменили по вмешательству гостиничной компании «Фортэ»).

После конференции, на выходные, вышли первые дружественные публикации. В “Observer’e” пространная Бронгерсмова «Нетерпимая Британия». Не хуже статьи: «Священник открыл удивительные факты по педофилии» в “Sunday Times” и «Половые преступники „способны помогать детям“» в “Sunday Telegraph”. Неужели наша стратегия правильна? Неужели паникёрство сменила качественная журналистика? Всё проще: статьи писаны нашим.

Я знал уже доминиканского священника Михайла Ингрэма. В его монастыре Святого креста, Лестершир, я гостил. Дол-

гие годы Лондонская больница святого Фомы, Лестерширская служба по делам семьи давали Михайлу работу как детскому психологу. В его сочинении 91 образец мальчиколюбия. Не поддерживая педофилию, Михайло понимает: много любви в этих отношениях и больше пользы, чем ущерба. Его работу не напечатали, хотя стоило бы. Я решил, ему для того следует оказаться на конференции БПС в Суонси.

Всё готовили за многие месяцы. Ингрэм одно время хотел издаться в Америке — там его больше ценят и позвали в Гарвард учить этике секса, — но согласился, что Суонси даст отличное подспорье. От имени Михаила мне получилось уговорить организаторов и пристроить его рукопись.

Себя тоже. Я просто хотел услышать умное слово про детскую сексуальность и педофилию: данные темы были включены в программу. Внимание прессы привлекал я не на P1E, но к Ингрэмову с его подобными трудам, обещавшим педолевачество. Как уже знаем, учёная конференция стала конференцией журналистской. Напуганная профессура педосексуальные труды разбирала втайне. Возможно, правильно, поскольку СМИ могли накалять обстановку, не освещать её.

Суонсийские неприятности венчает угроза, дескать обслуживающему персоналу гостиницы придётся бастовать, если меня не выгонят. Конференцию привечавший университет — обидно! — портье, горничным и поварам уступил. Обидно не по мании моего величия, но по неготовности научной организации

следовать идеалу дискуссионной свободы. Единственное, что было хорошего на конференции, представлено Триммером:

«В университетском пресс-центре был очаровательный мальчик. Складывал из аннотаций самолётики. Я спросил его папу с псифака, станет он его прятать, если покажется Том О'Кэрролл.

— Ни за что! — голос у него, как у Милк Вуда. — Это такой озорник, я сам их познакомлю. На пользу будет обоим» (“Medical News”, 1977).

Ко времени, когда меня попросили с отеля Суонси (маленький озорник, уввы, мне не встретился), PUE наконец отыскала замену гостинице Лондона. Наше публичное собрание было назначено на 19 сентября 1977 года в Конвэй-холле, что на Рэд-лайнской площади в Лондоне.

Имя площади стало нарицательным. Она помнит ужасные столкновения между консерваторами и леваками. В 1974 году здесь демонстрант умер. Следующие, видимо, мы. Место нашего собрания пресса разнюхала. Можно было не сомневаться: дойди до насилия, потери будут единственно с нашей стороны. Все смельчаки рекрутируются на сторону заведомого победителя. А нам оставаться лишь ягнятами на бойне — мысль отвратительная.

Я с Хоузом обычно принимаю срочные решения без исполкома РІЕ. Изначально мы собирались отстоять общественное своё собрание. Никому не дожидаться, чтобы мы залезли под камень. Правда за нас, и будь что будет.

Но при том я сомневался. Хотя «час мужества пробил на наших часах, и мужество нас не покинет», разве кремнями хотим изобразить педофилов? Разве не нашей целью демонстрация педофильского миролюбия, нежности, доброты? Немного бабскости, как у хиппи во время Вьетнамской войны, не помешает.

Всё же, когда пришло время, мы поддержкою не погнушались. Мы вечные должники стреляному GLF, что согласился проследить за порядком. Ричарду Мак-Кэнсу, тогда председателю СНЕ, наше публичное собрание запомнилось таким.

«Все вместе под ручку, плотными рядами баб с мужиками, пропихнулись-таки до фойе. На нас прямо метеоритный дождь овощей и фруктов с мукой. А у входа целые сотни нас и ногтями, и шмарали, и пинали, и дубасили. За час через толпу ещё сто пропихнулось. Один из ‘Daily Telegraph’ изжёванный весь, а рожа в кровище. На прочих одежда — в клочки. Кто один, выталкивают обратно с заюшенными котелками. И в воронок. Мусоров вообще только четверо.

Наконец-то съезд открыли. Глядь на улицу, а толпы уже не одна сотня. Вон старые знакомые Национального фрон-

та. Этих фашиков в толпе сразу видно.

Внутри Конвэй-холла не могу слышать докладчиков: толпа орёт: „Смерть! Смерть!“ и двери ломает.

Закончили на полчаса раньше, типа толпе сюрприз. Кто быстро бегают, строим шеренгой. Старики с инвалидами, ждите указаний. Как с тонущего корабля бежим!

Многих поймали по отдельности. Еврея из наших мочат руками и ногами, очки ему хрясь! Мусоров уже десятка три, а ни хрена не делают.

Ну, инстинкт самосохранения, все дела: перед каким-то чёртом снимаю ЛГБТ-шный значок, кошу под горячую голову. Охреневают, что мы молодые все. Думали, потузят себе старпёров — а фиг! Среди нас и голубые, и педофилы, и натуралы, и журналисты, и профессура — все пришли послушать PUE.

Пропустили через руки и ногами меня, ногами. Ору мусору: „Помогите!“, а он мне: „Иди на!..“ Трое наших при тормозили такси и давай отсюда» [248].

Удивительно, но насколько позволяло происходящее, собрание состоялось хорошо. Имелись опасения, что какие-нибудь уличные дебоширы прикинутся смирными, купивши билет, окажутся с нами, мероприятие сорвут. Но поскольку любой, очутившийся в Конвэй-холле, выглядел извращенцем (даже когда

члену Библейского кружка надо в иную часть здания), обструкции не было.

Сотня присутствовавших и никакого хама. Больше всего журналистов. Вместо доктора Бронгерсмы выступил аноним (о. Михаил), объявленный «детским психологом». Ему нарушать инкогнито запретила церковь. На Михаила, с его слов, опустилася благодать. На нас — нечто более матерьяльное, текст его речи.

Кейт отправлял обязанности председателя. Я же рёк академично, разумно, взвешенно — посреди поднятого вокруг нас бедлама. Даже вопросы задавались интеллигентные, при выкриках, осаде неуместные. Наутро всё было в газетах. Публикации заурядные. Обсуждали выходки черни, но не высказанное в зале.

И ради чего всё делалось? До нас «растлители» презирались, а после нас именуются «педофилами» и снова презираются. Никто ничего не понял. Да что поймёшь, если познакомишься с нами через издания вроде “Daily Mirror”? Газеты — свалка нетерпимости, лишённая живого рассмотрения новой идеи. Нет у меня больше наивности. Идеи новостями не научить.

А научить ожидали мы доводя до сведения народа, что педорадикалы существуют. Что не лишены теоретической базы, к ознакомлению доступной. Подобная задача не для мафии, но для прозрачной группы, в общественную панику способной выстоять. Я в эту стратегию по-прежнему верю. Но допустил

ошибки тактические.

— Не быть возрасту согласия, — заявил я “Daily Mirror”, — а только половой близости между всеми поколениями.

Не в меру бескомпромиссно. Надо было сделать ударение, что секс у ребёнка со взрослыми по желанию ребёнка почти всегда совершается без коитуса. Что коитус по желанию, когда случается, то чаще всего в старшем возрасте. Я действительно так и говорил, однако не в изданиях.

(Кроме того, педофилы воспитаны скрытностью. Сложно становиться в позу, вещать с достоинством.)

Но был и позитив. После той истории меня привечали студенты (также в Дискуссионном обществе Оксфордского университета⁴), курсанты соцработы, гей-объединения, равно как участники конференции Союза молодёжных организаций. Письменные вопросы присылали со всего мира психологи, социологи, журналисты. Никакой истерии, порою сочувствие. Надежда всегда есть.

Однако такие реакции неприметны. Затмеваются чудовищною порноистерией и событиями середины 1978 года — сговором органов правопорядка со “News of the World” против PLE. Недостанет и тома раскрывать обстоятельства принятия закона Про защиту детства — пусть интересуются психиатры. Тут

⁴Его глава меня пригласил персонально. Увы, заседания не было: главу раскритиковали, что решил отказаться.

уместно только сожаление, что закон утвердился вследствие деятельности РІЕ.

Следует упомянуть историю, когда ради борьбы с эксплуатацией детей журналисты эксплуатировали детей. Би-би-си-шное шоу “Tonight”, я знаю наверняка, разрушило ребёнку жизнь. Так её бы не разрушили никакие эросъёмки. Впечатляя зрителя, показали детские лица.

«Не безответственно ли показывать этих детей в лицо? — поражается Гильберт из “Observer’a”. — Может, им ещё хуже на виду телезрительской орды, чем единичных извращенцев?»

Есть основания, чтоб ответить утвердительно. Автора фотографий я знаю. По тому делу спрашивал его знакомых. Бывший учитель, он охарактеризован изумительным педагогом. Особенно трудные дети, малолетние нарушители права выигрывают от его заботы — порой единственной. Один его мальчик оказался сыном армиды, всё время которой уходило на клиентов.

Много времени, любви для него нашёл один учитель. Разумеется, “Tonight’у” легче всего спрятаться за порноборчески-ми, педоистеричными предрассудками. Набрехать о родителях, «обезумевших с горя». Им обычно просто наплевать, однако журналистам они не признаются. Да тем и знать неохота.

А что же детки, которых атака телевидения вызволила с порнорабства? Мальчика, показанного “Tonight’ом”, однокласс-

ники затравили. Его семью соседи сжили с города. Честные, бесстрашные журналисты наверняка довольны своим подвигом.

Интеллигентское внимание нам, обывательское — «детской порнографии» не самые прямые последствия РІЕ'шной пиар-кампании. В июне 1978 года, на чёрные выходные, нам припасли перепевку журналистской атаки на РAL. Три странички «News of the World» обнародовали данные, фотографии семей РІЕ'шников. Дома руководителей организации (включая мой) пережили полицейский обыск. Много было конфисковано бумаг.

«News of the World» и полиция по-видимому связаны. Статья пользуется материалом отчёта, представленного на съезде РІЕ неделю назад. Там участвовал РІЕ'шник, уже месяцы как журналистами засланный. У входа дежурил фотограф.

Видимо, не только пресса стимулировала полицию. Полицию не какую-нибудь, а с отдела печатной непристойности. Оживились органы пристойности спустя недели после публикации (наконец-то!) педоброшюры «Олбани Тростом». Её мы разослали каждому депутату палаты Общин, епископам и пэрам, архиепископу Кентерберийскому.

Тогда казалось, идея хорошая. Теперь уже знаем: эшелоны власти брошюра побудила поднажать на полицию. Я поделился такими соображениями со следователем по нашему делу — вылившемуся во всеохватывающее расследование деятельности

PIE, письменное донесение генпрокурору величиною с эту книгу, гонения на PIE-актив, оправдываемые «заговором против общественной нравственности» — следователь подтвердил участие властей и не знает, чтобы кто-нибудь думал иначе.

26 месяцев, которые мы пережили после пиар-кампании 1977 года, поставили будущее PIE под сомнение. Палки в колёса вставляются немилосердно. Даже собраты (право, которое всякой организацией, начиная кабацкими любителями дротиков и кончая ООН, используется как само собою разумеющееся) не можем. Все силы тратятся на конспирацию, но не на главную нашу деятельность.

Для морального поддержания пригодится разве что пример иностранных педогрупп. Ведь PIE ни в коем случае не уникальна. Успешнее всего борются педофилы Нидерландов и США.

Глава 13

Лес за деревьями

Кажется, что ростки сексуальной революции не приживутся на почве пуританской Америки: Британии хватает одной Уайтхаус, а над американцами нависают одновременно две такие сексборки («детоспасительная» Анита Брайант и «детопорнографическая» Юдиана Дэнсн-Гёба) при поддержке множества черносотенцев. Плюс охотники за сенсациями самого похабного, “News of The World’овского” пошиба.

Благодаря Дэнсн-Гёба порноненавистническим абсурдизмом обогащён английский язык¹. Аниту же Брайант обессмертила

¹Кроме дэнсн-гёбавщины в указанной майской “Chicago Tribune” за 1977 год утверждали, что мальчиколюбческому бюллетеню “Hermes”, раскупленному по \$10 за штучку в 5000 экземпляров, ежегодно более \$300000. Это неправда. Подписка стоит \$7½ за шесть, а подписчиков отмечено 800. Ещё 100 выпусков отправляется не подписчикам. Бюллетень издаётся однажды в 2 месяца. Итого за год остаётся \$6750 — это менее сороковой части приписываемого “Hermes’у” дохода. На конкретике можно разувериться в страшной сказке про то, «что... детская порнография — целый многомиллионный

трудовая дискриминация гомосексуалов, особенно педагогов. Акция «Спасите наших детей»² обеспечила Брайант эпохальную победу в 1977 году.

Как и многие другие штаты, Флорида тогда вступила в год антидискриминационного законодательства. Внезапно тенденция нарушена в округе Майами-Дейд. Со ссылками на Конституцию Брайант организовала местного значения референдум на возвращение дискриминации. Инициатива встречена безысходным отпором игре на предвзятых опасениях народа. Позже Калифорния начала бороться за такой Proposition №6, но кампанию победили не без участия геев. И педофилов, уже начавших обороняться.

Реакционеры спасали «семейные ценности» (читай: отжившие полоролевые стереотипы), которые угрожают и феминисткам. Однако пинать удобнее тех, у кого народного сочувствия меньше всего. Особенно когда педофилия гомосексуальна.

Да, мальчиколюбцы для Брайант — что коммунисты для Джозефа Маккарти. Снова Холодная война, борьба с «антинародным сговором», а бдительность и выслеживание — гражданский долг. Межконфессиональная комиссия противу деторас-

бизнес».

²Во время кампании Брайант акцентировала на большей охоте совращать детей у гомо-, нежели гетеросексуалов. По правде, дети намного чаще предаются сексу со взрослыми пола противоположного. Безотносительно к возрасту зачинщика. (Дети больше похожи на женщин, а не мужчин, и с ними секс ожидается, в основном, от гетеросексуалов — перев.)

тлителей предложила Community Action Kit — призывы «следить» за соседями, приятелями, даже родственниками; «стуча на них» при подозрении в эротических «непорядках». Изданы пособия по выявлению мальчиколюбцев: если парень околачивается возле неродственного мальчишки, то замышляется недоброе — надо проверить [382].

Но кто реакционней Оклахомы, что наряду со сценическими сальностями да рекламою ножичков отличилась законом о кастрации совратителей детей³. В штате Мэн одна политиканша предложила кастрировать и педофилов, и педофилок. Нарушителю мужского пола показана также хирургическая деиннервация пениса, чтобы не стоял. Женщине вырезать яичники. Секс операция не предотвратит, однако секрети помешает — влагалище «высушится», ставши неэластичным; интромаиссия сделается малоприятной, если не болезненной.

Но будущее было за плюрализмом. В иных штатах охотою на ведьм оказан эффект бумеранга. Легислатуры притом — Америка не вся. У подножья полит-Олимпа долго прозябали промискуитетные контр-культуры à la Джонстон — Дешер или порождённые движениями за права ребёнка.

Не было недостатка в идеологах детской сексуальности, «секса между поколениями». Пионерами тут Общество Рене Гид,

³По не подтвердившейся, когда книга печаталась, информации, закон утвердили. Соответствующего приговора не знаю, но таковой антиконституционен из-за «жестокости либо необычности» наказания.

сформированное в 1962 году семерыми парами на лекции по сексу при гостинице Лос-Анджелеса. Названы в честь французского психолога, год как умершего в Таиланде. Гио сочинял аналогично Райху, пороки цивилизации выводил из увечья сексуальности. Гиошные слова: «Секс после восьми — это слишком поздно» стали девизом Общества. До порноистерии лицо гиозма Тём О'Хэа видел авантаж изображений.

«О'Хэа, — писало гей-издание, — собрал обильную коллекцию фото мальчиков и девочек. Всеми степенями близости со взрослыми-детьми фотографированные, видимо, наслаждаются» [343].

При Тихом океане (в Сан-Диего) нашлось место Кружку детской чувственности, который узнали по Биллю половых прав ребёнка. Выдающийся деятель этого Кружка, соцработница на пенсии Валида Давила, приняла взгляды, подобные взглядам Элейны Йетс. Тесно сотрудничество с Лигою половой свободы, куда вхожи разнообразные нудисты со сторонниками свободной любви (что могут иметь общего?). Лига за нудизм: ребёнка «надлежит избавить от нездорового сокрытия своего восхитительного тела, как если б это была некоторая падаль, омерзительная для дневного света» [295]. Свингерскому составу Лиги нечего возразить. Несмотря на возможные противопедофильные замечания, Лига полностью за детскую сексуальность⁴.

⁴Исследователи сан-францисского свингерства [39], показывают единогласное при-

Удивительно, что в Америке никогда не было группы типа РИЕ с открытыми педофилами, борющимися за легальную добровольную половую близость между мужчинами, женщинами, мальчиками, девочками. Волнами реакции смыло журнал “Better Life” — издание максимально педофильное, хоть и зацикленное на мальчиколюбии. Также на ответственности⁵.

Эти шаткие начинания не выдержали борьбы. Но видна притом управа на брайант-дэнсн-гёбавцев.

С иного берега США результаты поразительны. В 1977 году гайки завинчивали крайне туго. Бостонский Ривиа задержал 24 парня — будто бы «секс-банду» мальчиков 8 – 15 лет⁶.

Газеты закипели такими страстями, что местные гей-активисты подняли правозащитное движение против нового Салема. Это Бостон-Бойсевская комиссия, названная по схожей охоте на ведьм 1955 года в Бойсе. Сартровед Иоанн Жерасси сочинил об этом “The Boys of Voise” (1966).

Скоро комиссия включала 500 бостонцев и 50 спонсорских организаций, начиная церквами, кончая политическими партиями — не только радикальными, но также либеральными. Сначала засудили прокурорскую телефонную линию по сбору

знание свингерями необходимости детской мастурбации.

⁵Тут ответственность отнюдь не воздержание от секса с ребёнком. Скорее подразумевается внимание к чувствам и правам ребёнка. Этика мальчиколюбия разрабатывается в [107, 287].

⁶Одного судили в далёком ещё 1979 году. Забавно, что будучи психиатром, обязанный к лечению.

сплетен о ривиасских парнях. Благодаря Массачуссетскому союзу гражданских свобод её закрыли.

Угроза деторастлительной славы не помешала поддержке гомосексуальных организаций. На март уже полиция нанесла новый удар, арестовав 102 человека в библиотеке Бостона. Вменяли непристойности, проституцию (видимо, там имелась гомопанель), но не деторастление — очевидные гонения на геев, а не педофилов. Бостон-бойсевцы поддержали сильнее.

Немаловажна бостон-бойсевская сходка по сбору средств. Речь огласил автор Го Вайдл. Присутствовали глава Союза североамериканских адвокатов суда первой инстанции, некоторые сенаторы плюс аудитория в 1500 человек. Неосмотрительно прибывшего старшего судью Массачусетского высшего суда после митинга подняли со скамьи, чтобы пересадить его на скамью подсудимых Верховного суда США.

Для Тома Ривза с руководства Бостон-Бойсевской комиссии «случ мегатемовее всего лахового в Америке». Зато нет худа без добра:

— Задругался тот джяжник с нами и вбйфа его. На митингухе в 2 000 Аниту Брайант крыл вообще нереально⁷.

Ривз — абсолютно «конченный» педофил. Мальчиколюбцем его слышно по радио, телевидению, мелькает и на бостонских

⁷Из личного разговора 30 января 1979 года.

изданиях.

— Пролаки по нейбе прохаваны, что я за фрукт, — ну, па-сово, что пацанва у дверей туда-сюда, — и даже больше мне кореша... Мало что професоню, ещё и заректили по фейму... Электáч под газетный мандёж шёл. И ни хрена стрёмного за весь тайм. Студакáм с преподами я вообще модный⁷.

Логическое завершение бостон-бойсевщины — декабрьская Бостонская конференция по мальчиколюбию — возрасту согласия в 1978 году. Присутствовало 200 человек от 15 штатов и трёх канадских окраин. Они сформировали Североамериканскую мальчиколюбческую ассоциацию (NAMbLA), которая созвала другую, мартовскую конференцию с политзанятиями по феминизму.

Но как общенациональная гомоистерия не помешала бостон-бойсевскому задору, гласности NAMbLA? Как удалось им обменяться местами с окружпрокурором, открывшим это ривиасское дело?⁸ Как они смогли совратить на свою сторону судебные,

⁸Когда книга печаталась, узнаю все масштабы: «Прокур, что нашим шил, нереально пролетел, — рассказывает Ривз: — гомам сенька. Новый, как заэлектили, по телеку со мной. Спичал, типа ни хрена не заметут, если с тинами мутишь без насилухи. Все 24 ривийных фривые, только несколькими условный — в Масачуске по такому делу вще первый раз. Реально, до нашей комиски чувака на пожизненное. Мы в газеты о его троблах, гайнуть пытаемся. До фигища, особенно гомы, нам: не надо, типа, лажовой будет — а ни хрена! От этого нереально сильнее стали» (из личного разговора 8 октября 1979 года).

даже церковные власти? И как угроза гонений не помешала 1½-тысячному благотворительному митингу, не вызвала при этом американский Конвэй-Холл?

Разгадка бостон-бойсевой удачи в её правозащитности вместо революционности. Даже противодействуя возрасту согласия, комиссия не борется за права педофилов. Также Бостон-Бойсевская комиссия не сторонится компромиссов. Это не PUE: занимается любовными делами только подростков-юношей, а не малышей. Ведь иначе ЛГБТ-шники побоятся пойти с ними до конца.

Ещё, наверное, сказывается ментальность американцев. Даже расторопностью педокликуш англоамериканскую восприимчивость в отношении новых идей не заглушить. Не только маргинальные СМИ приветствуют акции бостон-бойсцев, издавая широкомысленные статьи.

Например, обострение порноистерии не помешало публиковаться антропологу Ричарду Кёрайру:

«Детская порнография задела за живое нацию США. Кроме продавцов и покупателей её действительно никто не любит. Но почему внезапно стошнило целую нацию? Откуда такая брезгливость у мещанина, спокойного к истреблению дальневосточных крестьян, тысячи которых умерли детьми?

Детская порнография страшна неопровержимою демон-

страцией отзывчивости детей к ухаживаниям и готовности заниматься сексом активно. Подобно всякому дарованию, детская сексуальность обратима во зло и на благо. Порнографы прямо заставляют увидеть у ребят эротический потенциал.

Увы, сексуальная революция ничему не научила. Её плоды присвоены взрослыми, но такое самодурство ничего не сдерживает. Разве можно детям объяснить, что, хотя секс — это природно, здорово, правильно, но заниматься всё равно нельзя? Ещё лучше будет объяснить это себе самим» [83].

Никакие беснования Брайант и Дэнсн-Гёба не помеха моей вере в англоамериканцев. Подразумеваю также Канаду, где на заре 1979 года ведущее гей-издание “Body Politic” выдержало суд из-за пространной, умной статьи «Мужчины, любящие мальчиков, любящих мужчин» — «оскорбительной, аморальной, неприличной». Обвинение сняли: для судьи “Body Politic” — «издание солидное», статья — «приглашение к осмыслению», притом «убедительно призывающая ко взвешенному неосуждению педофилов». (Доныне, правда, волочат апелляцию.)

Несмотря на журналистскую травлю, публикация действительно меняет общественное мнение. К февралю 1979 года целая широкая страница “Toronto Globe” объявилась со статьёю «Педофил: Мифы, реальность» [230] — самая полная, правди-

вая публикация по теме.

Но что значат американские проблески терпимости противу поддержки Нидерландов! Уже говорилось об удивительных объединениях, à la Нидерландский адвокатский орден или Протестантский союз детозащиты, для которых юридическое преследование взрослого любовника согласного ребёнка неоправданно.

Нельзя сказать, однако, что голландцы — педофильные друзья поголовно. Совместные культурные корни нарушили беззаботность и там⁹. Но всё равно последние годы нидерландской истории знаменуются повальной либерализацией. Жизни как общественной (атмосфера Британии в 1960-е), так и личной. Не зазорно, к примеру, Роттердамскому муниципалитету рассматривать идею «центрального эровермага» — шикарного приюта борделям, эроискусству, секс-шопам.

Шанс и педофилам: наши застряли в узости кругозора британцев, а тамошние привечаемы Нидерландской ассоциацией на половые реформы (NVSH). Начинала семейпланированием,

⁹В середине 1976 года был опрос от Института психогигиены-соцпсихиатрии при Роттердамском университете Д. Эразма. «Вдруг оказывается, что Вашего знакомого возбуждает играть и ласкаться к детям. Вы позволите, чтоб он учил у Вашего ребёнка?» 13% ответили «Да», 9% ответили «Не знаю», 77% ответили «Нет». На вопрос: «Этому человеку Вы позволите нянчить Вашего ребёнка?» 4% ответили «Да», 5% ответили «Не знаю», 89% ответили «Нет». Дополнительно 68% отговорят их детей от обручения с этой особой и 44% откажутся селиться по соседству. Результаты печальны, но замечательно, что более $\frac{1}{5}$ (13%+9%) ещё не возненавидели педофильных учителей. На Британии, думаю, будет $\frac{1}{25}$ или меньше. (MagPIE, 1978.)

однако постепенно преклЮчилась на сексэмансипацию, в т. ч. детей и (с 1971 года) педофилов¹⁰. Пользуется популярностью, достигла $\frac{1}{4}$ -миллионного членства пару лет назад, оказывает огромное влияние на публичные настроения.

Под эгидой NVSH уже немало городов обзавелось педофильскими клубами. Абсолютно прозрачными: приятель украсил окно педоплакаты (у нас обычно завешивают окна плакатами до выборов) — не разбили.

И роттердамский, и прочие клубы проводят открытые регулярные встречи, куда педофилы наведываются с любовниками, хотя журналистов и полицию тоже пускают.

Общенациональная газета “The Hague Post” напечатала большую внимательную статью, проинтервьюировав и педофилов, и возлюбленных (1978). По телевидению целые 2000000 слушают агитацию за педофилию от протестантского священника, матери с широкими взглядами, студента-медика. Ему половая близость ко взрослому с 12-ти дала много¹¹.

Общественность этим отнюдь не возмущена. Участвовавший Бронгерсма рассказывает о благоприятном отзыве прессы,

¹⁰Формировалась ассоциация долго. Борьба Голландии за педофильные права открыта в 1950-е. «Анклавное» движение дозрело до налаживания сообщения между педофилами Нидерландов и мира. Анклавщики в 1958 году стали международным издательством литературы по педофилии [28].

¹¹Запущенного подростка в интернат, а мужчина вывел его с апатии, подружил его с миром, оказавши бесспорную поддержку в учёбе, что помогло поступить в университет (Телешоу “Groot Uur U” на канале “VARA Television”, Амстердам, 1978).

начиная коммунистической и кончая римскокатолической.

Вышли демонстранты с плакатами, флагами, детьми. Собрались у Гаагского дворца правосудия, в 1978 году поддержав апелляцию дела 34-летнего соцработника, досиживающего три месяца (оставалось ещё два) после троекратного секса с мальчиками 14 – 15 лет. По меркам Британии, присуд курам на смех.

А демонстранты требуют отменить §247 УК Нидерландов, осуждающий развратные действия с детьми. Любопытно, что долгие годы (с наполеоновской оккупации до принятия §247 в 1886 году) голландцы не знали никакого возраста согласия — что детей эксплуатировали тогда сильнее, не похоже.

Удивительнее проявился генпрокурор. Посочувствовал осуждённому, которого преступление «не слишком уже серьёзное» — тот отделался штрафом, условным освобождением (“Algemeen Dagblad”, 1978).

Далее коллективное прошение министру нидерландской юстиции разделить этику секса и законодательство. Подписи собраны стараниями Геральда Зверюса. Что, руководя рабочей группой NVSH по педофилии, совмещает это с учительствованием. Не просто совмещает, а допускается пропагандировать в школы. Некоторые ребята даже вызвались на сборы подписей.

Вторая петиция, к отмене возраста согласия, правительством изучена в июне 1979 года, подписана членами профсоюзов (учителей, учителей-протестантов, инспекторов условноосуждённых)

и Протестантского семейного союза. Последним издана брошюрка, в отношении педофилии дружественная.

Очевидно, что данная группа, борющаяся за семью, не видит угрозы семье со стороны педофилии. Даже более того, крупнейшая некоалиционная фракция парламента, Трудовая партия, поддерживает аболиционизм. А поддержки Трудовую сомневающиеся либералы, то составят уже парламентское большинство.

Бернард иллюстрирует общественные настроения Нидерландов одной историей.

В Германии педофила заедала совесть. Никакому земляку не мог открыться. Вдруг оказывается: готовится Всемирная сексовыставка в Роттердаме. Наконец-то можно будет излить душу.

Отправляется — действительно стенд NVSH, а возле двое дежурят. Завязывается разговор. Парни держатся до того сочувственно, что немчина растаял. Пустился делиться своими впечатлениями, воспоминаниями про девочек. Внезапно собеседнику понадобилось отойти.

— Прошу извинить, я полицейский, должен идти дежурить. . .

Чего только не делал оставшийся, чтоб успокоить. Будучи волонтером NVSH, он убеждал: ареста не будет, о девочках его никто не расскажет, а полиции Германии никто не сообщит.

Что приезжему было невдомёк, это нежелание полиции Роттердама заморачиваться чьими-нибудь интрижками. Хотя можно только с 16, никто пальцем о палец не ударит, если девочка — подросток, а жалобы не подано.

В отношении же мальчиков 12 – 16 лет у полиции понимания меньше. Пример от Эдуарда Бронгерсмы показывает омерзительность учиняемого ребёнку допроса (стр. 62). Но 1974 год отошёл, а голландская полиция сделала выводы благодаря также о. Кламмеру:

— Бывает, учишь органы такому предмету, курс им излагаешь, и чувствуется: на вещи полиция начинает иначе смотреть. «Попадутся — перевешаю тварей!» — это реакция парней очень уже крутых. Но всегда кто-то возражает, и часами можно дискутировать. Иногда вначале предлагаю выступать у входа, чтобы мог улизнуть. Но затем ощущается, что полиция в ужасе от её обращения с педофилами, детьми, родителями¹¹.

В марте 1977 года на симпозиуме Национального психогигиенического центра глава Роттердамской полиции нравов объявил: если дело требует их участия, родителей обязательно предупреждают об ущербе ребёнку, причиняемом оперативно-розыскными мероприятиями; за родителями право допросу ребёнка (не) подвергать.

Даже когда полиция пользуется ребёнком, у прокурора полное право на пресечение следствия. Он опирается на презумпцию неподсудности (не при половых единственно преступлениях). Часто прокурору кажется, что судебное разбирательство больше навредит, а не поможет, и дело закрывают.

Бронгерсма, сам юрист, удружил и примером. В 1977 году педагог увязал эротические сношения со школьником. Оказался достаточно глупым и раскошелился на дорогой подарок. Родители насторожились. У щедрователя дома нашли море фотографий, а на них учитель и ребёнок играют очень пикантно — лучшей улики не придумать.

Что было дальше, не взбредится никакому британцу. Бронгерсма связался с прокурором. Акцентировал, якобы не было злоупотребления служебного положения педагогом: учеником ему дитя не было. Также за годы работы парень оступился впервые. Отношения притом имели место на каникулах, именно когда нету возможности сублимировать эротические чувства на приличные занятия с детьми. Нарушителю было сиротливо. Если мужчину судить, он останется безработным и без общения с детьми. Деморализованному станет уже нечего терять, он и пустится во все тяжкие.

Прокурора довод убедил. Подследственного принял у себя в офисе. Сказал ему, суда не будет, однако только на первый раз. Таковы правила. Если повторится, то даже не попавшему за решётку, нарушителю больше не преподавать. Засим отпустил.

По §247 УК с 1967 по 1972 годы голландская подсудность упала до 55%. Санкции смягчены: за грубое насилие по-прежнему шесть лет, однако чаще всего достаточно месячного срока, коли вовсе кого сажают.

Само по себе прощение педофила, снисхождение при мисдимнорах — идеал отнюдь не мой и не бронгерсмавский. Отношения по желанию ребёнка ничьи права не нарушают и соответственно не нуждаются ни в извинении, ни в снисхождении. Но всё равно лояльному голландскому духу посылить животворить умное сомнение. Не просто дубинкой и застенком, а даже нозологическим ярлыком исправление педофила не принято, когда народ имеет учителями д. Бернарда, д. Бронгерсму.

Но до какого предела? Сколько людей уголовному праву надо в жертву, чтоб элита Нидерландов осознала необходимость узаконения добровольного педофильства? Возможно, легализации не будет. По крайней мере, нет. Когда сочиняется данная книга, Правительственная совещательная комиссия по нравственному законодательству (Мелай-комиссия), решая также судьбу §247 УК, заметно держится консерватизма. Даже самая либеральная страна шага навстречу боится. Понять — это пожалуиста, но поддержать — ни-ни.

Думаю, Голландия педофилию никогда не примет. Как и любая страна, где педофилы признаны меньшинством; где педофилы чудны и чужды даже для понимающих; где всё, что видят у педофилов, — это несуразности половой ориентации.

Бессмысленно бороться за педоэмансипацию, хотя пройти через это стоит. Либи́до раскрепостимо только в интересах огромного числа людей и в интересах его детей, однако не ради горстки несчастных. Через океан это поняли те прогрессивные группы, что проповедовали более «нормальную», менее страшную семейную, но не внесемейную педофильность.

Плоть и запад отныне примиряются. Аскетичные добродетели ребёнка (чистота, самоконтроль) не считаются важней удовлетворения потребностей его (во внимании, безопасности). Дитя менее подготовляемо до будущей жизни — ему разрешается жить уже сейчас. И в этой обстановке влечение между поколениями внутри семьи должно расцвести не взирая ни на что. Стали задумываться, можно ли со своими детьми купаться. Тенденция проявляется звонками на радио, педагогическими публикациями, письмами в женские журналы¹². Педофилия не маргинальный феномен, а звено вселенского порыва к освобождению человеческой эмоциональности.

Возможно ли цивилизации снова целиком открыть эмоциональность? Восстановимы ли лучшие, наименее виноватые компоненты сексуальности примитивных обществ? Почему, как эти компоненты забыты? Может, и цивилизацию не лишит иммунитет противу стыдливости, правда, со свойственным ему толчком? Обречены ли мы на стабильное подавление сексуаль-

¹²Благодарю за сведения Бельгийскую группу педофильных исследований.

ности, перемежающееся случайными, нерешительными приступами раскрепощения? Неужели никуда не деться нам от уродования половых и социальных ролей экономическими закономерностями? [112] До конца XX века появится ли что-нибудь (ибо научно-технической революцией охватывается всё больше сторон общественного бытия), обещающее возможности начать общественные, личные сношения с чистого листа?

Уже сказано, что наши действия не согласованы с теорией. Мы не строили прогнозы, даже ближайшие, хотя бы только для Британии. Три года революцию вершили вслепую. И подводить итоги не легче, нежели было прогнозировать.

Даже десятилетия мало, чтоб оценить изменение половых установок у британцев. Мы оглядываемся на ранние 1970-е, когда ЛГБТ-движение расцветало, подпитывало сексорадикальные столоны вроде PAL и PIE, не подгрызалось вредителями в погонах.

Но вот озлобленная реакция закатала рукава — и живые ростки сексуальности выполоты. Кликушество М. Уайтхаус эхом отдаётся запустевшими храмами, порожними мещанскими головами. Не только выстраданные плоды PIE растоптаны, под угрозой и свобода геев, и личная жизнь отроков, и сострадание нарушителям, и борьба со спартанской педагогикой.

Нынче политические партии, для которых истина в семье, правят бал на вакханалии консерватизма, чтобы вычеркнуть из истории человечества 1960-е годы (с их отменой повешения, ли-

берализацией абортивного, мужеложского законодательства). Похоронены начинания Роя Дженкинса — министра внутренних дел, оценивающего цивилизованность общества пониманием и либеральностью, присущую Нидерландам умною потачкой.

Жалкие годы британской истории поддаются не разбору, но только гаданиям. Британия шагнула назад очевидно, но не постижимо. Постижению поддается только смена столетий. Перспектива столетнего масштаба необходима, чтобы подвести причины под исторические события, влияния под общественные настроения. Так, эпоха наша является продуктом экономического развала семьи, дискредитации церковной идеологии достижениями науки, потрясения британцам от утраты доминионов.

Но знать эти причины недостаточно. Дополнительно надо понять, отчего на протяжении равного промежутка времени США с Нидерландами сексустановки выработали настолько разные. Какие влияния на всех одинаковы? Способна ли наука привести конкретные причины, почему в эпоху такую-то секс усматривают эдаким-то. Притом учитывая, что даже в рамках одного столетия возможны непредсказуемые резкие перемены. С начала века, к примеру, Германия была впереди всего мира по части реформирования нравственности. Трудом Магна Хиршфельда занималась заря нового мира, рационального в отношении сексменьшинств. И внезапно гомофобские репрессии.

Едва ли случайно те репрессии совпали с установлением антидемократического, тоталитарного режима: чтоб угнетать, угнетать надо сексуальность.

Но действительно ли надо? Данное заявление требует обратиться не только к истории Новой. И не только к обществу западному. Едва ли таким исследованием уместно перегружать. Зато перечисление задач извиняет уклонение прочь от гадания на чайниках.

Не зная грядущего, можно только надеяться да трудиться, хоть и робко, но всё же на лучшее. Я следую звезде, за которой идут иные сексуальные леваки, вовсе друг на друга не похожие. Добиваюсь освобождения не просто педофилов, а также положительного потенциала, свойственного любому телу. Освобождения, которое с младенчества привело бы не к анархическому Содому, но к истинной любви; к отзывчивости не более, менее извращённой (это доказано Столером); ко здоровому взгляду на (половую) жизнь.

Пока ребёнка не прекратим отчуждать от его тела, душа смирительною рубашкою ложного стыда, ребёнок и будет оставаться деформированным, словно китайские ножки.

Однако поспешу предупредить упаднические хныканья, будто педорадикализм — утопия. Детские ножки больше не бинтуют. Детей, опасаящихся погибнуть от онанизма, больше нет. Мир изменяется настолько бурно, что половому кругозору не просто возможно — приходится расширяться.

В этой обстановке не надо ставить крест на реформировании законодательства по P1E'шному проекту. Он утопического ничего не подразумевает. Заработает и в обществе западном, если чуть оздоровлено по примеру Нидерландов. Невыносимые страдания детей и педофилов истинно сократимы.

Видимо, P1E-проект ограничен, если не совсем узкокорыстен. Ребёнка предусматривает единственно взрослофильного, а не всякого. Общество могло бы пойти на такую реформу прагматически, с осознанием ущерба ребёнку от уголовного права даже при неприятии детской сексуальности.

А если возвыситься над прагматичностью? Что выиграет общество, когда ребёнка признает уже человеком, а не «кандидатом в человека»? Когда ребёнку будут обеспечены права, также право на личную жизнь? Когда ребёнок уже не будет являться движимым имуществом его родителей? Когда все люди вне различия пола и возраста смогут определять, с кем и когда заниматься сексом? Когда не будет угнетения по признаку сексуальной ориентации? Когда покоем и любовью достигнут управы на перверсии да войны, про что молят избранные сыны человечества? Это всё не мотивы, просто мечты, но препятствия не оправдание бездействию. Избегающий идеалов остаётся в циничном отчаянии.

Работником на стройке Нового Иерусалима, скромным и потным, я не могу знать будущего — пускай прорицает Уильям Блейк:

Дети завтрашнего дня
с этих строк, что все винят,
будут знать, как в моё время
любить было преступленьем.

Литература

- [1] Abraham, K., Selected Papers, Hogarth Press, London, 1927.
- [2] Adams, P. et al., Children's Rights: Towards the Liberation of the Child, Praeger, New York, 1971.
- [3] Allen, C., The Sexual Perversions and Abnormalities, Oxford University Press, London, 1940.
- [4] Allen, C., "The problem of John Ruskin: a psychosexual analysis", International Journal of Sexology, Vol. 4, No. 1, August 1950, pp. 7–14.
- [5] American Presidential Commission, Report on Pornography and Obscenity, American Government Printing Office, Washington, D.C., 1970.
- [6] Amir, M., "The role of the victim of sex offences", in H. L. P. Resnick and M. E. Wolfgang (eds), Sexual

Behaviours: Social, Clinical and Legal Aspects, Little, Brown, Boston, 1972.

- [7] Apfelberg, B. et al., "A psychiatric study of 250 sex offenders", *American Journal of Psychiatry*, Vol. 100, No. 7, May 1944, pp. 762–70.
- [8] Ariés, P., *Centuries of Childhood*, Penguin, Harmondsworth, 1962.
- [9] Awad, G.A., "Father/son incest: a case report", *Journal of Nervous and Mental Disease*, Vol. 162, No. 2, February 1976, pp. 135–9.
- [10] Bakan, D., "Slaughter of the innocents", *Journal of Clinical Child Psychology*, Vol. 2, No. 3, 1973, pp. 10–12.
- [11] Bakwin, H., "Erotic feelings of infants and young children", *Medical Aspects of Human Sexuality*, Vol. 8, No. 10, 1974, pp. 200–15.
- [12] Barclay, A.M. and Haber, R. N., "The relation of aggressive to sexual motivation", *Journal of Personality*, Vol. 33, 1965, pp. 462–75.
- [13] Baron, R.A. and Bell, P.A., "Sexual arousal and aggression by males: effects of type of erotic stimuli and prior provocation",

- Journal of Personality and Social Psychology, Vol. 35, 1977, pp. 79–87.
- [14] Barton, H., “Paedophile politics”, *Kalos* (Arlington, Virginia), Vol. 1, No. 1, Spring 1976, pp. 2–8.
- [15] Christine Bearchell, *Body Politic*, June 1978.
- [16] Beigel, H.G., “Children who seduce adults”, *Sexology*, Vol. 40, №7, February 1974, pp. 30–4.
- [17] Bell, A.P. and Hall, C.S., *The Personality of a Child Molester: An Analysis of Dreams*, Aldine, Chicago, 1971.
- [18] Bell, A.P. and Weinberg, M.S., *Homosexualities: A Study of Diversity Among Men and Women*, Simon & Schuster, New York, 1978.
- [19] Bender, L. and Blau, A., “The reaction of children to sexual relations with adults”, *American Journal of Orthopsychiatry*, Vol. 7, 1937, pp. 500–18.
- [20] Bender, L. and Grugett, A.L., “A follow-up report on children who had atypical sexual experience”, *American Journal of Orthopsychiatry*, Vol. 22, 1952, pp. 825–37.
- [21] Bender, L. and Paster, S., “Homosexual trends in children”, *American Journal of Psychiatry*, Vol. 11, 1941, pp. 730–44.

- [22] Benedict, R., *The Chrysanthemum and the Sword*, Routledge & Kegan Paul, London, 1967.
- [23] Bermant, G. and Davidson, J., *Biological Bases of Sexual Behaviour*, Harper & Row, New York, 1974.
- [24] Bernard, F. et al., *Sex Met Kinderen*, NVSH, The Hague, 1972.
- [25] Bernard, F., *Pedofilie*, Aquarius, Bussum, 1975.
- [26] Bernard, F., "An enquiry among a group of paedophiles", *Journal of Sex Research*, Vol. 11, №3, August 1975, pp. 242–55.
- [27] Bernard, F., "Paedophilia: the consequences for the child", paper presented at the International Conference on Love and Attraction, Swansea, 1977.
- [28] Bernard, F., "Paedophile liberation in Holland", *Pan* (Amsterdam), Vol. 1, №1, June 1979, pp. 15–18.
- [29] Bernard, W., *Jailbait*, WDL Books, London, 1958.
- [30] "Bibeb", "Dr. Brongersma on paedophilia, parents, politicians, justice and his own imprisonment" (interview with E. Brongersma), *Vrij Nederland* (Amsterdam), Vol. 39, No. 35, September 1970, pp. 5–8.

- [31] <http://www.bbc.co.uk/news/magazine-28130472>.
- [32] Birkin, A., J.M. Barrie and the Lost Boys, Constable, London, 1979.
- [33] Blachford, G., "Looking at pornography: erotica and the socialist morality", *Gay Left*, №6, summer 1978, pp. 16–20.
- [34] Bloch, I., *The Sexual Life of our Time in its Relations to Modern Civilization*, Rebman, London, 1908.
- [35] Bloch, I., *Anthropological Studies in the Strange Sexual Practises of all Races in all Ages*, Anthropological Press, New York, 1933.
- [36] Bluglass, R., "Incest", *British Journal of Hospital Medicine*, August 1979, pp. 152–57.
- [37] Brady J.P. and Levitt, E.E., "The relation of sexual preferences to sexual experiences", *Psychological Record*, №15, 1965, pp. 377–84.
- [38] Brant, R. S. T. and Tisza, V., "The sexually abused child", *American Journal of Orthopsychiatry*, Vol. 47, 1977, pp. 80–90.
- [39] Brecker, E., *The Sex Researchers*, Panther, London, 1972.

- [40] Brecker, R. and Brecker, E., *An Analysis of Human Sexual Response*, Signet, New York, 1966.
- [41] Bristow, E.J., *Vice and Vigilance*, Gill & Macmillan, London, 1977.
- [42] *British Medical Journal*, “Sexual assaults on children”, leading article in *British Medical Journal*, 16 December, 1961, pp. 1628–9.
- [43] *British Medical Journal*, “Sexual offences against children”, leading article in *British Medical Journal*, 12 March, 1966, pp. 626–7.
- [44] Broderick, C. B. and Rowe, G. P., “A scale of pre-adolescent heterosexual development”, *Journal of Marriage and the Family*, Vol. 30, №1, February 1968, pp. 97–101.
- [45] Brome, V., *Havelock Ellis: Philosopher of Sex*, Routledge & Kegan Paul, London, 1979.
- [46] Bromley, D. D. and Britten, F. H., *Youth and Sex. A Study of 1300 College Students*, Harper Bros. New York, 1938.
- [47] Brongersma, E., “The legal status of the paedophile”, paper presented to the Psychiatric-Juridical Society, Amsterdam, 1977.

- [48] Brongersma, E., “The meaning of ‘indecenty’ with respect to moral offences involving children”, *British Journal of Criminology*, Vol. 20, №1, January 1980, pp. 20–34.
- [49] Brongersma, E., “From a morality of oppression to creative freedom”, *Civis Mundi* (The Hague), Vol. 17, May 1978, pp. 108–15.
- [50] Brongersma, E., “The unknown paedophile”, unpublished paper, 1979.
- [51] Brownmiller, S., *Against Our Will: Men, Women and Rape*, Seeker & Warburg, London, 1975.
- [52] Brunold, H., “Observations after sexual traumata suffered in childhood”, *Excerpta Criminologica*, Vol. 4, №1, 1964, pp. 5–8.
- [53] Burgess, A. et al., *Sexual Assault of Children and Adolescents*, D.C. Heath, Lexington, Mass., 1978.
- [54] Burton, L., “The assaulted child”, *New Society*, 20 May, 1965, pp. 17–19.
- [55] Burton, L., *Vulnerable Children: Three Studies of Children in Conflict*, Routledge & Kegan Paul, London, 1968.

- [56] Burton, R., "Terminal essay", from Sir Richard Burton's translation of *The Arabian Nights*, in B. Reade (ed.), *Sexual Heretics*, Routledge & Kegan Paul, London, 1970.
- [57] Calderone, M.S., "Sexual Rights", Sex Information and Education Council of the United States (SIECUS), New York, 1977.
- [58] California, State of (Department of Mental Hygiene), *Sexual Deviation Research Reports*, January 1953 and March 1954.
- [59] Caprio, F.S., *Variations in Sexual Behaviour*, Grove Press, New York, 1955.
- [60] Casserley, N., *A Brief Thesis on Rugae Vaginalis*, available from Childhood Sensuality Circle, California
- [61] Cassity, J.H., "Psychological considerations of paedophilia" *Psychoanalytic Review*, Vol. 14, 1927, pp. 189–99.
- [62] Childhood Sensuality Circle, PO Box 5164, San Diego, California 92105, USA.
- [63] *Concise Oxford Dictionary*, Sixth edition, 1976.
- [64] Cline, W.B., *Notes on the People of Siwa and El Garah in the Libyan Desert*, George Banta, Menasha, Wisconsin, 1936.

- [65] Cohen, K., “Children’s sexual preoccupations as a reaction to difficult family relationships”, *Journal of Child Psychology*, Vol. 2, 1951, pp. 205–20.
- [66] Cohen, M.D., “Sexual molestation in hospitals”, *Clinical Pediatrics*, Vol. 3, №12, December 1964, pp. 689–91.
- [67] Cohen, M.W. and Friedman, S.B., “Non-sexual motivation of adolescent sexual behaviour”, *Medical Aspects of Human Sexuality*, Vol. 9, №9, 1975, pp. 9–31.
- [68] Cohen, S. et al., *The Law and Sexuality*, Grass Roots Books, Manchester, 1978.
- [69] Comfort, A., *The Joy of Sex*, Quartet, London, 1974.
- [70] Constantine, L.L., “Open family: a lifestyle for kids and other people”, *The Family Coordinator*, Vol. 26, 1977, pp. 113–30.
- [71] Constantine, L.L., Review of *Show Me!*, by W. McBride and H. Fleischhauer-Hardt, in *The Family Coordinator*, Vol. 26, 1977, pp. 99–100.
- [72] Constantine, L.L., “The sexual rights of children: implications of a radical perspective”, in Larry L. Constantine and Floyd M. Martinson (eds), *Children and Sex: New Findings, New Perspectives*, Little, Brown, Boston, 1980.

- [73] Constantine, L.L., "Where are the kids? Children in alternative lifestyles", in R. W. Libby and R. N. Whitehurst (eds), *Marriage and Alternatives*, Scott Foresman, Glenview, Illinois, 1977.
- [74] Constantine, L.L. and Martinson, F.M. (eds), *Children and Sex: New Findings, New Perspectives*, Little, Brown, Boston, 1980.
- [75] Cook, M. and Howells, K. (eds), *Adult Sexual Interest in Children*, Academic Press, London, 1980.
- [76] Cook, M. and Wilson, G. (eds), *Love and Attraction: An International Conference*, Pergamon Press, Oxford, 1979.
- [77] Cooper, W., "Cancer in women", *Forum* (London edition), Vol. 11, №9, November 1978, pp. 24–9.
- [78] Cory, D.W. (ed.), *Homosexuality: A Cross-Cultural Approach*, Julian Press, New York, 1956.
- [79] Court, J.H., "Pornography and sex crimes: a re-evaluation in the light of recent trends around the world", *International Journal of Criminology and Penology*, Vol. 5, 1976, pp. 129–57.
- [80] Cousins, J., *Make It Happy: What Sex is All About*, Virago, London, 1978.

- [81] Craft, M., "Boy prostitutes and their fate", *British Journal of Psychiatry*, Vol. 112, №1, 1966, pp. 111–14.
- [82] Crick, B., *In Defense of Politics*, Penguin Books, Harmondsworth, 1962, p. 48, quoted by [330].
- [83] R. L. Currier, *Los Angeles Times*, 18 September, 1977.
- [84] D'Arch Smith, T., *Love In Earnest*, Routledge & Kegan Paul, London, 1970.
- [85] *The Daily Telegraph*, p.3, and the *Daily Mail*, p.3, 8 October, 1976.
- [86] Davenport, W., "Sexual patterns and their regulation in a society of the South-west Pacific", in F. A. Beach (ed.), *Sex and Behaviour*, John Wiley, New York, 1965.
- [87] Davidson, M., *The World, the Flesh and Myself*, David Bruce R. Watson, London, 1960.
- [88] Davidson, M., *Some Boys*, David Bruce, London, 1970.
- [89] Davies, C., "The social origins of some sexual taboos", in M. Cook and G. Wilson (eds), *Love and Attraction: An International Conference*, Pergamon Press, Oxford, 1979.

- [90] Defence of Literature and the Arts Society, “Evidence to the Williams Committee on Obscenity and Film Censorship”, in *Uncensored*, №3, 1978, pp. 1–7.
- [91] De Francis, V., *Protecting the Child Victim of Sex Crimes Committed by Adults*, American Humane Society Children’s Division, Denver, Colorado, 1969.
- [92] De Mause, L. “The evolution of childhood”, *Journal of Psychohistory*, №1, 1974, pp. 503-75.
- [93] Densen-Gerber, J. and Hutchinson, S.F., “Medical-legal and societal problems involving children — child prostitution, child pornography and drug-related abuse; recommended legislation”, in S. M. Smith (ed.), *The Maltreatment of Children*, MTP Press, Lancaster, 1978.
- [94] De River, J.P. *Crime and the Sexual Psychopath*, Charles C. Thomas, Springfield, Illinois, 1958.
- [95] Dreifus, “Freeing women’s sexuality: an interview with Germaine Greer”, *Evergreen*. Vol. 15, No. 93, October 1971, quoted in [295, pp. 39 – 40].
- [96] De Rougement, D., *Love in the Western World*, Anchor, New York, 1957.

- [97] Dingman, H.F. et al., "Erosion of morale and resocialisation of paedophiles", *Psychological Reports*, Vol. 23, №3, 1968, pp. 792–4.
- [98] Dodson, V., *Sex Between Men and Boys*, Barclay House, North Hollywood, 1968.
- [99] Doshay, L.J., *The Bop Sex Offender and his Later Career*, Grune R Stratton, New York, 1943.
- [100] Dover, K.J., *Greek Homosexuality*, Duckworth, London, 1978.
- [101] Drake, J., "'Le Vice' in Turkey", *International Journal of Greek Love* (New York), Vol. 1, №2, November 1966, pp. 13–27.
- [102] Drew, D. and Drake, J., *Boys for Sale*, Brown Book Co., New York, 1969.
- [103] Duersted, Y., *Green Fruit*, Grove Press, New York, 1974.
- [104] East, N., *Sexual Offenders*, Delisle, London, 1955.
- [105] Eaton, A.P. and Vastbinder, E., "The sexually molested child", *Clinical Pediatrics*, Vol. 8, №8, August 1969, pp. 438–41.

- [106] Edwardes, A. and Masters, R.E.L., *The Cradle of Erotica*, Julian Press, New York, 1962.
- [107] Eglington, J.Z., *Greek Love*, Neville Spearman, London, 1971.
- [108] Ellis, A., *Sex Without Guilt*, Lyle Stuart, New York, 1958.
- [109] Ellis, A. and Abarbanel A., *The Encyclopaedia of Sexual Behaviour*, Hawthorn Books, New York, 1961.
- [110] Ellis, H., *Studies in the Psychology of Sex*, Random House, New York, 1936.
- [111] Elwin, V., *The Muria and their Ghotul*, Oxford University Press, Bombay, 1947.
- [112] Engels, F., *The Origins of the Family*, Charles Kerr, Chicago, 1902.
- [113] Erikson, E.H., *Childhood and Society*, Penguin, Harmondsworth, 1974.
- [114] *Evidence on the Law Relating to and Penalties for Certain Sexual Offences Involving Children*, for the Home Office Criminal Law Revision Committee, PIE, London, 1975.
- [115] Eysenck, H J., *Handbook of Abnormal Psychology*, Pitman, London, 1973.

- [116] Eysenck, H.J., *Sex and Personality*, Open Books, London, 1976.
- [117] Eysenck, H.J. and Nias, D.K.B., *Sex, Violence and the Media*, Temple Smith, London, 1978.
- [118] Eysenck, H.J. and Wilson, G., *The Psychology of Sex*, Dent, London, 1979.
- [119] Farrell, C., *My Mother Said... The way young people learned about sex and birth control*, Routledge & Kegan Paul, London, 1978.
- [120] Farson, R., *Birthrights: A Bill of Rights for Children*, Macmillan, New York, 1974.
- [121] Fiashe, A., "Sex in the slums", *Medical Aspects of Human Sexuality*, Vol. 7, №9, 1973, pp. 88–111.
- [122] Finch, S.M., "Sexual activity of children with other children and adults", *Clinical Pediatrics*, Vol. 6, №1, January 1967, pp. 1–2.
- [123] Finch, S.M., "Adult seduction of the child: effects on the child", *Medical Aspects of Human Sexuality*, Vol. 7, №3, March 1973, pp. 170–87.
- [124] Firestone, S., *The Dialectic of Sex*, Paladin, London, 1972.

- [125] Fisher, G.M., "Psychological needs of heterosexual paedophiliacs", *Diseases of the Nervous System*, Vol. 30, №6, June 1969, pp. 419–21.
- [126] Fisher, G.M. and Howell, L.M., "Psychological needs of homosexual paedophiliacs", *Diseases of the Nervous System*, Vol. 31, September 1970, pp. 623–5.
- [127] Fitch, J.H., "Men convicted of sexual offences against children: a descriptive follow-up", *British Journal of Criminology*, Vol. 3, №1, July 1962, pp. 18–37.
- [128] Foster, H.H. and Freed, D.J., "A bill of rights for children", *Family Law Quarterly*, Vol. 6, 1972, p. 343.
- [129] Ford, G.S., "Sex offences: an anthropological perspective", *Law and Contemporary Problems*, Vol. 25, №2, 1960, pp. 225–43.
- [130] Ford, C.S. and Beach, F.A., *Patterns of Sexual Behaviour*, Harper & Row, New York, 1951.
- [131] Forgey, D.G., "The institution of Berdache among the North American plains Indians", *Journal of Sex Research*, February 1975, pp. 1–15.
- [132] Foucault, M., *The History of Sexuality*, Vol. 1, Allen Lane, London, 1979.

- [133] Frankl, G., *The Failure of the Sexual Revolution*, Kahn & Averill, London, 1974.
- [134] Franzblau, A.N., “Religion and sexuality”, in A. Freedman et al. (eds), *The Comprehensive Textbook of Psychiatry*, Williams & Wilkins, Baltimore, 1975.
- [135] Fraser, M., *The Death of Narcissus*, Seeker & Warburg, London, 1976.
- [136] Fraser, M., “Paedophilia: the eighth deadly sin?”, *Forum* (London edition), Vol. 11, №7, 1978, pp. 15–19.
- [137] Freud, S., “Three Essays on the Theory of Sexuality”, in *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud*, Hogarth Press, London, 1953–74, Vol. 7, p. 130f. (First published in 1905.)
- [138] Freud, S., “Analysis of a Phobia in a Five-Year-Old Boy”, in *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud*, Vol. 10, p. 3f. (First published in 1909.)
- [139] Freud, S., “Leonardo da Vinci and a Memory of his Childhood”, in *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud*, Vol. 11, p. 59f. (First published in 1910.)

- [140] Freund, K., "Diagnosing heterosexual paedophilia by means of a test for sexual interest", *Behaviour Research and Therapy*, Vol. 3, №4, December 1965, pp. 229–34.
- [141] Freund, K., "Erotic preference in paedophilia", *Behaviour Research and Therapy*, Vol. 5, 1967, pp. 339–48.
- [142] Freund, K. et al., "Femininity and preferred partner age in homosexual and heterosexual males", *British Journal of Psychiatry*, Vol. 125, 1974, pp. 442–6.
- [143] Friedenburg, E.Z., *The Vanishing Adolescent*, Beacon, Boston, 1959.
- [144] Frisbie, L.V., "Treated sex offenders and what they did", *Mental Hygiene*, Vol. 43, 1959, pp. 263–7.
- [145] Frisbie, L.V. et al., "The self and the ideal self: methodological study of paedophiles", *Psychological Reports*, Vol. 20, 1967, pp. 699–706.
- [146] Fry, W.F., "Psychodynamics of sexual humour: sexual views of children", *Medical Aspects of Human Sexuality*, Vol. 8, №9, September 1974, pp. 77–80.
- [147] Gagnon, J.H., "Female child victims of sex offences", *Social Problems*, Vol. 13, 1965, pp. 176–92.

- [148] Gagnon, J.H., *Human Sexualities*, Scott Foresman, Glenview, Illinois, 1977.
- [149] Gagnon, J.H. and Simon, W., *Sexual Encounters Between Adults and Children*, SIECUS Study Guide №11, Sex Information and Education Council of the United States (SIECUS), New York, 1970.
- [150] Gagnon, J.H. and Simon, W., *Sexual Conduct: the Social Sources of Human Sexuality*, Aldine, London, 1973.
- [151] Gale, J., "Paedophilia", M.A. thesis for The University of Kent, 1978.
- [152] Gay Left, "Happy families? Paedophilia examined", leading article in *Gay Left*, №7, Winter 1978–9, pp. 2–6.
- [153] Gebhard, P.H. and Gagnon, J.H., "Male sex offenders against very young children", *American Journal of Psychiatry*, Vol. 121, №6, December 1964, pp. 576–9.
- [154] Gebhard, P.H., et al., *Sex Offenders: An Analysis of Types*, Harper-Hoeber, New York, 1965.
- [155] Geddes, D.P. (ed.), *An Analysis of the Kinsey Reports*, Mentor, New York, 1954.
- [156] Gerassi, J., *The Boys of Boise*, Macmillan, New York, 1966.

- [157] Gibbens, T.C.N. and Prince, J., Child Victims of Sex Offences, Institute for the Study and Treatment of Delinquency, London, October 1963.
- [158] Gibbens, T.C.N. et al., "Behavioural types of rape", British Journal of Psychiatry, Vol. 130, 1977, pp. 32–42.
- [159] Gigeroff, A.K., Sexual Deviations in the Criminal Law: Homosexual, Exhibitive and Paedophiliac Offences in Canada, Oxford University Press, London, 1969.
- [160] Glueck, B.C., "Paedophilia", in R. Slovenko (ed.), Sexual Behaviour and the Law, Charles C. Thomas, Springfield, Illinois, 1965.
- [161] Gochros, H.L. and Gochros, J.S. (eds), The Sexually Oppressed, Association Press, New York, 1977.
- [162] Goldberg, S., The Inevitability of Patriarchy, William Morrow, New York, 1973.
- [163] Goldstein, M. and Kant, H., Pornography, University of California Press; Berkeley, California, 1973.
- [164] Goldstein, M. et al., "Experience with pornography: rapists, paedophiles, homosexuals, transsexuals, and controls", Archives of Sexual Behaviour, Vol. 1, №3, 1971, pp. 267–72.

- [165] Goodman, P., *Growing Up Absurd*, Random House, New York, 1960.
- [166] Gospill, T. and Campbell, D., “Untouchable subject”, *Time Out*, 9 September, 1977, pp. 6–7.
- [167] Gorer, G., *Himalayan Village: an Account of the Lepchas of Sikkim*, Michael Joseph, London, 1938.
- [168] Goslin, D. (ed.), *Handbook of Theory and Research in Socialisation*, Rand McNally, Chicago, 1969.
- [169] Gottlieb, D. (ed.), *Children’s Liberation*, Prentice-Hall, Englewood Cliffs, New Jersey, 1973.
- [170] Gough, J., “Childhood sexuality and paedophilia”, *Gay Left*, №8, Summer 1979, pp. 18–19.
- [171] Greenblatt, R.B. and McNamara, V., “Endocrinology of human sexuality”, in A. Freedman et al. (eds), *The Comprehensive Textbook of Psychiatry*, Williams & Wilkins, Baltimore, 1975.
- [172] Greer, G., *The Female Eunuch*, Paladin, London, 1971.
- [173] Editorial in “Suck”, №5, pp. 147 – 148, quoted in [295]

- [174] Gross, B. and Gross, R. (eds), *The Children's Rights Movement*, Anchor Doubleday, Garden City, New York, 1977.
- [175] Gunn, J., "Sexual offenders", *British Journal of Hospital Medicine*, January 1976, pp. 57–65.
- [176] Gunn, J. (ed.), *Sex Offenders — A Symposium*, Special Hospitals Research Report, №14, Special Hospitals Research Unit, London, 1978.
- [177] Guyon, R., *Sex Life and Sex Ethics*, Bodley Head, London, 1933.
- [178] Guyon, R., *Sexual Freedom*, Bodley Head, London, 1939.
- [179] Guyon, R., "Chastity and virginity: the case against", in A. Ellis and A. Abarbanel, *The Encyclopaedia of Sexual Behaviour*, Hawthorn Books, New York, 1961.
- [180] Haeberle, E. J., "Children, sex and society", *Hustler* (Columbus, Ohio), December 1978, pp. 71–124.
- [181] Haeberle, E.J., *The Sex Atlas*, Seabury Press, New York, 1978.
- [182] Hammer, E.F., "A comparison of H.T.P. of rapists and paedophiles", *Journal of Clinical Psychology*, Vol. 2, 1955, pp. 67–9.

- [183] Hannon, G., "Men loving boys loving men", *Body Politic* (Toronto), March-April 1979, pp. 22–7.
- [184] Hansard, "The Protection of Children Bill" (House of Commons debate), Hansard, 10 February, 1978.
- [185] Hansard, "The Protection of Children Bill" (House of Lords debates), Hansard, 5 May and 18 May, 1978.
- [186] Happell, C., "Notes on the analysis of a case of pederasty", *International Journal of Psychoanalysis*, Vol. 7, 1926, pp. 229–36.
- [187] Hare, E.H., "Masturbatory insanity: the history of an idea", *Journal of Mental Science*, Vol. 108, №452, 1962, pp. 1–25.
- [188] Harriman, E., "The ethics of chemical castration", *New Scientist*, 23 November, 1978, pp. 602–4.
- [189] Hart, J., *Social Work and Sexual Conduct*, Routledge & Kegan Paul, London, 1979.
- [190] Hayman, C.R. et al., "Sexual assault on women and girls", *American Journal of Obstetrics and Gynaecology*, Vol. 109, 1971, pp. 480–6.
- [191] Hefner, K., *Children's Rights Handbook*, Youth Liberation Press, Ann Arbor, Michigan, 1979.

- [192] Henderson, D., "Incest: a synthesis of data", *Canadian Psychiatric Association Journal*, Vol. 17, 1972, pp. 299–313.
- [193] <http://www.theguardian.com/society/2013/jan/03/paedophilia-bringing-dark-desires-light>.
- [194] Henriques, B., "Sexual assault on children: a magistrate's view", *British Medical Journal*, 16 December, 1961, pp. 1629–31.
- [195] Henry, S. and Robinson, D., *Self-Help and Health: Mutual Aid for Modern Problems*, Martin Robertson, London, 1977.
- [196] Heron, A. (ed.), *Towards a Quaker View of Sex*, Friends House, London, 1964.
- [197] Hinton, J. et al., "Psychophysiological assessment of sex offenders", in J. Gunn (ed.), *Sex Offenders — A Symposium*, Special Hospitals Research Report, №14, 1978.
- [198] Hirschfield, M., *Sexual Anomalies and Perversions*, Francis Alder, London, 1948.
- [199] Hite, S. *The Hite Report: A Nationwide Study of Female Sexuality*, Macmillan, New York, 1976.

- [200] Holbrook, D., "The connection between sex and violence", *Contemporary Review*, Vol. 221, 1 September, 1972, pp. 142–5.
- [201] Holt, J., *Escape From Childhood: the Needs and Rights of Children*, Penguin, Harmondsworth, 1975.
- [202] Hose, K., "On paedophilia", *Radical Therapist* (W. Somerville, Mass.), Vol. 5, №1, February-March 1976, p. 6.
- [203] Howells, J., *Remember Maria*, Butterworth, London, 1974.
- [204] Howells, K., "Social reactions to sexual deviance", paper presented to the 12th Cropwood Conference: "Sex offenders in the criminal justice system", Selwyn College, Cambridge, 1979.
- [205] Howells, K., "Some meanings of children for paedophiles", paper presented at the International Conference on Love and Attraction, Swansea, 1977.
- [206] Ingram, M., "FILTHY: Reaction to paedophilic acts", *Libertarian Education* (Leicester), №21, Spring 1977, pp. 4–5.
- [207] Ingram, M., "A study of 92 cases of sexual contact between adult and child", *British Journal of Sexual Medicine*, Vol. 6, №44, January 1979, p. 22f (Part 1), and Vol. 6, №45, February 1979, p. 24f (Part 2).

- [208] Isaacs, S., *The Social Development of Young Children*, Routledge & Kegan Paul, London, 1933.
- [209] Jay, K., and Young, A., *The Gay Report*, Summit Books, New York, 1979.
- [210] Jersild, J., *De Paedophile: Borneelskere*, Nyt Nordisk Forlag, Copenhagen, 1964.
- [211] Johnson, W.R., *Childhood Sexuality: the Last of the Great Taboos?*, Sex Information and Education Council of the United States (SIECUS), New York, March 1977.
- [212] Johnston, C.M. and Deisher, R.W., "Contemporary communal child rearing: a first analysis", *Pediatrics*, Vol. 52, №3, 1973, pp. 319–26.
- [213] Joint Council for Gay Teenagers, *A Response to the Home Office Working Paper on the Age of Consent in Relation to Sexual Offences*, JCGT, Liverpool, 1980.
- [214] Jones, G., "A new look at pederasty: perspectives in an enlightened society", unpublished paper, written at the University of Southern California, January 1977.
- [215] Juhasz, A. (ed.), *Sexual Development and Behaviour*, Dorsey Press, Homewood, Illinois, 1973.

- [216] Justice, B. and Justice, R., *The Broken Taboo: Sex in the Family*, Peter Owen, London, 1980.
- [217] Karlen, A., *Sexuality and Homosexuality*, Macdonald, London, 1971.
- [218] Karpman, B., "A case of paedophilia (legally rape) cured by psychoanalysis", *Psychoanalytic Review*, Vol. 37, 1950, pp. 235–76.
- [219] Kelly, B., "On woman/girl love, or lesbians do 'do it'", *Gay Community News* (Boston, Mass.), 3 March, 1979.
- [220] Kinsey, A. et al., *Sexual Behaviour in the Human Male*, W. B. Saunders, Philadelphia, 1948.
- [221] Kinsey, A. et al., *Sexual Behaviour in the Human Female*, W.B. Saunders, Philadelphia, 1953.
- [222] Kirkendall, L., *A New Bill of Sexual Rights and Responsibilities*, Prometheus Books, Buffalo, New York, 1976.
- [223] Kline, P., *Fact and Fantasy in Freudian Theory*, Methuen, London, 1973.
- [224] Kohlenberg, R.J., "Treatment of a homosexual paedophiliac using in viva desensitisation: a case study", *Journal of Abnormal Psychology*, Vol. 83, №2, 1974, pp. 192–5.

- [225] Koocher, G.P., *Children's Rights and the Mental Health Professions*, Wiley Interscience, New York, 1976.
- [226] Kraemer, W. et al., *The Forbidden Love*, Sheldon Press, London, 1976.
- [227] Krafft-Ebing, R. von, *Psychopathia Sexualis*, Rebman, New York, 1912 (12th ed.).
- [228] Kurland, M.L., "Paedophilia erotica", *Journal of Nervous and Mental Disease*, Vol. 131, 1960, pp. 394–403.
- [229] Kyler, C.W., "Camera surveillance of sex deviates", *Law and Order*, Vol. 11, №11, November 1963, pp, 16–20.
- [230] Lancashire, D., *Toronto Globe*, 17 February, 1979.
- [231] Landis, J.T., "Experiences of 500 children with adult sexual deviation", *Psychiatric Quarterly Supplement*, Vol. 30, №1, 1956, pp. 91–109.
- [232] Landtman, G., *The Kiwai Papuans of New Guinea*, Macmillan, London, 1927.
- [233] Langfeldt, T., "Processes in sexual development", in M. Cook and G. Wilson (eds), *Love and Attraction: An International Conference*, Pergamon Press, Oxford, 1979.

- [234] Langsley, D. G. et al., "Father-son incest", in A. Freedman et al. (eds), *The Comprehensive Textbook of Psychiatry*, Williams & Wilkins, Baltimore, 1975.
- [235] Levine, L.S. et al., "Androgen production in boys with sexual precocity and congenital adrenal hyperplasia", *Metabolism*, Vol. 21, №5, May 1972, pp. 457–64,
- [236] Lewis, J.M. et al., *No Single Thread: Psychological Health in Family Systems*, Brunner Mazel, New York, 1976.
- [237] Lewisohn, R., *A History of Sexual Customs*, Bell, New York, 1956.
- [238] Licht, H., *Sexual Life in Ancient Greece*, Barnes & Noble, New York, 1962.
- [239] Lipton, G.L. and Roth, E.I., "Rape: a complex management problem in the paediatric emergency room", *Journal of Pediatrics*, Vol. 75, №5, 1969, pp. 859–66.
- [240] Lloyd, R., *Playland: A Study of Boy Prostitution*, Blond & Briggs, London, 1977.
- [241] London Gay Activists Alliance, *Submission to the Royal Commission on Criminal Procedure*, L.G.A.A., London, 1979.

- [242] Longford, Lord, Pornography: The Longford Report, Coronet, London, 1972.
- [243] Lorand, S. and Schneer, H.I., "Sexual deviations", in A. Freedman et al. (eds), The Comprehensive Textbook of Psychiatry, Williams & Wilkins, Baltimore, 1975.
- [244] Lukianowicz, N., "Incest: I paternal; II other types", British Journal of Psychiatry, Vol. 120, 1972, pp. 301–13.
- [245] McBride, W. and Fleischhauer-Hardt, H., Show Me! A Picture Book of Sex for Children and Parents, St Martins Press, New York, 1975.
- [246] McCaghy, C.H., "Child molesters: a study of their careers as deviants", in M.B. Clinard and R. Quinney (eds), Criminal Behaviour Systems: A Typology, Holt Rinehart & Winston, New York, 1967.
- [247] McCaghy, C.H., "Drinking and deviance disavowal: the case of child molesters," Social Problems, Vol. 16, 1968–9, pp. 43–9.
- [248] McCance, R., "National Front Attack PIE", Broadsheet (newsletter of the Campaign for Homosexual Equality), October 1977, p. 3.

- [249] McCreary, C.P., "Personality differences among child molesters", *Journal of Personality Assessments*, Vol. 39, №6, December 1975, pp. 591–3.
- [250] Letter from Dr A.P. McEldowney, *The Times*, 16 February, 1978.
- [251] McGeorge, J., "Sexual assaults on children", *Medicine, Science and the Law*, Vol. 4, №4, 1964, pp. 245–53.
- [252] Maclean, P., "Brain mechanisms of elemental sexual functions", in A. Freedman et al. (eds), *The Comprehensive Textbook of Psychiatry*, Williams & Wilkins, Baltimore, 1975.
- [253] Malamuth, N.M. et al., "Sexual arousal and aggression: recent experiments and theoretical issues", *Journal of Social Issues*, Vol. 33, №2, 1977, pp. 110–33.
- [254] Malinowski, B., *The Sexual Life of Savages in North West Melanesia*, Halcyon House, New York, 1929.
- [255] Manning, M., "Should we pity the paedophiles?", *Community Care*, 19 October, 1977, pp. 17–20.
- [256] Marcuse, H., *Eros and Civilization*, Sphere, London, 1969.

- [257] Marks, I. et al., "Sexual deviates two years after electrical stimulation," *Journal of Psychiatry*, Vol. 117, 1970, pp. 173–85.
- [258] Marshall, D.S. and Suggs, R.C. (eds), *Human Sexual Behaviour: Variations Across the Ethnic Spectrum*, Basic Books, New York, 1971.
- [259] Martinson, F.M., "Eroticism in infancy and childhood," *Journal of Sex Research*, Vol. 12, 1976, pp. 251–62.
- [260] Masters, W.H. and Johnson, V.E., *Human Sexual Response*, Little, Brown, Boston, 1965.
- [261] Masters, W.H. and Johnson, V.E., *Human Sexual Inadequacy*, Little, Brown, Boston, 1970.
- [262] Masters, R.E.L., *Forbidden Sexual Behaviour and Morality*, Matrix House, New York, 1966.
- [263] Mawby, R.I., "Policing the age of consent", *Journal of Adolescence*, Vol. 2, 1979, pp. 41–9.
- [264] Mead, M., *Sex and Temperament in Three Primitive Societies*, William Morrow, New York, 1935.

- [265] Meier, E.G., "Girls involved in sex offences", in Gladys Meyer (ed.), *Studies of Children*, Columbia University Press (King's Crown Press division), New York, 1948.
- [266] Merrill, L., "Summary of findings in a study of sexualism among 100 delinquent boys," *Journal of Juvenile Research*, Vol. 3, 1918, pp. 255–67.
- [267] Messenger, J.C., "Sex and repression in an Irish folk community", in D.S. Marshall and R.C. Suggs (eds), *Human Sexual Behaviour: Variations Across the Ethnic Spectrum*, Basic Books, New York, 1971.
- [268] Milner, A., "The Indecency with Children Act", *British Journal of Criminology*, Vol. 2, 1962, pp. 282–91.
- [269] Mohr, J.W. et al., *Paedophilia and Exhibitionism: A Handbook*, University of Toronto Press, Toronto, 1964.
- [270] Mohr, J.W. and Turner, R.E., "Sexual deviations. Part IV: Paedophilia", *Applied Therapeutics*, Vol. 9, №4, April 1967, pp. 362–5.
- [271] Mohr, J.W., "The paedophilias: their clinical, legal and social implications", in B. Schlesinger (ed.), *Sexual Behaviour in Canada: Patterns and Problems*, University of Toronto Press, Toronto, 1977.

- [272] Moll, A., *The Sexual Life of the Child*, Macmillan, London, 1912.
- [273] Money, J. and Tucker, P., *Sexual Signatures*, Little, Brown, Boston, 1975.
- [274] Montagu, A., *Touching*, Harper & Row, New York, 1978.
- [275] Moody, R., "An act of abuse", *Peace News*, 24 March, 1978, pp. 12–13.
- [276] Moody, R., *Indecent Assault*, *Word Is Out/Peace News*, London, 1980.
- [277] Morin, S.A., "The gay movement and the rights of children", *Journal of Social Issues*, Vol. 34, №2, 1978, pp. 137–48.
- [278] Mulcock, D., "A study of 100 non-selected cases of sexual assaults on children", *International Journal of Sexology*, Vol. 7, №3, February 1954, pp. 125–8.
- [279] Myers, W.A., "The primal scene", *Medical Aspects of Human Sexuality*, Vol. 8, №9, September 1974, pp. 156–65.
- [280] National Council for Civil Liberties, *Rights of Children: Report of the First National Conference on Children's Rights*, NCCL, London, 1972.

- [281] National Council for One Parent Families and the Community Development Trust, Joint Working Party on Pregnant Schoolgirls and Schoolgirl Mothers, *Pregnant at School*, NCOPF, London, 1979.
- [282] National Secular Society, “Evidence to the Committee on Obscenity and Film Censorship” (The Williams Committee), reprinted in *The Freethinker*, Vol. 98, №5, May 1978, pp. 67–78.
- [283] Nedoma, K., “Sexual behaviour and its development in paedophilic men”, *Archives of Sexual Behaviour*, Vol. 1, №3, 1971, pp. 267–71.
- [284] Neill, A.S., *Summerhill: A Radical Approach to Education*, Gollancz, London, 1962.
- [285] Neu, J., “What is wrong with incest?” *Inquiry (Oslo)*, Vol. 19, Spring 1976, pp. 27–39.
- [286] *News of the World*, 4 September, 1977.
- [287] Nichols, D., *Toward a Perspective for Boy Lovers*, Editorial Creative Products, Lansing, Michigan, 1976.
- [288] O’Carroll, T., “Chemical castration”, *Gay Left*, №7, Winter 1978–9, pp. 37–8.

- [289] O'Carroll, T., "Is PIE sexist?", *Magpie* (journal of PIE), №12, January 1979, pp. 7–9.
- [290] O'Carroll, T., "Paedophilia: a response", *Gay Left*, №8, Summer 1979, pp. 13–17.
- [291] Ollendorff, R., *The Juvenile Homosexual Experience*, Julian Press, New York, 1966.
- [292] Olsen, J., *The Man with the Candy*, Simon & Schuster, New York, 1974.
- [293] Ovenden, G. and Melville, R., *Victorian Children*, Academy Editions, London, 1972.
- [294] Owen, L., "Taboo or not taboo?", *The Guardian*, 16 September, 1977, p. 11.
- [295] Jeanne Pasle-Green and Jim Haynes, *Hello, I Love You!*, Almonde, Paris, 1975.
- [296] *Peace News*, 6 April, 1979.
- [297] Paedophile Information Exchange, *Evidence on the Law Relating to and Penalties for Certain Sexual Offences Involving Children*, for the Home Office Criminal Law Revision Committee, PIE, London, 1975. Paedophile

Information Exchange, A Survey of Members of the Paedophile Information Exchange, PIE, London, 1976.

- [298] Paedophile Information Exchange, Paedophilia: Some Questions and Answers, PIE, London, 1978.
- [299] Parker, T., The Twisting Lane: Some Sex Offenders, Panther, London, 1969.
- [300] Pasle-Green, J. and Haynes, J., Hello, I Love You!, Almonde, Paris, 1975.
- [301] Peters, J.J., "Children who are victims of sexual assault and the psychology of offenders", American Journal of Orthopsychiatry, Vol. 30, 1976, pp. 398–421.
- [302] Pincus, L. and Dare, C., Secrets in the Family, Pantheon, New York, 1978.
- [303] Plummer, K., Sexual Stigma, Routledge & Kegan Paul, London, 1975.
- [304] Plummer, K., "Sociological aspects of Paedophilia", paper presented at the International Conference on Love and Attraction, Swansea, 1977.

- [305] Plummer, K., "The paedophile's progress: a view from below", in B. Taylor (ed.), *Perspectives on Paedophilia*, Batsford, London, 1980.
- [306] Policy Advisory Committee on Sexual Offences, Working Paper on the Age of Consent in Relation to Sexual Offences, HMSO, London, 1979.
- [307] Pomeroy, W.B., *Boys and Sex*, Delacorte, New York, 1968.
- [308] Pomeroy, W.B., *Girls and Sex*, Delacorte, New York, 1969.
- [309] Pomeroy, W.B., *Dr Kinsey and the Institute for Sex Research*, Nelson, London, 1972.
- [310] Power, D.J., "Paedophilia", *The Practitioner*, Vol. 218, June 1977, pp. 205–11.
- [311] Prescott, J.W., "Body pleasure and the origins of violence," *Bulletin of the Atomic Scientists*, November 1975, pp. 10–20.
- [312] Quinsey, V.L., "Penile circumference, skin conductance and ranking responses of child molesters and 'normals' to sexual and nonsexual visual stimuli", *Behaviour Therapy*, Vol. 6, №2, March 1975, pp. 213–19.
- [313] Radzinowicz, L., *Sexual Offences*, Macmillan, London, 1957.

- [314] Rae, M. et al., *First Rights: A Guide to Legal Rights for Young People*, National Council for Civil Liberties, London, 1979.
- [315] Raile, A.L., *The Defence of Uranian Love*, Cayme Press (3 vols.), London, 1928 and 1930.
- [316] Rainier, J.D. et al., "Homosexuality and heterosexuality in identical twins", *Psychosomatic Medicine*, Vol. 22, №4, 1960, pp. 251–9.
- [317] Ramsey, G.V., "The sexual development of boys", *American Journal of Psychology*, Vol. 56, 1943, pp. 217–33.
- [318] Rawls, J., *A Theory of Justice*, Harvard University Press, Cambridge, Mass., 1972.
- [319] Raybin, J.B., "Homosexual incest: report of a case involving three generations of a family", *Journal of Nervous and Mental Disease*, Vol. 148, 1969, pp. 105–9.
- [320] Reade, B., *Sexual Heretics: Male Homosexuality in English Literature 1850–1900*, Routledge & Kegan Paul, London, 1970.
- [321] Reich, W., *The Function of the Orgasm*, Orgone Institute Press, New York, 1948 (2nd ed.).

- [322] Reich, W., *The Sexual Revolution*, Vision Press, London, 1972.
- [323] Reifen, D., "The child as victim of a sexual offence: a new method of investigation in Israel", *British Journal of Psychiatric Social Work*, Vol. 4, 1958, pp. 11–17.
- [324] Revitch, E. and Weiss, R.G., "The paedophiliac offender", *Diseases of the Nervous System*, Vol. 23, №2, February 1962, pp. 73–8.
- [325] Richard, J., "Children's sexuality", *Radical Therapist* (W. Somerville, Mass.), Vol. 5, №1, February-March 1976, p. 7.
- [326] Righton, P., "Sexual minorities and social work", *Health and Social Services Journal*, 28 February, 1976, pp. 392–3.
- [327] Robertson, G., *Obscenity*, Weidenfeld & Nicolson, London, 1979.
- [328] Robinson, H.A. et al., "Review of child molestation and alleged rape cases", *American Journal of Obstetrics and Gynaecology*, 1 June, 1971, pp. 405–6.
- [329] Robinson, P., *The Modernisation of Sex*, Elek, London, 1976.
- [330] Rodham, H., "Children under the law", *Harvard Educational Review*, Vol. 43, №4, November 1973, p. 487f.

- [331] Roeder, F.D., “Neurosurgery for the paedophilic homosexual”, *World Medicine*, Vol. 6, №4, 1970, pp. 42–5.
- [332] Roeder, F.D. and Muller, D., “The stereotaxic treatment of paedophilic homosexuality”, *German Medical Monthly*, Vol. 14, №6, June 1969, pp. 265–71.
- [333] Rooth, G., “Exhibitionism, sexual violence and paedophilia”, *British Journal of Psychiatry*, Vol. 122, 1973, pp. 705–10.
- [334] Rossman, G.P., “Literature on pederasty”, *Journal of Sex Research*, Vol. 9, №4, November 1973, pp. 307–12.
- [335] Rossman, G.P., “The pederasts”, *Transaction: Society*, Vol. 10, №3, March-April 1973, pp. 29–35.
- [336] Rossman, G.P., *Sexual Experience Between Men and Boys: Exploring the Pederast Underground*, Temple Smith, London, 1979.
- [337] Rothchild, J. and Wolf, S., *Children of the Counterculture*, Doubleday, Garden City, New York, 1976.
- [338] Rouweler-Wutz, L., “Paedophiles in contact or conflict with society”, Nijmegen, 1976, quoted in a paper, “The legal status of the paedophile”, by Edward Brongersma, presented to the Psychiatric-Juridical Society, Amsterdam, 1977.

- [339] Rush, F., "The sexual abuse of children: a feminist point of view", in Phyllis Birkby (ed.), *Amazon Expedition*, Times Change Press, Washington, NJ, 1973.
- [340] Rycroft, C., *Reich*, Fontana, London, 1971.
- [341] Sagarin, E. "Incest: problems of definition and frequency", *Journal of Sex Research*, Vol. 13, №2, May 1977, pp. 126–35
- [342] Saghir, M.T. and Robins, E., *Male and Female Homosexuality*, Williams & Wilkins, Baltimore, 1973.
- [343] Sarff, D., "Sex begins at a very early age", *Newsweek*, 11 December, 1975, pp. 3–5.
- [344] *Sequel*, March 1978.
- [345] Schofield, M., "Child molesters", *New Society*, 14 October, 1965, pp. 11–13.
- [346] Schofield, M., *Sociological Aspects of Homosexuality*, Longman, London, 1965.
- [347] Schofield, M., *The Sexual Behaviour of Young People*, Longman, London, 1965.

- [348] Schultz, L., "Psychotherapeutic and legal approaches to the sexually victimized child", *International Journal of Child Psychotherapy*, Vol. 1, №4, 1972, pp. 115–28.
- [349] Schultz, L., "The child sex victim: social, psychological and legal perspectives", *Child Welfare*, Vol. 52, №3, March 1973, pp. 147–57.
- [350] Science Now, BBC Radio 4, 12 December, 1978.
- [351] Serz, D., "Screwing the generation gap", *Human Digest*, February 1978, pp. 19–25.
- [352] Sgroi, S., "Sexual molestation of children", in S. Chess and A. Thomas (eds), *Annals of Progressive Child Psychiatry and Child Development*, Brunner Mazel, New York, 1976.
- [353] Sherer, K.R. et al., *Human Aggression and Conflict*, Prentice-Hall, Englewood Cliffs, New Jersey, 1975.
- [354] Shoor, M.D. et al., "The syndrome of the adolescent child molester", *American Journal of Psychiatry*, Vol. 122, №2, 1966, pp. 783–9.
- [355] Simon, W. and Gagnon, G., "On psychosexual development", in D.A. Goslin (ed.), *Handbook of Socialization Theory and Research*, Rand McNally, Chicago, 1969.

- [356] Simons, J., *Does Sex Make You Feel Guilty?*, Sphere, London, 1972.
- [357] Siskind, V., "Bias in estimating the frequency of incest", *Annals of Human Genetics*, Vol. 38, 1975, pp. 355–9.
- [358] Socarides, C.W., "The meaning and content of a paedophilic perversion", *Journal of the American Psychoanalytic Association*, Vol. 7, №1, January 1959, pp. 84–94.
- [359] Sorenson, R.C., *Adolescent Sexuality in Contemporary America: Personal Values and Sexual Behaviour*, World Publishing, New York, 1973.
- [360] Spada, J., *The Spada Report*, New American Library, New York, 1979.
- [361] Speijer Committee, *The Speijer Report (Advice to the Netherlands Council of Health concerning homosexual relations with minors)*, made available in an English translation by the Sexual Law Reform Society, London. First published (in Dutch), 1969.
- [362] Spock, B., *Baby and Child Care*, New English Library, London, 1969 and (new ed.) 1979.
- [363] Stekel, W., *Sexual Aberrations*, Liveright, New York, 1930.

- [364] Stekel, W., *Patterns of Psychosexual Infantilism*, Liveright, New York, 1952.
- [365] Stokes, R.E., "A research approach to sexual offences involving children", *Canadian Journal of Corrections*, Vol. 6, №1, 1964, pp. 87–94.
- [366] Stoll, B., *But Why Cancer, Sally?*, Heinemann, London, 1976.
- [367] Stoller, R., *Perversion: The Erotic Form of Hatred*, Quartet, London, 1977.
- [368] Storr, A., *Sexual Deviation*, Penguin, Harmondsworth, 1964.
- [369] Suggs, R.C., *Marquesan Sexual Behaviour*, Harcourt Brace, New York, 1966.
- [370] Swanson, D.W., "Adult sexual abuse of children", *Diseases of the Nervous System*, Vol. 29, 1968, pp. 677–83.
- [371] Swanson, D.W., "Who violates children sexually?", *Medical Aspects of Human Sexuality*, February 1971, pp. 184–97.
- [372] *Symposium on Childhood and Sexuality, Proceedings of the Symposium on Childhood and Sexuality*, University of Quebec, Montreal, 1980.

- [373] Taylor, B., "Motives for guilt-free pederasty: some literary considerations", *Sociological Review*, Vol. 24, №1, 1976, pp. 97–114.
- [374] Taylor, G.R., *Sex In History*, Thames & Hudson, New York, 1957.
- [375] Taylor, B. (ed.), *Perspectives on Paedophilia*, Batsford, London, 1980.
- [376] Tennent, T.G., "Drugs and the treatment of sex offenders", in J. Gunn (ed.), *Sex Offenders — A Symposium*, Special Hospitals Research Report, №14, 1978.
- [377] Textor, R.B., *A Cross-Cultural Summary*.
- [378] Tolsma, F.J., "De betekenis van de verleiding in homofeile ontwikkelingen", paper presented to the Psychiatric-Juridical Society, Amsterdam, 1957.
- [379] Toobert, S., "Some factors related to paedophilia", *International Journal of Social Psychiatry*, Vol. 4, 1959, pp. 272–9.
- [380] Toynbee, P., Women's Page feature article on paedophilia (untitled), *The Guardian*, 12 September, 1977.

- [381] Tsang, D., “A Boy-Lover’s Perspective” (interview with D.W. Nichols), Part 1, *Mid-West Gay Academic Journal* (Ann Arbor, Michigan), Vol. 1, №3, 1978, pp. 11–21.
- [382] Tsang, D., “A Boy-Lover’s Perspective” (interview with D.W. Nichols), Part 2, *Gay Insurgent* (Philadelphia), №1, 1979, pp. 25–36.
- [383] Tsang, D., “Men and boys”, *Gaysweek* (New York), Vol. 3, №103, 12 February, 1979, p. 8.
- [384] Tuteur, W., “Child molesters and men who expose themselves — An anthropological approach”, *Journal of Forensic Sciences*, Vol. 8, №4, October 1963, pp. 515–25.
- [385] Ullerstam, L., *The Erotic Minorities*, Calder & Boyars, London, 1967.
- [386] US Presidential Commission on Obscenity and Pornography, *Reports on Obscenity and Pornography*, US Government Printing Office, Washington DC, 1970.
- [387] Vanasek, F.J. et al., “Patterns of affective response in two groups of paedophiles”, *Psychological Reports*, Vol. 22, 1968, pp. 659–68.
- [388] Vanggaard, T., *Phallos*, Jonathan Cape, London, 1972.

- [389] Virkkunen, M., "Victim precipitated paedophilic offences", *British Journal of Criminology*, Vol. 15, №2, April 1975, pp. 175–80
- [390] Walker, N. and Argyle, M., "Does the law affect moral judgements?", *British Journal of Criminology*, Vol. 4, 1964, pp. 570–81.
- [391] Walmsley, R., "Sentences imposed on sexual offenders", in J. Gunn (ed.), *Sex Offenders — A Symposium*, Special Hospitals Research Report, №14, 1978.
- [392] Walmsley, R. and White, K., *Sexual Offences: Consent and Sentencing*, Home Office Research Study №54, HMSO, London 1979.
- [393] Walters, D.R., *Physical and Sexual Abuse of Children: Causes and Treatment*, Indiana University Press, Bloomington, Indiana, 1975.
- [394] Ward, C., *The Child in the City*, Architectural Press, London, 1978.
- [395] Warner, S.T., T.H. White: A Biography, Jonathan Cape/Chatto and Windus, 1967.
- [396] Watson, D., "Do children have rights?", *The Philosophical Journal*, Vol. 13, №2, Winter 1976, pp. 89–99.

- [397] Waugh, A., "Suffer the little children", *Spectator*, 1 October, 1977, p. 6.
- [398] Weeks, J., *Coming Out*, Quartet, London, 1977.
- [399] Weinberg, M.S. (ed.), *Sex Research: Studies from the Kinsey Institute*, Oxford University Press, New York, 1976.
- [400] Weinberg, M.S. and Bell, A., *Homosexuality: An Annotated Bibliography*, Harper & Row, New York, 1972.
- [401] Weiss, J. et al., "A study of girl sex victims", *Psychiatric Quarterly*, Vol. 29, January 1955, pp. 1–27.
- [402] Wells, N.H., "Sexual offences as seen by a policewoman", *British Medical Journal*, 6 December, 1958, pp. 1404–8.
- [403] West, D.J., *Homosexuality*, Penguin, Harmondsworth, 1960.
- [404] West, D.J., *Homosexuality Re-examined*, Duckworth, London, 1977.
- [405] Westermarck, E., *The Origin and Development of the Moral Ideas*, Macmillan, London, 1906.
- [406] Westwood, G., *A Minority*, Longman, London, 1960.
- [407] Whitehouse, M., *Whatever Happened to Sex?*, Wayland, Hove, Sussex, 1977.

- [408] Williams, B. et al., Report of the Committee on Obscenity and Film Censorship, HMSO, London, 1979.
- [409] Willis, J. and Deakin, M., Johnny Go Home, Futura, London, 1976.
- [410] Wilson, C., The Origin of the Sexual Impulse, Panther, London, 1966.
- [411] Wilson, G., The Secrets of Sexual Fantasy, Dent, London, 1978.
- [412] Winnicott, D.W., The Child, the Family, and the Outside World, Penguin, Harmondsworth, 1975.
- [413] Wolfenden, J. et al., Report of the Committee on Homosexual Offences and Prostitution (The Wolfenden Report), HMSO, London, 1957.
- [414] Worsfold, V., "Children's rights: a philosophical justification", Harvard Educational Review, Vol. 44, №1, February 1974, pp. 142–57.
- [415] Worsley, T.G., Flannelled Fool, Alan Ross, London, 1967.
- [416] Yaffe, M., "Paedophilia: The Forbidden Subject", New Statesman, 16 September, 1977, p. 362.

- [417] Yates, A., *Sex Without Shame*, Temple Smith, London, 1979.
- [418] Yorukoglu, A. and Kempf, J., “Children not severely damaged by incest with a parent”, *Journal of American Academy of Child Psychiatry*, Vol. 5, 1966, pp. 111–24.
- [419] Youth Liberation of Ann Arbor, *Growing Up Gay*, Youth Liberation Press, Ann Arbor, Michigan, 1978.
- [420] Youth Liberation of Ann Arbor, “Children and sex: a youth liberation view”, *Gay Insurgent* (Philadelphia), №1, 1979, pp. 22–4.
- [421] Youth Liberation of Ann Arbor, *Youth Liberation of Ann Arbor*, Times Change Press, Washington, NJ, 1972.
- [422] Zeegers, M., “Punishable love and dangerous protection”, *Proces* (Arnhem), July-August 1978, pp. 167–71.
- [423] Zillmann, D. and Sapolsky, B.S., “What mediates the effect of mild erotica on annoyance and hostile behaviour in males”, *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 35, 1977, pp. 587–96.
- [424] Zubin, J. and Money, J. (eds), *Contemporary Sexual Behaviour: Critical Issues in the 1970s*, Johns Hopkins University Press, Baltimore, 1973.

Оглавление

К русскому читателю	iii
К английскому читателю	ix
1 Семена радикализма	1
2 Хотят ли дети секса	17
3 «Насильник» и его «жертва»	45
4 Как это происходит	65
5 Нужен ли детям секс	91
6 Что мы предлагаем	109
7 Теория прав ребёнка	133
8 Согласие и желание	167

9	Власть и равенство	181
10	Дети в порнографии	199
11	История P1E	225
12	Большой взрыв	239
13	Лес за деревьями	261